

400 лет Дому Романовых

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

XIX — начало XX в.
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

А. СОКОЛОВ, И. ЗИМИН

**Игорь Викторович Зимин
Александр Ростиславович Соколов
Благотворительность семьи Романовых.
XIX – начало XX в. Повседневная жизнь
Российского императорского двора
Серия «400 лет Дому Романовых»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11830127

*А. Р. Соколов. И. В. Зимин. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в.
Повседневная жизнь Российского императорского двора: ЗАО «Издательство Центрполиграф»;
Москва; 2015
ISBN 978-5-227-06025-9*

Аннотация

Перед вами продолжение серии о жизни правителей России. В книге изложены результаты глубокого и всестороннего исследования существования и деятельности благотворительных учреждений, находившихся под покровительством членов Императорской фамилии в период XIX – начала XX в. Благотворительные ведомства, комитеты, общества и входившие в их состав попечительские учреждения осуществляли широкую поддержку различным категориям нуждавшихся, оказывали достаточно совершенную по тем временам социальную помощь. Рассказ об этом представляет собой не только «академический» интерес, потому что и для современной России проблема привлечения общественных сил и средств к решению социальных задач остается чрезвычайно актуальной. Многие из опыта работы ведомств и комитетов под покровительством Дома Романовых может быть востребовано и в наше время.

Содержание

Введение	6
Благотворительность дома Романовых: мотивация, традиции и организационно-правовые формы	7
«Сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных...»	7
Благотворительные ведомства и комитеты под покровительством Дома Романовых	65
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Соколов, Игорь Зимин
Благотворительность семьи
Романовых. XIX – начало
XX в. Повседневная жизнь
Российского императорского двора

© Соколов А. Р., Зимин И. В., 2015

© ООО «РТ-СПб», 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Введение

Личная благотворительность в форме традиционной милостыни осуществлялась Романовыми с начала XVII в., однако организованный, системный характер это явление приобрело в только имперский период русской истории. Благотворительность под верховным управлением и с личным участием членов императорской фамилии основывалась на тех же религиозно-нравственных принципах, что и все отечественное благотворение, но имела свои особенности. Она была призвана демонстрировать патерналистское попечение монаршей власти о подданных, однако не сводилась к мероприятиям декларативного характера. В России отсутствовала официальная государственная социальная политика, и, по сути, средством решения этих задач в общегосударственном масштабе являлась организованная благотворительность под покровительством царской семьи и осуществлявшаяся на ее основе социальная помощь.

Организационными формами благотворительности являлись крупные ведомства и комитеты, действовавшие под непосредственным руководством самодержцев, их жен и других членов первой семьи империи.

К XX столетию благотворительные ведомства императорской фамилии стали важнейшим элементом системы социальной поддержки в России. А в начале века к ним добавились новые благотворительные комитеты и общества, в том числе созданные для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. Все благотворительные структуры под покровительством дома Романовых пережили Первую мировую войну и свержение в феврале 1917 г. монархии. Они продолжали действовать при временном правительстве и даже некоторое время при Советской власти, закончив свое существование в конце 1917 – начале 1918 гг.

Благотворительность дома Романовых: мотивация, традиции и организационно-правовые формы

«Сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных...»

Присущая самодержавию парадигма персонификации власти, олицетворявшейся монархом, обусловила многие особенности становления и развития благотворительности в России. Фигура монарха, как зримого олицетворения политической, накладывала свой отпечаток на всю юридическую конструкцию самодержавной России. При такой форме правления власть передавалась по прямому наследству (за исключением ситуаций, складывавшихся в результате дворцовых переворотов), и потому определенную роль во внешней и внутренней политике России играла семья императора. В XVII–XVIII вв. эта роль была обусловлена политическими традициями, а с 1796 г. еще и «Учреждением об императорской фамилии». В XIX столетии влияние монаршей семьи на внутреннюю политику возросло в связи с увеличением числа ее членов, а также тем, что самодержцы назначали своих ближайших родственников-мужчин на высшие государственные посты. Представительницы женской половины традиционно покровительствовали благотворительности.

В XVII столетии, когда Романовы пришли к власти, правовое положение царя и членов его семьи не устанавливалось специальным законом. В XVIII в. решение стоявших перед Россией исторических задач потребовало укрепления и четкого законодательного определения личного статуса монарха и его властных функций. Формулировка, впервые определявшая характер самодержавия в стране, содержится не в отдельном законодательном акте, а в артикулах Устава воинского, принятого в 1716 г. И это не случайно, поскольку армия была важнейшей опорой российского абсолютизма, а воинская иерархия и дисциплина наиболее полно воплощали дух самодержавия.

В Артикуле 20 главы III «О команде, предпочтении и почитании высших и нижних офицеров и о послушании рядовых» говорится: «Кто против Его Величества особы хулительными словами погрешит, Его действо, намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением головы казнен»¹. Суровость наказания объясняется в Толковании к Артикулу, которое дает определение самодержавной власти: «Ибо Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благонамерению управлять»². Эти полномочия также имели ближайшие родственники государя. В толковании уточняется: «И яко же о Его Величестве самом в оном Артикуле помянуто, разумеется тако и о Ее Величестве Царской супруги, и Его Государства наследии»³. Приблизительно так же определялся характер монаршей власти в Духовном регламенте, принятом в 1721 г.

В 1722 г. Петр I «Уставом о наследовании престола» отменил фактически являвшуюся законом традицию, согласно которой власть переходила к старшему сыну монарха. После

¹ Полное собрание законов российской империи (Далее – ПСЗ). I. Т. 5. № 3006.

² ПСЗ – I. Т. 5. № 3006.

³ Там же.

череды дворцовых переворотов, Павел I законодательно определил статус монарха, порядок передачи престола и состав императорской семьи. Два закона были изданы 5 апреля 1797 г.: «О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти» и «Учреждение об императорской фамилии». Первый определял статус и полномочия монарха. Статья I этого акта подчеркивает неограниченный и сакральный характер самодержавной власти: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»⁴. Принимая этот закон, Павел, в первую очередь, стремился уберечь свою власть и государство от заговоров и смут. Хотя сам он погиб в результате дворцового переворота, законы, посвященные самодержцу и его семье, просуществовали почти без изменений до свержения монархии в России.

Принадлежность к императорской семье также устанавливалась Учреждением об императорской фамилии. Особенно почетным было положение вдовствующей императрицы. «она, – сказано в Учреждении об императорской фамилии, – сохраняя все свои прежние преимущества, имеет председиение перед супругой царствующего императора»⁵. Вдовствующая императрица имела право держать свой собственный двор. Титулами вдовствующих императриц долгое время пользовались две Марии Федоровны – супруги императоров Павла I и Александра III. Недолго – супруга Александра I Елизавета Алексеевна и жена Николая I – Александра Федоровна.

Очень важной является четвертая часть Учреждения – «О содержании членов императорского дома». На это выделялись весьма значительные суммы. Императрица получала 600 тыс. руб. в год помимо средств на содержание двора. Такое обеспечение она сохраняла за собой и будучи вдовствующей. В случае ее отъезда за границу на постоянное место жительства сумма выплат сокращалась наполовину⁶.

Учреждение об императорской фамилии просуществовало в неизменном виде до 1886 г., когда Александр III внес в него некоторые коррективы. Они касались изменения титулов, сокращения выплат членам императорской семьи и круга лиц, пользовавшихся ими.

Создание в России выборного всесословного законодательного органа – Государственной думы, придание Госсовету функции верхней палаты парламента потребовали корректировки закона о статусе монарха. В 1906 г. вышла новая редакция основных государственных законов. Характер самодержавной власти в них определяется, по существу, как и прежде. Статья 4 главы 1 «о существе верховной самодержавной власти» гласит: «императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»⁷. Следующая статья напоминает: «особа государя императора священна и неприкосновенна»⁸.

Эти формулировки не были только данью традиции. Закон отражал порядок, при котором самодержавие сохраняло за собой многие прерогативы. Монарх руководил вооруженными силами и внешней политикой. Из ведения думы был изъят ряд статей государственного бюджета, а также дела, касавшиеся ведомств и учреждений, «на особых основаниях управляемых». К их числу относились благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых. Однако монарх должен был считаться с законодательной властью. В статье 7-й названной главы разъясняется: «государь император осуществляет законодательную власть в единении

⁴ Св. зак. / изд. 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1.

⁵ Там же. Ст. 109.

⁶ См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М., 2011.

⁷ Св. зак. / изд. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 4.

⁸ Там же. Ст. 5.

с Государственным советом и Государственной думой»⁹ (соответственно, верхней и нижней палатами парламента).

Несмотря на некоторое сокращение, произведенное Александром III, средства, поступавшие на содержание августейшего семейства, были огромны. Эти средства были выведены из хозяйственной жизни страны. О том, чтобы платить с них налоги, не могло быть и речи. Министерство императорского двора, в которое входили уделы и кабинет (с 1893 г. – Министерство императорского двора и уделов), фактически являлось «государством в государстве», работавшим исключительно в интересах первой семьи империи. Благотворительные отчисления из указанных сумм, осуществлявшиеся императорами, их супругами и прочими членами царской семьи, были обусловлены традициями и осуществлялись в форме личных пожертвований.

Законы, регламентировавшие полномочия монарха, порядок престолонаследия, права и обязанности родственников по отношению к государю, являлись основой юридической конструкции самодержавия. В вышедшем при Николае I своде законов российской империи закон о священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти и Учреждение об императорской фамилии составляют соответственно первый и второй разделы части первой основных государственных законов. Самодержец являлся главой семьи и главой государства, защитником и покровителем православной веры, источником закона, центральным элементом политической системы абсолютизма. С его фигурой неразделимо были связаны социально-политические представления о власти всех сословий российского общества. Поэтому личный авторитет монарха и членов его семейства, которое насчитывало к началу XX в. до 60 человек¹⁰, был политическим капиталом, тщательно оберегаемым и всячески умножаемым. Этому служила и традиция покровительства благотворительности со стороны дома Романовых, включавшая непосредственное участие в благотворении членов императорской фамилии.

Необходимо отметить, что, кроме императора и наследника, готовившегося к выполнению монарших обязанностей, остальные члены августейшего семейства не обязаны были выполнять какие-либо обусловленные законодательством государственные и общественные функции. Их занятия определялись сложившейся в XIX столетии традицией, согласно которой мужчины занимали военные и административные должности, а женщины покровительствовали благотворительности и просвещению.

Сегодня нет нужды опровергать категорическое утверждение, продиктованное советской идеологией, что все Романовы были «жадными и праздными тунеядцами»¹¹. Романовы, конечно, были очень разными, но в императорской семье было немало умных, образованных, безупречных в нравственном отношении людей, которые ответственно относились к возложенным на них обязанностям. Правда, во многих случаях занятия членов императорской фамилии носили представительский характер и приносили мало пользы. Хуже было, когда личные качества, интеллектуальные и организаторские способности августейших особ явно не соответствовали занимаемым ими важным государственным постам. Примерами могут служить деятельность великого князя Сергея Александровича на посту генерал-губернатора Москвы и руководство Морским министерством со стороны великого князя Алексея Александровича. Но это был «врожденный» порок монархической системы правления.

В XIX столетии окончательно определился род занятий женской половины императорской фамилии. Бурный XVIII в., на протяжении которого женщины четыре раза занимали российский престол, ушел в прошлое. Государственная власть стала уделом мужчин, а

⁹ Там же. Ст. 7.

¹⁰ Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха: книга для учителей. М., 1975. С. 17.

¹¹ Там же.

высочайшие особы женского пола нашли применение своим силам в покровительстве благотворительности. Начало этому положила супруга Павла I Мария Федоровна (София-Доротея Вюртембергская), взявшая под свое личное руководство и покровительство основанные Екатериной II благотворительные учреждения призрения. В дополнение к ним Мария Федоровна создала целый комплекс учебно-воспитательных, медицинских и богаделенных благотворительных организаций, названный позднее в ее честь «ведомством учреждений императрицы Марии».

Покровительство благотворительности, являвшееся выражением личных качеств Марии Федоровны, еще при ее жизни стало устойчивой традицией, которой следовало большинство членов императорской фамилии. В России участие обладателей верховной монархической власти в делах благотворения имело глубокие исторические корни.

С утверждением на Руси христианства милосердие, забота о сиротах, детях, немощных стали важной составляющей образа доброго, справедливого и мудрого правителя, частью, говоря современным языком, его политического имиджа. В относящемся к XI в. «слове о законе и Благодати» Иллариона, автор, прославляя князя Владимира, восклицает: «...кто поведает нам о многих твоих милостынях и щедротах, творимых денно и ночью убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о милости»¹². Подчеркивается цель этой деятельности: «твои щедроты и милостыни и поныне вспоминаются людьми, но еще выше они перед Богом и ангелом его...»¹³. Эту цель благотворители на Руси преследовали в течение веков.

Характеризуя средневековую русскую благотворительность, В. О. Ключевский, в частности, замечает: «Любовь к ближнему полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, ее первым требованием признавали личную милостыню. Такая помощь рассматривалась не как средство облегчить жизнь нуждающимся, а как духовное, нравственное возвышение самого дающего»¹⁴. Богоугодным делом считалась не только раздача милостыни, но и призрение на основе благотворительности, которое власть признавала необходимым уже в XVI столетии. Стоглавый собор 1551 г., в частности, постановил создать в городах богадельни для больных и престарелых нищих, которым «боголюбцы могли приносить милостыню и все необходимое для жизни своего ради спасения»¹⁵. Но это была не практическая попытка создать систему учреждений призрения, а, скорее, декларация о намерениях. Благотворительность оставалась частным делом, в том числе для носителей верховной власти.

Иногда дореволюционные и современные исследователи рассматривают как благотворительность мероприятия Бориса Годунова и Василия Шуйского по раздаче денег в Москве во время голода. По форме это напоминает благотворение, но, по существу, такие раздачи являлись скоротечными акциями, призванными снять социальное и политическое напряжение в столице.

¹² Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; под ред. Д. С. Лихачева. М., 1990. С. 48.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 78.

¹⁵ Стоглав. СПб, 1997. С. 198.

Конный портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный художник. 1670–1680-е гг.

Классический пример частной благотворительности русского государя – поведение царя Алексея Михайловича, которое было, по словам того же В. О. Ключевского, «дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила, что вера без дела мертва»¹⁶. В дни религиозных праздников Алексей Михайлович лично раздавал милостыню продуктами и деньгами нищим и даже заключенным. Это являлось, прежде всего, выражением его личных качеств. «Царь Алексей Михайлович, – отмечает Ключевский, – был добрейший русский человек, славная русская душа. Он любил людей и желал им всякого добра»¹⁷.

Современные историки видят и другие истоки такой благотворительности. Например, И. Я. Фроянов полагает, в частности, что она «указывает не просто на нищелюбие русских

¹⁶ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 79.

¹⁷ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. Т. 3. С. 307.

самодержцев, а свидетельствует об их попечительстве, обращенном к бедным»¹⁸. Но это попечительство скорее было выражением тех же личных качеств и следованием патерналистской традиции, чем результатом осмысления социальных проблем. В средние века в сознании народа «главнейшими качествами идеала „истинного царя“ были защита народа от бояр и воевод, милостивое отношение к простым людям, верность православным традициям и заветам»¹⁹. В императорскую эпоху, когда действовали благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых, оказываемая ими помощь облекалась именно в форму патерналистской заботы монаршей власти о подданных.

И в Средневековье, и в имперский период такой подход власти к благотворению отвечал религиозным идеалам русского народа и сакрализации монаршей власти. Возвращаясь к Алексею Михайловичу, отметим, что сведений об осуществлении каких-либо организованных мероприятий в области благотворительности и призрения в его царствование не имеется. Отчасти к подобным деяниям можно отнести выкуп пленных, о котором говорится в главе восьмой соборного уложения 1649 г. Он признается обязанностью государства. Для его осуществления с населения взимался налог. Но выкуп считался таким же богоугодным делом, как раздача милостыни. За это, говорится в Уложении, «общая милостыня нарицается, а благочестивому Царю и всем православным христианам за это великая мзда от Бога будет»²⁰.

¹⁸ Фроянов И. Я. Вступительное слово // Дом Романовых в истории России. Материалы к докладам 19–22 июня 1995. СПб, 1995. С. 7.

¹⁹ Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4. С. 81.

²⁰ Памятники русского права. Выпуск 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / Под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 65.

Царь Федор Алексеевич. Гравировальный портрет XVIII в.

Первые сведения о попытках организовать призрение относятся ко времени правления царя Федора Алексеевича. При нем в 1682 г. был издан указ об открытии в Москве приютов и богаделен. Однако никаких конкретных сведений о деятельности этих учреждений не имеется. Больше известно о том, как пытался организовать благотворительность и призрение Петр I. Как и его предшественники на престоле, Петр считал себя не просто правителем, а покровителем и защитником всех своих подданных. Однако это не находило выражения в его личной благотворительности. Он стремился регламентировать ее и поставить под контроль государства, на которое он смотрел как на военный корабль – «символ организованной, рассчитанной до дюйма структуры, воплощение человеческой мысли, сложного движения по воле разума человека»²¹. На корабле не следовало находиться лишним людям. Дворянину надо было служить, священнику – молиться, купцу – торговать, крестьянину – пахать. Просящим милостыню места не было. Больным и немощным должно было находиться в богадельнях. Здоровых, которые не служили и не трудились, Петр требовал наказывать и определять в работу. Бродяжничество и попрошайничество жестоко преследовалось. Запрещалось как просить, так и подавать милостыню на улицах.

²¹ Анисимов В. Е. Петр I: Рождение империи // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 3–4.

В принципе Петр не был против того, чтобы частные лица творили добро. Он лишь стремился упорядочить такую помощь, чтобы не плодить профессиональных попрошайек. В одном из указов царь требовал «милостыни отнюдь не давать; а ежели кто похочет дать милостыню: и им отсылать в богадельню; а буде которые люди станут таким нищим милостыню подавать, имать у них штрафу, первый (раз. – *Прим. авт.*) по 5, другой по 10 рублей»²².

Борьба с нищенством была поручена полицейским властям. Однако репрессивные меры, широко применявшиеся Петром для искоренения нищенства, были малоуспешны. Об этом свидетельствуют несколько десятков указов, посвященных этой проблеме. Только в 1710 г. Подобных документов вышло пять²³. Попытки Петра создать сколько-нибудь организованное государственное призрение также не увенчались успехом. Для этого у него не было ни времени, ни средств.

²² ПСЗ – I. Т. 5. № 4047.

²³ Ильинский В. Благотворительность в России (история и настоящее положение). СПб, 1908. С. 11.

Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия. Художник Д. Г. Левицкий. 1798 г.

Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей благотворительности, утверждающих, что «при Петре законодательство стало на верный путь общественного призрения бедных»²⁴. Но положительным моментом в подходе Петра к вопросам призрения было то, что заботу о сиротах, а также об инвалидах и немощных, отслуживших государству, он признавал обязанностью таких государственных институтов, как монастыри. При преемниках Петра в первой половине XVIII в. ситуация в области благотворительности и призрения принципиально не менялась.

Печать Императорского воспитательного дома

Непосредственное внимание верховной власти к благотворительности и призрению на ее основе возрождается во второй половине XVIII столетия. Екатерина II, вступив на престол, вскоре провозгласила: «Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей суть две верховные должности каждого боголюбивого правителя»²⁵. Так императрица определила свое отношение к проекту воспитательного дома, разработанному и представленному ей государственным деятелем и просветителем И. И. Бецким. Воспитательный дом мыслился как благотворительное учреждение призрения для подкидышей и сирот. Бецкой также был разработчиком проекта воспитательного общества благородных девиц – закрытого учебно-воспитательного заведения для девушек дворянского происхождения. Созданные императрицей воспитательные дома в Москве и Петербурге и воспитательное общество благородных девиц (иначе – Смольный институт) пользовались ее

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ ПСЗ – I. Т. 16. № 11908.

постоянным вниманием. Руководствуясь идеями просвещения, Екатерина в то же время по существу возродила древнюю российскую традицию покровительства благотворительности и участия в ней правителей государства. Это полностью укладывалось в сознательно культивировавшийся императрицей образ гуманного и просвещенного монарха, «философа на троне» и «боголюбивого правителя». Но речь шла уже не только о демонстрации личного милосердия, а о создании на основе благотворительности организованной социальной помощи в виде учреждений призрения.

Учреждение Воспитательного дома императрицей Екатериной II. Гравюра XIX в.

Покровительствуя благотворительности, Екатерина не объявляла призрение прямой обязанностью государства. Чтобы не обременять казну, она решила создать и содержать воспитательные дома «на едином самоизвольном подаянии от публики»²⁶. Образованные в 1775 г. учреждения о губерниях приказы общественного призрения были органами государственной власти, но имели право привлекать благотворительные пожертвования. Эти средства поступали и в Смольный институт, хотя при Екатерине он содержался, главным образом, за счет казны.

Таким образом, в екатерининское время начал формироваться системный подход к благотворительности, использовавшейся не только для достижения властью политических и идеологических целей, но и для финансирования призрения.

²⁶ ПСЗ – I. Т. 16. № 11901.

Существовало и еще одно обстоятельство, заставлявшее Екатерину лично заниматься вопросами благотворительности и призрения. На него указывал Бецкой, представляя императрице в 1764 г. доклад «о воспитании юношества обоего пола». Социальная помощь этой категории неотделима от процесса воспитания, поэтому слова Бецкого вполне можно отнести и к призрению. Дело воспитания юношества чрезвычайно трудное, рассуждает Бецкой, обращаясь к императрице, поэтому оно «не имеет к тому иного поощрения, кроме обитающих в особе вашего величества Божественных дарований и матерного (материнского. – *Прим. авт.*) благоутробия и при всей тягости государственного управления не находит иного подкрепления кроме вашей твердости и великодушия»²⁷. Высоким стилем Бецкой излагает простую мысль – без постоянного и непосредственного внимания государыни дело не пойдёт. Основания так рассуждать у Бецкого имелись. Реформами Петра I был создан достаточно эффективный для того времени государственно-бюрократический аппарат, который, так или иначе, работал все XVIII столетие. Но организация благотворительности и призрения являлась совершенно новым (если не считать спорадических попыток Петра I) и очень сложным делом.

Итак, при Екатерине II бы ли заложены принципы, на которых впоследствии развивались благотворительные учреждения призрения под покровительством дома Романовых: демонстрация заботы монаршей власти о подданных; придание этим учреждениям государственного характера, но исключение их из общей системы государственных органов империи; финансирование, как на основе благотворительности, так и с использованием казенных средств.

²⁷ Там же. № 12130.

Императрица Мария Федоровна. Гравировальный портрет начала XIX в.

Несмотря на высочайшее внимание, созданные Екатериной благотворительные учреждения к концу ее правления пришли в полное расстройство (как и многие другие начинания).

Фактическое возрождение и дальнейшее развитие этих учреждений связано с именем императрицы, супруги (и вдовы) Павла I Марии Федоровны, создавшей целую систему учреждений призрения, действовавших на благотворительной основе.

Благотворение в то время по-прежнему рассматривалось как доброе дело, направленное на помощь бедным и нищим, как средство спасения души творящего добро. Но оно стало необходимым элементом призрения, социальной политики. Это нашло свое выражение в сосредоточении благотворительности под покровительством дома Романовых в особых ведомствах, куда вошли как екатерининские учреждения призрения, так и вновь созданные в конце XVIII – начале XIX вв.

С этого времени вплоть до свержения монархии число благотворительных ведомств, комитетов и обществ, подчинявшихся непосредственно монарху и членам его семьи, постоянно возрастало. Для понимания роли и места этих организаций, как инструментов соци-

альной политики, следует определить, что такое благотворительность, как она рассматривалась в России в разное время, что понимали под этим термином на рубеже XIX–XX вв., как благотворительность рассматривается в наше время, какова ее связь с призрением.

В зависимости от целей, задач и традиций благотворения на разных этапах истории страны, уровня развития государственных и общественных институтов, сословных представлений благотворительность понималась в России по-разному. «спросите, что значит делать добро ближнему и, возможно, что получите столько ответов, сколько у вас собеседников, – отмечал В. О. Ключевский, посвятивший благотворительности специальное исследование „добрые люди Древней Руси“. – но поставьте их прямо перед несчастным случаем, перед страдающим человеком с вопросом, что делать – и все будут готовы помочь, кто чем может»²⁸.

В самом широком смысле благотворительность понималась и понимается как оказание бескорыстной, добровольной помощи в чем-то нуждающемуся. В средневековой Руси, как отмечалось, она рассматривалась, главным образом, как средство спасения души подающего, выполнение христианского долга. Такой подход сохранялся и позже. Но возрастание роли благотворительности как средства оказания социальной помощи, создание действовавших на такой основе обществ и учреждений призрения требовали более точного определения значения этого термина.

В начале XIX в. «словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный» трактовал «благотворение» как «благодетельство, оказывание добра другому»²⁹. Это определение не указывает именно на социальный характер помощи. Но в том же словаре приводится часто использовавшийся термин «призирать», «призреть», то есть «принимать о ком попечение, брать кого в свое покровительство, благодетельствовать кому»³⁰. В данном определении прослеживается социальный характер оказания помощи.

В начале XIX столетия начал использоваться и термин «общественное призрение». В изданном в 1818 г. Министерством внутренних дел сборнике материалов «Об общественном призрении в России» оно определяется как «устройство пристанища для бедных, больных, вдов и сирот, доставление им и всем нуждающимся пропитания, покрова, пособия и вообще призрения»³¹.

До конца XIX в. четкого различия между благотворительностью и общественным призрением не прослеживается. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые выпущенном в 1861–1867 гг., указано: «Благотворительный о человеке: склонный к благотворению», то есть «готовый делать добро, помогать бедным»³². Даль упоминает и о благотворительном «учреждении, заведении: устроенном для призрения дряхлых, увечных, хворых, неимущих или ради попечения о них»³³. «Призирать», или «призреть, призреть», у Даля означает: «Принять, приютить и пристроить, дать приют и пропитание, взять под покров свой и озаботиться нуждами ближнего»³⁴. Так В. И. Даль указывает на социальное значение благотворительности, отдельно упоминая о призрении.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона благотворительность объясняется как «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить

²⁸ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 7.

²⁹ Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I, А – Д: в 6-ти частях. СПб, 1806. Ч. I. Стб. 226.

³⁰ Словарь академии российской... Ч. 5, П – С. СПб, 1822. Ч. 5. Стб. 1142.

³¹ Об общественном призрении в России. Б.м., 1818. С. 1.

³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А – З. С. 94.

³³ Там же.

³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. П. М., 1955. Т. 3. С. 414.

на помощь неимущему»³⁵. В статье «Благотворительность», содержащей это определение, имеется также термин «призрение», но лишь как синоним благотворительности. Однако «призрение общественное» характеризуется в словаре иначе. Оно представлено как разновидность благотворительной деятельности, как «культурная форма благотворительности»³⁶. В противоположность стихийному благотворению, исходящему от индивидуума, не поддающемуся организации и не всегда направленному на тех, кто действительно в нем нуждается, общественное призрение трактуется как отличающееся «организацией, мотивами и целями»³⁷. В статье «Призрение общественное» подчеркивается: «организация в общественном призрении проявляется двояким способом: по отношению к получающим помощь и к оказывающим ее»³⁸. Общественное призрение рассматривается как задача общины, земской единицы. Соответственно главной мотивацией призрения является «сознание гражданской солидарности между членами общины, общественный интерес, забота правительства о благе населения»³⁹, однако, не уточняется, что в общественном призрении является функцией общества и что государства. В статье «Россия», в разделе «общественное призрение и благотворительность», также не указано, каковы принципиальные различия между этими понятиями.

Дореволюционное российское законодательство тоже не устанавливает четкого различия между благотворительностью и призрением и даже не дает их подробного определения. Последняя (1915 г.) редакция «Устава о общественном призрении», содержащегося в своде законов российской империи, включает «Учреждение установлений общественного призрения и заведений, императору подведомственных», в котором говорится о благотворительном характере этих установлений и заведений. «Учреждение» включает закон «о благотворительных обществах, заведениях и кассах, о кассах взаимопомощи и о пособиях и ссудах по разным случаям». Как видно, законодательство отдает приоритет общественному призрению и понимает его более широко, чем благотворительность.

Отсутствие четких определений в законодательстве объясняется тем, что в российской империи не было единой, общегосударственной, официальной системы социальной помощи. Действовали многочисленные, но разрозненные организации благотворительного характера, а также государственные структуры, призванные координировать их работу.

Недостатки этой системы стали особенно очевидны к концу XIX в., когда бурное развитие капиталистических отношений привело к обострению прежних и появлению новых социальных проблем. К этому времени российская благотворительность накопила огромный опыт, а власть позволила публично обсуждать в допустимых границах социальные вопросы. Видя инерцию государства в области совершенствования системы социальной помощи, общественность, мало рассчитывая на то, что оно возьмет на себя инициативу в этой области, активно обсуждала и предлагала различные проекты реорганизации призрения. При всем разнообразии высказывавшихся идей, общей мыслью была необходимость выработки общегосударственной социальной политики, в реализации которой наряду с официальными структурами участвовали бы и широкие слои общественности.

В этой связи для теоретиков и практиков благотворительности важно было установить, что в области социальной политики является функцией государства, а что задачей общественных организаций и частных лиц. Это, в свою очередь, требовало уточнения понятий, в том числе того, что же следует понимать под благотворительностью и призрением. Напри-

³⁵ Благотворительность // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1891. Т. 4. С. 56.

³⁶ Призрение общественное // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1898. Т. 25. С. 165.

³⁷ Там же.

³⁸ Призрение общественное // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1898. Т. 25. С. 165.

³⁹ Там же.

мер, П. Н. Георгиевский выделял частную, общественную и государственную деятельность в социальной сфере. Благотворительность он рассматривал как область общественной и частной работы. Однако общественность, по его мнению, не могла заменить государство, которое «должно было охранять правовой порядок, так как неимущие, голодающие всегда являются угрозой спокойному существованию и развитию общества»⁴⁰. Задача государства – общественное призрение, состоявшее в том, чтобы не позволять никому из граждан умереть от голода и лишений. Государство должно было вмешиваться там, где частной и общественной инициативы не хватало для решения социальных задач. Георгиевский полагал, что государству следует поручить контроль и координацию деятельности благотворителей «скорее в форме побуждения, чем приказа»⁴¹.

В том же направлении рассуждал и Е. Д. Максимов. Благотворительность, по его мнению, являлась сферой деятельности частных лиц и их объединений. Задача государства – оказание помощи благотворителям в тех случаях, когда они, помогая нуждающимся, не могли обойтись своими средствами. «таким путем, – рассуждает Максимов, – из соединения частной благотворительности и общественного призрения как отрасли государственного управления возникает идея организованного общественного попечения о бедных»⁴².

Подобные суждения высказывали и другие исследователи, теоретики и организаторы благотворительности.

В ряде случаев субъектом благотворительности представлялось государство. В 1901 г. вышел первый том официозного издания «Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России». Как видно из названия, составители полагали, что существует «государственная благотворительность». При этом в книге отсутствуют указания на различия между упомянутыми видами благотворительности. Можно предположить, что под государственной благотворительностью понимались приказы общественного призрения и благотворительные заведения министерств и прочих государственных ведомств. Это издание – подтверждение того, что в высших эшелонах государственной власти отсутствовало четкое понимание того, что в области призрения является задачей государства и что – задачей общественной и частной благотворительности.

К концу XIX столетия сложилось более или менее общее понимание благотворительности как деятельности частных лиц либо сословных, профессиональных, религиозных, территориальных и прочих негосударственных объединений и организаций по оказанию добровольной, бескорыстной помощи нуждающимся. Общественное призрение рассматривалось, как правило, в качестве общегосударственной задачи. Но четкого различия в понимании благотворительности и призрения не было. Объяснение этому можно найти в докладе К. И. Ануфриева «основы обязательного призрения бедных», сделанном на съезде по общественному призрению, состоявшемся в мае 1914 г. в Петербурге. Докладчик отмечал, что «основой дела призрения в России до сего времени являлась частная благотворительность, традиции которой невольно передаются организациям, имеющим общественный характер, настолько, что даже самое понятие об общественном призрении у большинства деятелей на этом поприще отождествляется с понятием о благотворительности»⁴³. В действительности, подчеркивает Ануфриев, разница между благотворительностью и общественным призрением велика. Благотворительность «может делать в пределах своих средств все, в основу

⁴⁰ Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб, 1894. С. 82.

⁴¹ Там же.

⁴² Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России (извлечения) // Антология социальной работы: в 5 т. Т. 1. История социальной политики в России. М., 1994. Т. 1. С. 28–29.

⁴³ Ануфриев К. И. Основы обязательного призрения бедных // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2-х т. Т. 1. Доклады и журналы заседаний. Пг., 1914. Т. 1. С. 194.

чего заложено чувство благодеяния к более слабому»⁴⁴. Но благотворительность, заключает Ануфриев, «не может быть положена в основу общественного призрения, так как является слишком неустойчивым и самобытным элементом, рассчитывать на который, как на нечто постоянное, правильное совершенно невозможно»⁴⁵. С такой оценкой можно согласиться. В дореволюционной России, однако, почти все учреждения призрения традиционно назывались благотворительными. До революции 1917 г. Власть так и не провела черту между благотворительностью и общественным призрением.

В советское время благотворительность характеризовалась как политика буржуазии, маскирующая эксплуатацию трудящихся и отвлекающая их от классовой борьбы. Во втором издании Большой советской энциклопедии, выпущенном в 1949–1958 гг., в статье «Благотворительность» дается такое определение: «Благотворительность – помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы»⁴⁶. Утверждается, что, несмотря на это, «капитализм обрекает трудящихся на разорение и вымирание»⁴⁷. Разъясняется, почему при социализме не может быть благотворительности: «социалистический строй ликвидировал нужду, нищету и безработицу»⁴⁸. Решение всех социальных задач взяло на себя государство, поэтому частная и общественная инициатива в социальной сфере не требовалась.

Подобным образом в советское время трактовался и термин «филантропия». В «Словаре иностранных слов», вышедшем в 1955 г., это слово переводится как «человеколюбие», «благотворительность» и определяется, как «одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм и свою эксплуататорскую сущность посредством лицемерной, унижительной „помощи бедным“ в целях отвлечения их от классовой борьбы»⁴⁹.

Общественно-политические перемены в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. позволили приступить к изучению проблем отечественной истории, исследования по которым ранее не были возможны. В их числе была и история российской благотворительности. С распадом Советского Союза и ликвидацией советской политической и экономической системы оказалась разрушенной прежняя система социального обеспечения. Создание новой, соответствующей реалиям рыночной экономики, сопровождалось большими сложностями.

Немало проблем в социальной сфере имеется и сейчас. Этим тоже обусловлен научный и практический интерес к истории российской благотворительности. Соответственно, современные исследователи обращаются к той терминологии в области благотворительности и призрения, которая выработалась до революции. При этом допускается очень широкая трактовка этих понятий.

Не вызывает сомнений оценка благотворения как частной или общественной деятельности. Но встречаются и такие определения, как «народная благотворительность» и «государственная благотворительность». Первая, по мнению некоторых исследователей, заключалась в том, что «даже небогатый русский мужик давал приют и делил свою, иногда скудную пищу с обездоленным... поминки, крестины или другие торжественные дни всегда отмечались раздачей милостыни»⁵⁰. В данном случае речь идет о разновидности частной благотворительности, самой распространенной и широко описанной в исторической лите-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Благотворительность // Большая советская энциклопедия: в 51-ти т. / 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 278.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 279.

⁴⁹ Словарь иностранных слов / 5-е изд. М., 1955. С. 733.

⁵⁰ Степанец К. В. Николай I и ведомство учреждений императрицы Марии // Философский век. Альманах 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб, 1998. С. 175.

ратуре. О «государственной благотворительности» современные исследователи упоминают, как правило, в связи с реформами Петра I. Например, И. Я. Фроянов полагает, что «Петр I отдавал предпочтение государственной благотворительности перед индивидуальной милостыней»⁵¹. Но этот же автор отмечает, что Петр «вооружился против частной милостыни во имя общественной благотворительности как учреждения, как системы богоугодных заведений»⁵².

Петр, как известно, не запрещал частную благотворительность в принципе, а только стремился направить ее для оказания помощи находившимся в государственных учреждениях – богадельнях и монастырях. Поэтому в данном случае речь может идти о попытках Петра организовать государственный контроль над благотворительностью, но никак не о замене частной благотворительности «общественной» или «государственной».

О роли государства в этой сфере упоминается и в энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года». В первом томе в статье «Благотворительность» дается такое определение: «Благотворительность, помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц (общественное и частное призрение)»⁵³. Четкого разделения между благотворительностью и призрением в статье нет, но авторы различают побудительные мотивы. Если личная и общественная благотворительность, по их мнению, вызывалась в дореволюционной России «состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями, патриотизмом, желанием получить признательность со стороны правительства, которое поощряло благотворительность», то заинтересованность государства состояла в стремлении «устранить социальную опасность, источником которой было нуждающееся население»⁵⁴. Характеристика благотворительной деятельности как государственной вызывает сомнение, поскольку функция государства состоит в поддержании социального порядка, в том числе путем оказания помощи всем нуждающимся, а не выборочно, как это делали и делают благотворители. Благотворительность не может полностью заменить государство в социальной сфере, поскольку у них разные задачи. В дореволюционной России государство сознательно поощряло благотворительность, если не могло или не желало брать на себя ответственность за призрение подданных. Поэтому помощь нуждающимся со стороны государства традиционно воспринималась как благотворительность, а в ряде случаев сознательно облекалась в форму заботы монаршей власти о подданных, осуществлявшейся на основе организованной благотворительности с привлечением государства. Некоторые современные исследователи выбирают более верную характеристику, подчеркивая, что со времен Петра I благотворительность сделалась «общегосударственной проблемой»⁵⁵.

В новейшей отечественной историографии четкая граница между благотворительностью и другими формами социальной поддержки была установлена в диссертационном исследовании Г. Н. Ульяновой «Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 г.». Автор отмечает, что «термин „призрение“ („общественное призрение“) применяется ко всей сфере, связанной с социальной реабилитацией основных категорий населения, нуждающихся в помощи»⁵⁶, подчеркивая, что «понятие «благотворительность» не совпадает

⁵¹ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 7.

⁵² Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 8.

⁵³ Лачаева М. Ю., Наумова Р. Г. Благотворительность // Отечественная история: энциклопедия: в 5-ти т. Т. 1.: А – Д: / редкол. В. Л. Янин (гл. ред.) и др. М., 1994. Т. 1. С. 240.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Афанасьев В. Г., Соколов А. Р. Благотворительность в России: историографические аспекты проблемы: учебно-методическая работа. СПб, 1998. С. 15.

⁵⁶ Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-е–1914 гг.: автореф. дисс... канд. ист. Наук: 07.00.02 отечественная история. М., 1995. С. 3.

целиком с «общественным призрением», ибо не включает государственный уровень реализации программ социальной реабилитации»⁵⁷.

Обстоятельная характеристика благотворительности дается в социальной энциклопедии, вышедшей в 2000 г. Благотворительность рассматривается как «общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организаций, обществ и так далее. В их основе – стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать безвозмездную материальную, финансовую помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам»⁵⁸. Характер взаимодействия государства и благотворительности определяется следующим образом: «Благотворительность призвана восполнить или дополнить усилия государства в отношении социальной заботы о людях»⁵⁹. Указывается и на конкретные направления такой работы. К их числу относится «поддержка программ общественно важных форм деятельности (борьба с опасными заболеваниями, охрана окружающей среды, развитие науки, образования, здравоохранения, культуры и т. д.)»⁶⁰.

В современной России благотворительность вновь получила признание как важнейшая форма общественной деятельности, требующая ее законодательной регламентации. 11 августа 1995 г. принят федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в котором дается следующее определение: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»⁶¹.

Несмотря на широкое развитие благотворительности в дореволюционной России, юридический статус благотворителей не был определен общим законодательством. В законоположениях отдельных благотворительных ведомств, обществ и учреждений говорилось только об участии благотворителей в управлении этими структурами или о предоставлявшихся императором привилегиях. Современный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» четко определяет: благотворители – это «лица, осуществляющие благотворительные пожертвования в формах: бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передачи в собственность имущества, в том числе денежных средств и (или) объектов интеллектуальной собственности; бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) надления правами владения, пользования и распоряжения любыми объектами прав собственности; бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) выполнения работ, предоставления услуг благотворителями – юридическими лицами»⁶². Закон указывает также, что благотворители сами могут определять цели и порядок использования своих пожертвований.

Кроме благотворителей, бескорыстную помощь могут оказывать и добровольцы, то есть «граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной органи-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия / Редкол. А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М., 2000. С. 45.

⁵⁹ Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия / Редкол. А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М., 2000. С. 45.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.08.95 г., № 33. Ст. 3334.

⁶² Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.08.95 г., № 33. Ст. 3334.

зации»⁶³. Закон устанавливает взаимоотношения государства и благотворительных организаций. Разумеется, и речи не может идти о том, чтобы государство облакало социальную помощь в форму благотворительности, как это было в дореволюционной России. Государством лишь «гарантируется и обеспечивается защита предусмотренных законодательством российской Федерации прав и законных интересов граждан и юридических лиц – участников благотворительной деятельности. В некоторых случаях определения благотворительности включают ее мотивацию. Например, в социальной энциклопедии отмечается, что «в основе благотворительности лежит мотивация людей, испытывающих сострадание к людям, потребность во взаимной поддержке и помощи»⁶⁴.

Воплощение этой мотивации в акт благотворения иногда сопровождается условиями, установленными религиозной традицией и общественным мнением. Христианство, в частности, требует скромного и тихого подаяния милостыни. В новом завете рекомендуется, творя милостыню, «не трубить перед собой» ради своего прославления. В данном случае христианское вероучение исходит из того, что милостыня важна не для окружающих, а для самого дающего, как средство индивидуального духовного самовоспитания. И, чтобы оно было действенным, милостыня должна быть искренней, а не показной. Однако для человека важна общественная оценка его деятельности, которая становится все более значимой с развитием государственных и общественных институтов. Уже во времена Киевской Руси подаяние было в ряду поощряемых обществом добродетелей, оценка окружающих стала важна для благотворителя, особенно если он занимал видное положение. Кроме того, дающий милостыню побуждал своим примером делать добро других.

Развитие государственных и общественных институтов влияло и на формирование стимулов к благотворительной деятельности. Религиозно-нравственные стимулы наиболее последовательно проявлялись в помощи людям своего социального круга, сословия. Такая позиция учитывалась и российским законодательством, закреплявшим обязанности по призрению нуждающихся за сословными органами управления – крестьянской общиной, мещанскими и купеческими обществами. Так проявлялись не только религиозно-нравственные, но и социальные истоки. Благотворители стремились оказывать реальную социальную помощь в первую очередь людям своего круга.

Если для того или иного сословия или общественной группы благотворительность как средство решения социальных задач имела единичный или локальный характер, то в общегосударственном масштабе ее значение неизмеримо возрастало.

Благотворительность расценивалась властью как важный инструмент решения социальных проблем еще, по крайней мере, с XVI в. в императорской России практически вся социальная политика государства строилась на благотворительной основе и посильное участие в столь важной сфере всячески стимулировалась властью. Для благотворителей, жертвовавших на призрение, социальные стимулы играли не меньшую роль, чем религиозно-нравственные.

Мероприятия власти по организации призрения на благотворительной основе были направлены на обеспечение политического спокойствия в империи. Эта задача решалась, в том числе, и благотворительными ведомствами под покровительством дома Романовых. В России, государстве с монархической формой правления и патриархальными представлениями о царе, как защитнике бедных и слабых, высочайшее покровительство благотворительности решало политическую задачу. Следовательно, еще одним стимулом российской благотворительности был политический, выражавшийся в стремлении власти и определенной части общества сохранить стабильность в стране и поддержать авторитет монархии.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия. С. 45.

Чтобы обеспечивать бесперебойное функционирование и развитие учреждений призрения на основе благотворительности, необходимо было активно вовлекать в нее подданных. Власть различными способами поощряла благотворительность. Жертвователи могли рассчитывать на ордена, медали и почетные знаки, на присвоение их имен благотворительным заведениям, капиталам, стипендиям. Лица, жертвовавшие заведениям и обществам Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, могли, кроме того, рассчитывать на чины и ведомственные мундиры. Чины и мундиры также предоставлялись тем, кто безвозмездно служил в упомянутых ведомствах. Благотворительная деятельность могла послужить средством к общественному признанию для того, чтобы, например, пройти по выборам в земство или стать предводителем дворянства. Благотворительный бал или вечер помогал организатору познакомиться с «нужными» людьми из властных структур.

Итак, российскую благотворительность, включая осуществлявшуюся под покровительством дома Романовых, можно охарактеризовать как основанную на религиозно-нравственных, социальных, политических, карьерно-служебных и материальных стимулах, поощрявшуюся государством и императорской властью добровольную, инициативную деятельность частных лиц и общественных организаций, направленную на оказание помощи в различных формах тем, кто не мог обеспечить свое существование по социально-экономическим, медицинским и психологическим причинам.

Главной особенностью российской благотворительности являлось то, что она была необходимым и важнейшим элементом общественного призрения. В отличие от благотворительности призрение представляло (и представляет) собой комплекс организационно-правовых, патронажных, медицинских, социально-реабилитационных и учебно-воспитательных мероприятий, направленных на оказание помощи различным категориям нуждающихся в установленном законодательством порядке. Общественным призрением в дореволюционной России называлось не потому, что существовало за счет благотворительных средств общественности, а потому, что рассматривалось как задача всего общества. Государство, при отсутствии социальной политики в современном понимании, не устранялось от призрения. Оно не только поощряло и направляло благотворительность, но и оказывало помощь благотворительным ведомствам, обществам и учреждениям, в первую очередь, состоявшим под покровительством дома Романовых. Оно выражалось в личной благотворительности членов императорской фамилии и в осуществлении ими руководства этими ведомствами, комитетами, их структурными подразделениями и отдельными учреждениями. «собственные средства» членов царской семьи формировались из казенных сумм и доходов с уделов. Поскольку императорская фамилия существовала за счет эксплуатации подданных, благотворительные пожертвования ее членов могут рассматриваться как фактическое перераспределение этих средств. Но с учетом исторической роли и места императора и его семьи в политической системе самодержавия их пожертвования можно рассматривать как проявление личной благотворительности. В дореволюционной литературе неизменно подчеркивается частный, благотворительный характер пожертвований монархов и их родственников.

Императрица Елизавета Алексеевна. Литография XIX в.

Из представителей императорской фамилии наиболее значительные пожертвования подведомственным учреждениям были сделаны супругой и вдовой Павла I Марией Федоровной. По данным «сборника сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии», вышедшего в трех томах в 1884–1898 гг., по состоянию дел на 1884 г. ее пожертвования исчислялись в 1 241 478 руб. серебром и еще 515 389 руб. ассигнациями⁶⁵. Пожертвования супруги Александра I Елизаветы Алексеевны по исчислению на 1884 г. составляют 1 510 597 руб. ассигнациями⁶⁶.

Супруга Николая II Александра Федоровна пожертвовала Попечительству о домах трудолюбия и работных домах 50 тыс. руб. На библиотеку и 70 тыс. руб. На учреждение премий авторам трудов о благотворительности⁶⁷. Прочие члены женской части монаршей семьи также жертвовали благотворительным заведениям, но не столь значительные суммы.

Следует отметить, что исчисление пожертвований первой четверти XIX в. по состоянию на 1884 г. не искажает приведенных сведений. Россия в те времена переживала инфля-

⁶⁵ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии: в 3-х т. Т. 1. 1884. СПб, 1884. Т. 1. С. X.

⁶⁶ Там же. С. XI.

⁶⁷ Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. Пг., 1915. С. 16.

цию. Капиталы обесценивались, менялся курс серебряного рубля по отношению к ассигнационному. Ценные бумаги, в которых помещались капиталы, меняли курс.

Императоры и другие представители мужской половины дома Романовых также жертвовали учреждениям императрицы Марии. Николай I даровал Александринскому сиротскому дому 100 тыс. руб. ассигнациями, к 1884 г. составлявших 36 тыс. 516 руб. серебром⁶⁸. Александр II пожертвовал Ведомству детских приютов 70 тысяч рублей для создания эмеритальной (пенсионной. – *Прим. авт.*) кассы⁶⁹. Он же даровал ведомству императрицы Марии один миллион рублей в память скончавшейся супруги⁷⁰.

Николай I. Неизвестный художник Копия с ориг. Ф. Крюгера. Середина XIX в.

В отдельных случаях пожертвования членов императорской фамилии играли существенную роль в формировании средств благотворительных заведений. Но в целом капи-

⁶⁸ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. С. XI, 789.

⁶⁹ Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1865 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет с 16 мая 1837 по 16 мая 1862 г. (отчеты 1862–1879 гг.). СПб, 1862–1879.

⁷⁰ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3-х т. Пг., 1915. Т. 1–2. С. 392.

талы, сформированные из этих средств, составляли небольшую часть от общих сумм, которыми располагали благотворительные ведомства дома Романовых. Капитал только главного управления Ведомства учреждений императрицы Марии составлял к 1884 г. 24 159 521 руб. 77 коп.⁷¹ Крупные средства поступали от монархов Императорскому Человеколюбивому обществу, но по сравнению с прочими благотворительными пожертвованиями XIX – начала XX вв. Эти средства составляли меньшую часть. Больше других пожертвовал Александр I. Начиная с 1816 г. и до конца его правления Человеколюбивое общество всего получило пожертвований на сумму 1 327 950 руб., из них более 600 тыс. руб. поступили от имени императора. В годы правления Николая I это общество получило 9 606 203 руб. пожертвований. Из них около 7 000 000 руб. от различных обществ, учреждений и частных лиц. Остальные деньги поступили от имени царя. При Александре II Императорскому Человеколюбивому обществу были переданы от имени монарха 2 756 466 руб., тогда как всего поступили 15 086 940 руб. От имени Александра III получено 1 167 105 руб., а общая сумма пожертвований составила 21 362 298 руб.⁷²

Невелики были августейшие пожертвования Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. По состоянию на 1915 г. средства Попечительства составляли 1 784 990 руб. 86 коп.⁷³ Императрица Александра Федоровна пожертвовала в общей сложности 120 000 руб.

То, что пожертвования членов дома Романовых составляли существенную, но сравнительно небольшую часть от общего количества пожертвований благотворительным организациям не может рассматриваться как «скупость» или «жадность» августейших особ. Важен был не размер суммы, а сам факт участия монархов и их родственников в богоугодном деле. С одной стороны, это служило укреплению патриархально-патерналистских представлений о самодержавной власти, а с другой, должно было вдохновлять на пожертвования подданных, полагавших, что они делают одно общее дело с первыми лицами страны.

Характер управления благотворительными ведомствами и их структурными подразделениями со стороны членов императорской фамилии был обусловлен как их личными качествами, так и ролью в функционировании имперской государственности на разных этапах ее развития. Часть представителей дома Романовых, занимавших такие посты, выполняла свои обязанности формально, ограничиваясь представительскими функциями. Другие, напротив, реально и эффективно руководили вверенными императорской фамилии благотворительными структурами.

⁷¹ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. С. 779.

⁷² Троцкий В. Д. Краткий исторический очерк и современное состояние благотворительной деятельности Императорского Человеколюбивого общества // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 451–452, 454–455.

⁷³ Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. С. 17.

Александр II. Неизвестный художник. Середина XIX в.

Екатерина II активно занималась разработкой законодательных основ деятельности созданных ею благотворительных учреждений призрения, учебно-воспитательных программ воспитательных домов и Смольного института. Императрица часто бывала в Смольном, переписывалась с его воспитанницами. Однако ее интересовало не призрение, а педагогический эксперимент по воспитанию «новой породы людей». Непосредственно в административно-хозяйственные вопросы Екатерина мало вникала.

Мария Федоровна лично руководила подведомственными ей благотворительными учреждениями. Она составляла учебно-воспитательные программы, занималась правовыми, административно-хозяйственными, финансовыми и кадровыми вопросами, связанными с этими учреждениями, входила во все, даже самые незначительные детали жизни своих учреждений, такие как прием на работу и увольнение учителей, заключение контрактов на поставку продовольствия, восковых свечей и прочее. Добросовестность при выполнении

любой работы, методичность и внимание к деталям были чертами ее характера, проявлявшимися с детства. Биограф Марии Федоровны Е. С. Шумигорский отмечает: «Уже одна аккуратность в ведении переписки с родителями при самых тяжелых обстоятельствах домашнего обихода, и чистота черновых тетрадей, в которых первоначально писались, почти без помарок, эти письма, доказывают склонность принцессы к обдуманному, методическому образу действий...»⁷⁴. Другой чертой характера Марии Федоровны была бережливость, хозяйственность. «Без сомнения, расчетливость Марии Федоровны может показаться иногда чересчур мелочной для супруги наследника русского престола, – пишет Шумигорский, – но не надо забывать, что финансовые дела великокняжеской четы... поневоле вынуждали Марию Федоровну быть бережливой на расходы по Павловску...»⁷⁵. Подаренный Екатериной наследнику престола и его супруге Павловск стал местом, где Мария Федоровна осуществляла свои первые благотворительные акции. В частности, под ее руководством делались прививки от оспы, была открыта и содержалась на ее средства школа для детей бедных жителей Павловска. Став императрицей, Мария Федоровна деньги считать не разучилась.

⁷⁴ Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ее биография. СПб, 1897. Т. I. С. 34.

⁷⁵ Там же. С. 313.

Императрица Мария Федоровна. Литография Ф. Шевалье с картины Дж. Лоу. 1820-е гг.

Четкая организация, порядок и экономность в вопросах организации призрения были обусловлены личными качествами императрицы. Но исходным мотивом ее деятельности были другие личные качества – доброта, человеколюбие, осознание того, что обездоленные подданные требуют поддержки и защиты. Высокие нравственные качества Марии Федоровны неоднократно подчеркивались современниками и биографами. Е. С. Шумигорский, монархист по убеждениям, историограф и служащий Ведомства императрицы Марии пред-

ставляет Марию Федоровну как воплощение всех человеческих добродетелей. И она действительно обладала безупречной нравственной репутацией, резко контрастировавшей с нравами эпохи. Личные качества Марии Федоровны никем не ставились под сомнение. Даже такой недоброжелательный и придирчивый мемуарист как Шарль де Массон, подробно описавший нравы императорского двора и правителей России XVIII – начала XIX вв., отмечает: «она не искала уважения этой нации (русских. – *Прим. авт.*), притворно стараясь презирать свою и краснеть за свое происхождение, она заставила себя любить за доброту и уважать – за свои добродетели»⁷⁶. Но лучше всего о заслугах Марии Федоровны свидетельствуют не мемуаристы и официальные биографы, а созданный ею комплекс благотворительных учреждений призрения.

Мария Федоровна является первым настоящим организатором призрения в России. Однако не все современники положительно оценивали ее деятельность. Графиня В. Н. Головина, приближенная ко двору Екатерины и Павла, пишет в своих «мемуарах» о Марии Федоровне: «она полагала, что, помогая несчастным, исчерпывает все свои обязанности благотворения, однако тщеславие, которое часто вредило ей, отравляло и дела ее благотворительности, главным источником которых должно быть доброе сердце»⁷⁷. Возможно, мемуаристка принимала за тщеславие стремление Марии Федоровны придать благотворительности организованный характер. Это вполне могло рассматриваться в придворных аристократических кругах как проявление тщеславия.

Мария Федоровна пережила своего старшего сына Александра I и невестку, императрицу Елизавету Алексеевну, скончавшись в 1828 г. Тогда же комплекс благотворительных учреждений призрения, находившийся под ее управлением, был преобразован в IV отделение собственной его императорского величества канцелярии и назван в честь покровительницы «учреждениями императрицы Марии».

⁷⁶ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 105–106.

⁷⁷ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 120.

Благотворительность императрицы Марии Федоровны. Гравюра XIX в.

Супруга Николая I Александра Федоровна (Шарлотта-Фредерика Прусская) в роли покровительницы благотворительности ограничивалась только представительством, посещая вместе с супругом женские институты. Николай I интересовался жизнью учреждений императрицы Марии, поскольку стремился лично вникать во все дела государственного управления. Но прежнего внимания к благотворительным учреждениям уже не было. Это стало заметно даже по отношению к самым привилегированным из них – женским институтам. Современники отмечали, что в новое царствование «женские заведения», пользовавшиеся особым вниманием императорской семьи, были уже «не в таком цветущем состоянии, как при императрице Марии Федоровне»⁷⁸.

Во второй половине XIX столетия высочайшее покровительство благотворительности и непосредственное участие в ней членов императорской фамилии не только сохранило прежнее значение, но и приобрело новое. Развитие общественной инициативы в этой сфере нашло отражение в изменении законодательства. В 1862 г. министру внутренних дел разрешено было утверждать уставы благотворительных обществ и заведений, тогда как раньше это делал лично император. Только за 1856–1865 гг. были созданы 85 новых благотворительных обществ, тогда как за предшествующее десятилетие – только 33. Всего в царствование Александра II возникло более 750 благотворительных организаций⁷⁹. Это, а также повышение общественного внимания к социальным вопросам, привело к появлению альтернативы привилегированным ведомствам в области призрения. Это не означало прямой конкуренции

⁷⁸ *Высочков Л. В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб, 2001. С. 470.

⁷⁹ *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. P. 17.

в заботе об обездоленных, но объективно заставляло августейших покровителей думать о развитии подведомственных им благотворительных структур.

Во второй половине XIX в. появилось еще одно обстоятельство, побуждавшее монархию поддерживать традиции покровительства благотворению. Первая семья государства оказалась под пристальным вниманием общественного мнения. В XVIII в. российские самодержцы, за исключением Петра I, редко показывались народу, общаясь с достаточно узким кругом подданных. В глазах обывателей монарх был почти что небожителем. С начала XIX столетия ситуация начала меняться. Развитие общественной жизни и государственных институтов требовало от самодержцев решать гораздо больше управленческих задач, больше знать и видеть. Круг их общения расширился, они вынуждены были прислушиваться к голосу общественности.

Императрица Александра Федоровна. Литография первой половины XIX в.

Развитие российского общества в период реформ Александра II, рост числа образованных людей, появление разночинной интеллигенции, оппозиционные настроения – все это привело к тому, что общественное мнение стало более взыскательным к носителям верховной власти, хотя и патриархальные представления о ней оставались достаточно прочными. Демонстрация монаршей заботы о подданных была призвана поддерживать ее авторитет не только в глазах «простого народа», но и образованных общественных кругов.

Интерес Александра II к благотворительным учреждениям под монаршим покровительством ограничивался, как правило, посещением женских институтов. Прочие учреждения Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества удостоивались таких визитов редко. Однако Александр II, несомненно, понимал, какое значение имело личное участие монарха в делах благотворительности и призрения. Свидетельство этому – один миллион рублей, пожалованный царем на благотворительные цели в память о своей супруге Марии Александровне.

Александр III, вступив на престол, обнаружил полную неосведомленность о деятельности благотворительных учреждений под монаршим покровительством. Даже о том, что его мать лично покровительствовала призрению слепых, он имел весьма смутное представление. В биографии первого руководителя попечительства императрицы Марии Александровны о слепых К. К. Грота упоминается, что в одной из бесед император «выразил, что он мало знает о деятельности покойной его родительницы в пользу слепых»⁸⁰. Александр III посещал вместе с супругой женские институты, знакомился с отчетами по ведомству императрицы Марии и Человеколюбивому обществу, но в детали управления не вникал. Он стремился лишь к упорядочению их финансово-хозяйственной деятельности, чтобы не покрывать из казны убытков. Именно поддержка монарха позволила К. К. Гроту решить сложнейшую задачу наведения порядка в финансах Ведомства императрицы Марии. То, что Александр III не вмешивался в непосредственное управление благотворительными ведомствами, пожалуй, было к лучшему, если учесть, что однажды вмешательство монарха серьезно осложнило использование упомянутого миллиона, пожертвованного Александром II. По распоряжению Александра III на проценты с этого миллиона была куплена и передана Попечительству о слепых абсолютно не нужная ему дача, то есть участок земли с постройками под Петербургом. Небрежное юридическое оформление сделки доставило немало хлопот Попечительству, которое позднее избавилось от дачи с убытком для себя.

Женские институты Александр III посещал нечасто и только вместе с супругой, не проявляя к ним никакого интереса. В официозной литературе, посвященной ведомству императрицы Марии, подробно рассказывается о том, как император интересовался жизнью воспитанниц женских институтов. Однако в мемуарах хорошо знавшего Александра III графа С. Д. Шереметева говорится, что эти посещения лишь раздражали императора. Граф отмечает, что Александр «...вовсе не ездил по институтам, куда посылал императрицу с фрейлинами. Можно отметить только редкие посещения, и то в последние годы, и лишь по необходимости»⁸¹. Шереметев полагал, что Александр III вообще отрицательно относился к ведомству императрицы Марии, «ненормальность которого он вполне сознавал»⁸². Здесь мемуарист выразил свою, субъективную точку зрения. Хотя Александр III и не вникал глубоко в деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, он, в принципе, понимал их роль и значение. Иначе одним росчерком пера просто упразднил бы эти структуры или передал в Управление министерств.

Взгляды последнего российского императора Николая II на благотворительность и призрение не выходили за рамки традиционных патриархально-патерналистских воззрений. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к женским институтам Ведомства императрицы Марии. Мнение Николая о цели их деятельности менее известно, чем знаменитое высказывание о «бессмысленных мечтаниях» по поводу участия земств в делах государственного управления, но оно не менее ярко характеризует последнего российского само-

⁸⁰ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3-х т. Пг., 1915. Т. 3. С. 170.

⁸¹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост., подг. текста и примеч. Л. И. Шохина. М., 2001. С. 604.

⁸² Там же.

держца. Ознакомившись с отчетом Ведомства учреждений императрицы Марии за 1890–1900 гг., представленным главноуправляющим ведомством графом Н. А. Протасовым-Бахметевым, Николай заметил: «мне не надо, чтобы из институтов ваших выходили Ковалевские (имелась в виду женщина-ученый Софья Ковалевская. – *Прим. авт.*). Я требую, чтобы вы возвращали детей родителям здоровыми, сильными, чтобы впоследствии они могли быть хорошими матерями...»⁸³.

Забота царя о здоровье воспитанниц понятна. Николай сам был примерным мужем и отцом, но совершенно не понимал образовательных и воспитательных задач, которые время поставило перед женскими учебными заведениями России в канун XX столетия.

Императрица Мария Александровна. Дагерротип. 1860-е гг.

Супруги императоров во второй половине XIX – начале XX вв. по традиции продолжали покровительствовать благотворительности. В какой-то степени делами Ведомства императрицы Марии занималась супруга Александра II Мария Александровна (Мария Гессен-Дармштадтская). При ней произошли некоторые позитивные изменения в учебно-

⁸³ Всеподданнейший отчет за десятилетие (1890–1900) управления ведомством учреждений императрицы Марии. СПб, 1900. С. 2.

воспитательной части заведений для призрения детей и юношества, главным образом, в женских институтах, отличавшихся чрезвычайным консерватизмом. В частности, положительное отношение императрицы позволило перевести в русло практического обсуждения и реализовать предложение отпускать воспитанниц институтов на летние каникулы. У этой, казалось бы, вполне разумной идеи было в то время немало противников. При поддержке императрицы в Смольный институт был назначен инспектором классов и начал в нем преобразования выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский. У Марии Александровны хватило здравомыслия не поверить доносам о его политической неблагонадежности. Но она и не выступила в его защиту, когда педагог столкнулся с яростным сопротивлением институтского начальства, не желавшего ничего менять и считавшего порядки времен Марии Федоровны идеальными.

С началом царствования Александра III Ведомство императрицы Марии возглавила его супруга, также Мария Федоровна (Дагмара Датская). Она управляла им до свержения монархии в России. В отличие от Марии Федоровны «вюртембергской», Мария Федоровна «датская» глубоко не вникала в жизнь подведомственных ей учреждений. Но она обладала здравым практическим умом и, безусловно, понимала, какое значение имело покровительство благотворительности со стороны монаршей власти. Мария Федоровна осознавала, что крупнейшее благотворительное ведомство под высочайшим покровительством нуждалось в преобразованиях. Именно по ее настоятельной просьбе должность главноуправляющего ведомством занял К. К. Грот, опытный и честный администратор. Пользуясь поддержкой императрицы и самого монарха, он провел ревизию капиталов и упорядочил финансовую отчетность, сделав бюджет ведомства бездефицитным.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна и сопровождающие ее лица выходят из здания Главного склада Российского общества Красного Креста в Санкт-Петербурге (Корпусное шоссе, 1) 1912–1913 гг. Фото ателье К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

При Марии Федоровне было принято новое Положение о детских приютах, введен ряд законоположений, облегчивших сотрудничество ведомства с другими благотворительными организациями и государственными структурами. В начале XX в. были приняты новые положения о женских институтах и гимназиях императрицы Марии, унифицированы табели и учебные планы этих и других учебно-воспитательных заведений, что положительно сказалось на их деятельности, а собственно ведомство сохранило самостоятельность и независимость от государственного контроля, что вряд ли было возможно без санкции августейшей покровительницы.

Группа медицинского персонала и раненые в Дворцовом лазарете с императрицей и великими княжнами (во 2-м ряду сидят слева направо: великие княжны Анастасия, Мария и Ольга Николаевны, императрица Александра Федоровна, великая княжна Татьяна Николаевна; в 3-м ряду стоит справа у колонны дочь английского посла Мириэль Бьюкстен). Царское Село. 1915 г. ЦГАКФФД СПб.

Руководство благотворительностью было для Марии Федоровны важным делом и по причинам личного характера. Хорошо известно, что она недоброжелательно относилась к невестке – Александре Федоровне, супруге наследника престола, а позже императора Николая II. Существовало неофициальное соперничество между двором Марии Федоровны и императорским двором. Управление учреждениями императрицы Марии являлось для Марии Федоровны свидетельством ее самостоятельности и независимости в семье монарха. О том, чтобы она уступила руководство ведомством императрицы Марии или Российским обществом Красного Креста не могло быть и речи.

Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская), в 1894 г. Обретя статус императрицы, первое время не имела под своим покровительством никакого крупного благотворительного ведомства. Но уже в 1895 г. она приняла покровительство над созданным Попечительством о домах трудолюбия и работных домах. Это должно было помочь формированию образа милосердной и добродетельной государыни. Однако Александра Федоровна ограничивалась представительством и не интересовалась конкретными вопросами деятельности вверенных ей учреждений. Она предпочитала посещать не дома трудолюбия, а женские институты. Следует отметить, что контингент, призревавшийся в домах трудолюбия, был специфическим. К трудовой помощи прибегали безработные, бродяги, освободившиеся из мест заключения, лица, утратившие прежний социальный статус. В отличие от благородных девиц, эти люди в меньшей степени подходили для выражения верноподданнических чувств.

Помимо императоров и их жен, благотворению покровительствовали и другие члены императорской фамилии. Во второй половине XIX в. выдающуюся роль в руководстве благотворительностью, призрением и женским образованием в России сыграл принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Службу в ведомстве императрицы Марии принц начал в 1839 г. В 1860–1880 гг. он возглавлял ведомство, энергично и последовательно занимаясь вопросами образования и призрения.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Литография XIX в. РНБ

Помимо этой, главной в его жизни должности, принц числился почетным опекуном и председателем опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии, попечителем свято-троицкой общины сестер милосердия, покровителем глазной лечебницы, почетным попечителем Мариинского благотворительного общества в Петербурге, Киевского дома призрения бедных, общества для поощрения трудолюбия в Москве. Кроме того, он являлся попечителем Мариинской женской гимназии в Петербурге, входившей в состав Ведомства императрицы Марии⁸⁴. На всех этих должностях принц стремился реально руководить подведомственными ему обществами и учреждениями, но главное внимание уделял ведомству

⁸⁴ РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

императрицы Марии, в особенности входившим в его состав учебно-воспитательным учреждениям. Под руководством и при личном участии принца с середины XIX в. и до его кончины в 1880 г. Разрабатывались все учебно-воспитательные планы и программы, уставы, положения и штаты детско-юношеских учреждений призрения.

Значительную роль принц П. Г. Ольденбургский сыграл в развитии женского образования в России. В период, когда он возглавлял ведомство императрицы Марии, была реформирована учебно-воспитательная часть женских институтов, устранены наиболее архаичные черты институтского воспитания и обучения, усовершенствованы учебно-воспитательные программы прочих учебных заведений.

С именем принца связано создание женских гимназий – первых в России всесословных средних женских учебных заведений открытого типа. Эти гимназии по своим целям и задачам не являлись учреждениями призрения и по существу были чужеродным элементом в ведомстве императрицы Марии. Но именно авторитет ведомства и внимание члена императорской фамилии способствовали распространению этого типа учебных заведений в стране.

Посещая вверенные ему благотворительные заведения, принц стремился вникать во все детали учебно-воспитательного процесса и жизни питомцев. А. В. Стерлигова, воспитанница Петербургского женского института ордена св. Екатерины, приводит в своих мемуарах пример доброжелательности принца и его внимания к мелочам. Во время обеда с воспитанницами он обратил внимание на то, что институтки не притронулись к овсяному супу, и поинтересовался, почему они так поступают. В ответ на то, что блюдо не нравится воспитанницам, принц возразил: «Но почему? Это очень вкусно. Мне очень понравилось». В ответ услышал: «Это естественно, ваше императорское высочество, это ваш национальный суп»⁸⁵. И нелюбимое девицами блюдо исчезло из меню. Подобный разговор с любым другим членом императорской фамилии был едва ли возможен.

Принц П. Г. Ольденбургский не только управлял ведомством императрицы Марии, но жертвовал личные средства на благотворительные цели. Став в 1847 г. попечителем основанной тремя годами раньше свято-троицкой общины сестер милосердия, он пожертвовал общине 50 тыс. руб. на покупку дома⁸⁶. Всего община получила от принца 225 тыс. руб.⁸⁷ Детскому приюту его имени в Петербурге он пожертвовал 40 тыс. руб.⁸⁸ Медицинские учреждения Ведомства императрицы Марии получили от него в общей сложности более 1 000 000 руб.⁸⁹ Кроме того, 1 300 000 руб. Петр Ольденбургский пожертвовал Училищу правоведения в Петербурге⁹⁰ – элитарному высшему учебному заведению для подготовки юристов и государственных служащих. К ведомству императрицы Марии и к призрению вообще Училище правоведения не имело отношения, но и это пожертвование принца можно отнести к благотворительности.

Деятельность Петра Георгиевича Ольденбургского высоко оценивалась современниками. Хорошо знавший семью Ольденбургских граф С. Д. Шереметев так характеризует принца в своих мемуарах: «Человек глубоко верующий, безукоризненно нравственный, сильный духом, незлобный и смиренный, повелительный и нервный. Большой хлопотун, неутомимый при исполнении служебных обязанностей, самим им создаваемых, в высшей степени подвижной (так в тексте. – *Прим. авт.*), то и дело путешествующий по России для

⁸⁵ Стерлигова А. В. Воспоминания институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001. С. 113.

⁸⁶ Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб, 1885. С. 125.

⁸⁷ Анненкова Э. А., Голикова Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб, 1997. С. 126.

⁸⁸ Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. С. 125.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Яковлева Е. Б. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России в XIX в. // Немцы и развитие образования в России. СПб, 1998. С. 182.

обозрения различных учреждений ему подведомственных... его центральной заботой было делание добра, его добросовестная мысль никогда не забывала блага России»⁹¹. Современники видели и другие черты характера П. Г. Ольденбургского. В «воспоминаниях» М. Н. Стоюниной, учившейся в Мариинском женском училище в Петербурге, отмечается: «По общему мнению, старый принц (П. Г. Ольденбургский. – *Прим. авт.*), будучи очень добрым человеком и полный самых лучших намерений, не отличался умом, и о нем ходили в Петербурге анекдоты, причем этот недостаток ярко рисовался»⁹². Но тот же мемуарист отмечает заботу принца о воспитанницах женских институтов, которая была вполне искренней: «он любил посещать институты, возил воспитанницам угощения конфетами, привозил им свои музыкальные и литературные произведения, одним словом наслаждался своей ролью покровителя, воспитателя и защитника молодых девушек. Он, конечно, не подозревал той лжи, которой были пропитаны чуть ли не стены закрытых учебных заведений, где блистала только внешняя сторона»⁹³.

Современникам было хорошо известно, что П. Г. Ольденбургский, будучи мягким и доброжелательным человеком, иногда неожиданно впадал в ярость по самым незначительным поводам. В 1860 г. Состоялся первый выпуск учениц, поступивших сразу в шестой, старший, класс Мариинского женского училища. По этому поводу в училище состоялся «торжественный акт», на котором присутствовал принц П. Г. Ольденбургский. Ему показалось, что в «актовой» речи содержалось осуждение деятельности И. И. Бецкого. Выступавший с речью преподаватель училища В. Я. Стоюнин (впоследствии супруг мемуаристки М. Н. Стоюниной) был вызван к принцу «для объяснения», и тот «... в сущности, очень добрый человек, по общему мнению, дал волю своему гневу, разобрал все новое направление в женском образовании, тех новых преподавателей, которые были приглашены в институты... и объявил, что всех их нужно было бы повесить и притом почему-то головой вниз. Потом он подвел Владимира Яковлевича к окну своего кабинета, выходявшего на Неву, с видом на Петропавловскую крепость и, указывая на нее, в бешенстве воскликнул: «вот где ваше место, а не на учительской кафедре»⁹⁴. Однако хорошо было известно, что приступы ярости, посещавшие принца, быстро проходили и не имели никаких последствий. Подвергшийся разносу педагог «все это спокойно с виду выслушал, затем забавно было, что принц указал в рукописи данной ему речи, какую-то ошибку, притом неправильно, и Владимир Яковлевич тут же поспорил с ним, не уступая ни на йоту»⁹⁵.

Несмотря на некоторые особенности своего характера, принц П. Г. Ольденбургский, тем не менее, пользовался безусловным уважением современников, как человек, обладавший высокими нравственными качествами, и как организатор благотворительности и женского образования в России.

В конце XIX столетия известный журналист и публицист А. К. Скальковский, далекий от придворных кругов, писал в биографическом очерке, посвященном Петру Ольденбургскому: «имея возможность, по своему положению, пребывать в почетной праздности, принц смолоду предпочел хлопотливые и ответственные ежедневные занятия делами благотворительности»⁹⁶. Скальковский отмечает: «Популярность его в России и в Петербурге была громадна»⁹⁷. Характерно, что упоминание о «почетной праздности», в которой могли

⁹¹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 267.

⁹² Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: исторический альманах. 7. М., 1992. С. 384–385.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: исторический альманах. 7. М., 1992. С. 380.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. Сочинение автора «Современной России». Второе издание. СПб, 1891. С. 245.

⁹⁷ Там же. С. 249.

пребывать члены императорской фамилии, сделано не в оппозиционном нелегальном издании, а в дозволенных цензурой очерках. Сам А. К. Скалковский, близкий к редактору и издателю газеты «новое время» А. С. Суворину, не имел никакого отношения к политической оппозиции. Это указывает на то, какое значение имело на рубеже XIX–XX вв. покровительство благотворительности со стороны членов дома Романовых для формирования их личной репутации.

Искренняя, глубокая любовь принца к России находила выражение даже, казалось бы, в мелочах. В «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений», составленном принцем и утвержденном императором в 1852 г., указано на слабое знание воспитанницами женских институтов русского языка. В ту эпоху дворянство гораздо больше внимания уделяло французскому языку, который, по существу, был родным для многих представителей этого сословия. Однако, П. Г. Ольденбургский считал ненормальным положение дел, при котором русский язык находился в пренебрежении, тогда как ошибки во французском считались в определенных кругах признаком необразованности. «отечественный язык, – говорится в „наставлении“, – должен быть известен каждому русскому во всей полноте»⁹⁸. Масштабы деятельности Петра Георгиевича Ольденбургского в области благотворительности, призрения и просвещения могут быть сравнимы разве что с деятельностью Марии Федоровны в конце XVIII – начале XIX вв. Принц реформировал и совершенствовал благотворительность и призрение под августейшим покровительством в период, когда самодержавная власть постепенно утрачивала ореол непогрешимости и всемогущества, а общественная активность и оппозиционные настроения, напротив, возрастали.

Традицию покровительства благотворительности в роду Ольденбургских продолжил старший сын Петра Георгиевича принц Алексей Петрович Ольденбургский. Он не унаследовал высоких нравственных качеств и организаторских способностей своего отца, имел репутацию энергичного, но неуравновешенного человека. Друг семьи Ольденбургских С. Д. Шереметев упоминает о характере принца: «с молодых лет он отличался горячностью и порывами»⁹⁹. Другой современник А. П. Ольденбургского, С. Ю. Витте, указывает в своих «воспоминаниях» на «ненормальность» принца, добавляя, что он «...вместе с тем известен своей весьма полезной деятельностью»¹⁰⁰. А. П. Ольденбургский занимал ряд руководящих постов в учреждениях призрения и здравоохранения. При его активном участии в Петербурге были созданы институт экспериментальной медицины, лечебница для душевнобольных и народный дом императора Николая II. «все это, – отмечает Витте, – создано принцем А. П. Ольденбургским, но на казенные деньги; можно даже с уверенностью утверждать, что то же самое было бы создано с гораздо меньшими затратами и, вероятно, более разумно обыкновенными смертными, если бы те деньги, которые ухлопал на это дело из казенного сундука принц А. П. Ольденбургский, были бы даны обыкновенным русским обывателям»¹⁰¹. Однако Витте вынужден признать, что упомянутые учреждения были созданы благодаря энергии А. П. Ольденбургского, который организовывал «...большие предприятия, не имея денег и зная, что так или иначе, но деньги эти будут уплачены, так как в крайнем случае он всегда уприсит государя, чтобы его величество приказал это сделать»¹⁰². При самодержавном строе умение «упросить» государя выделить деньги на доброе дело было, все-таки, положительным качеством.

⁹⁸ Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб, 1852. С. 12.

⁹⁹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 281.

¹⁰⁰ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 161.

¹⁰¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 564.

¹⁰² Там же. С. 568.

Великая княгиня Елена Павловна. Литография П. Сюдре. 1836 г.

К членам дома Романовых, которые не ограничивались лишь представительством в подведомственных благотворительных учреждениях, можно отнести великих княгинь Елену Павловну и ее дочь Екатерину Михайловну. Елена Павловна (Каролина Вюртембергская) была супругой великого князя Михаила Павловича, сына императора Павла, слыла одной из самых образованных и культурных представительниц августейшей семьи. Она достаточно активно занималась управлением нескольких благотворительных учреждений, переданных под ее покровительство по завещанию Марии Федоровны. После кончины Елены Павловны эти учреждения перешли в ведение ее дочери, великой княгини Екатерины Михайловны, супруги герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга.

Великая княгиня Екатерина Михайловна. Литография второй половины XIX в.

В 1872 г. Екатерина Михайловна была избрана председателем совета Патриотического общества, входившего в состав Ведомства императрицы Марии. Возглавляя совет, она лично рассматривала все вопросы, связанные с учебно-воспитательной частью женских школ Патриотического общества, разрабатывала новый для них устав совместно с принцем П. Г. Ольденбургским. При этом даже вступала с принцем в полемику, которая, впрочем, не выходила за рамки обсуждения деталей учебно-воспитательного процесса.

Великая княгиня Елизавета Федоровна. 1910-е гг.

В какой-то степени занималась управлением подведомственными учреждениями великая княгиня Александра Петровна (Александра Ольденбургская), супруга великого князя Николая Николаевича старшего, сына Николая I. Во второй половине XIX в. Александра Петровна возглавляла Санкт-Петербургский совет детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, рассматривала и утверждала ежегодные отчеты совета, посещала столичные детские приюты. Однако основная работа по управлению этими учреждениями выполнялась чиновниками совета и директорами приютов. Благотворительные пожертвования Александры Петровны были более чем скромными и имели символический характер.

В начале XX столетия широкую известность получила деятельность великой княгини Елизаветы Федоровны (Елизавета гессенская), в 1904 г. возглавившей благотворительный комитет для оказания помощи воинам, пострадавшим в сражениях русско-японской войны. Полностью он назывался «особый комитет ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызван-

ной войной на Дальнем Востоке». (После окончания войны этот комитет был преобразован и продолжал оказывать помощь ее участникам).

Кроме того, Елизавета Федоровна была покровительницей нескольких учреждений призрения, входивших в состав Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Она участвовала в управлении благотворительностью, но была известна, главным образом, благодаря своей безупречной нравственной репутации и трагической судьбе. Супруг Елизаветы Федоровны, генерал-губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович был убит в 1905 г. эсерами-террористами. После его гибели она полностью посвятила себя покровительству делам благотворительности.

В соответствии с традицией почти все члены императорской фамилии состояли покровителями или председателями правлений благотворительных ведомств, комитетов, обществ и отдельных учреждений. Но те из них, кто реально выполнял государственные обязанности, не имели времени на руководство благотворительностью. В первую очередь, это относится к императорам, которые были заняты решением сложнейших задач внутренней и внешней политики государства. Роль прочих членов царской семьи как руководителей учреждений призрения и щедрость их как благотворителей ограничивались только личными качествами каждого. Не все Романовы обладали соответствующими знаниями и способностями.

Управление комплексами учреждений призрения и даже отдельными организациями было само по себе чрезвычайно сложным делом. Поэтому многие члены императорской семьи ограничивались выполнением представительских функций – покровителей, попечителей, председателей и т. д. Эффективность работы благотворительных организаций во многом зависела от профессиональных чиновников-управленцев и пожертвователей, добровольно и безвозмездно исполнявших управленческие функции.

Однако с учетом роли и места императорской фамилии в политической системе России, в структуре государственных и общественных институтов. Покровительство со стороны монархов и членов правящей династии можно рассматривать как реальный, действенный фактор, который в значительной степени определял развитие благотворительности в стране.

Говоря об актах благотворительной деятельности членов императорской фамилии, следует иметь в виду их различные уровни. Дело в том, что кроме проектов, осуществляемых Романовыми с использованием государственного потенциала и административного ресурса, занимались они и сугубо личными благотворительными делами, к которым их подвигали как воспитание, так и движения души.

Начало этой традиции положила императрица Екатерина II, которая из своей «комнатной суммы» поддерживала становление и развитие Калинкинской больницы, специализировавшейся на лечении больных «любострастной болезнью», или сифилисом. По ее распоряжению с 1773 по 1775 г. Больнице выплачивались довольно крупные средства из «комнатной суммы императрицы». Вне всякого сомнения, за решением о выделении крупных сумм стояла сама императрица. Так, в июне 1773 г. состоялся именной указ Екатерины II «о заплате в медицинскую коллегию за пользование женщин от венерической болезни 2 238 руб. 19 коп.».¹⁰³ В августе 1776 г. указ о выделении денег на нужды Калинкинской больницы за период с 6 марта 1774 г. по 1 августа 1775 г. был повторен: «в медицинскую контору за лечение в Петербурге от венерической болезни марта 6 1774 г. по 1 число сего 1775 г. женок и девок и им на пищу и содержание 850 руб.».¹⁰⁴ Тогда же были выплачены деньги и за 1776 г.: «в медицинскую коллегию за лечение женщин от венерической болезни 1 605 руб.».¹⁰⁵

¹⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. № 69. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1773 г.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3890. № 79 Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1775 г.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891 Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

Детям и внукам Николая I буквально с детства внушалось, что одной из святынь обязанностей членов императорской фамилии является личная благотворительность.

Например, полковник К. К. Мердер, воспитатель будущего Александра II, в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. В 1829 г. он придумал «кассу благотворения». Замысел воспитателя заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича и его двух приятелей-соучеников оценивались в сугубо денежной форме. Проще говоря, за хорошие оценки цесаревичу платили, но полученные деньги должны были идти не на личные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело. Николай I одобрил идею, и касса действовала все время обучения наследника, т. е. с 1829 по 1837 гг.

Эта практика со временем распространилась и на остальных детей Николая I. Им ежегодно выделялось по 5000 руб. сер. в год, которые они могли потратить только на благотворительные цели. Отметим, что на гардероб великой княжне выделялось 3000 руб. в год, дочь Николая I, великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «на милостыню были предначначены 5000 руб. сер. в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капиталы. Каждый год Папа проверял наши расходы».¹⁰⁶ Таким образом, основными статьями расходов маленьких великих князей и княжон были затраты «на гардероб», на благотворительность и учителей.

Внуки Николая I в 1840-х гг. росли уже в рамках сформированной педагогической парадигмы: благотворительная деятельность есть неотъемлемая часть жизни императорской семьи. Отметим, что воспитание в подобном духе не было чем-то уникальным, характерным только для российского императорского двора. Такая же практика существовала и при европейских владетельных дворах. Разница заключалась лишь в том, что не всякий двор был в состоянии обеспечить достаточно большие суммы каждому из детей для расходов на благотворительность.

О воспитании в душах маленьких великих князей и княжон чувства сострадания, стремления помочь бедствующим, упоминается в эпистолярных источниках и мемуарных свидетельствах. Например, в 1847 г., один из воспитателей сыновей будущего Александра II писал родителям, что их старшие сыновья дали денег мальчику, который работал в парке Александрия без сапог. Воспитатель, комментируя в письме этот эпизод, отмечает, что «это уже не первые издержки при мне их высочеств. Мне часто приходится выдавать, по желанию их, особенно старшего, то нищим, то бедным итальянским шарманщикам, то старым солдатам, то фонтанщикам; так что я всякий раз, когда с ними, должен иметь при себе мелкие деньги».¹⁰⁷ При этом следует отметить, что «старшему», великому князю Николаю Александровичу, в 1847 г. было только четыре года, а его брату, будущему Александру III, шел третий год. Подчеркнем, что подобная практика со временем распространилась и на аристократические семейства, и вплоть до 1917 г. являлась частью воспитательного процесса в дворянских семьях.

Когда дети вырастали и обзаводились семьями, традиции личной благотворительности не прерывались. Из приходно-расходных книг членов императорской семьи известно, что в 1856 г. по случаю окончания крымской войны императрица Мария Александровна потратила в качестве пожертвований 60 159 руб.

С годами императрица Мария Александровна стала перечислять все больше средств на различные благотворительные цели. Тому было много причин: и фактический разрыв с мужем, у которого появилась вторая семья; и смерть в 1865 г. старшего сына Николая Алек-

¹⁰⁶ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 244.

¹⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 44 // Письма об августейших сыновьях Императора Александра II писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность его наследником Цесаревичем.

сандровича; и развитие ее легочного заболевания, сделавшее для императрицы невозможной светскую жизнь. Нельзя не сказать и об искренней вере бывшей дармштадской принцессы. Все это позволяло современникам заявлять, что при ежегодном бюджете в 200 000 руб. императрица Мария Александровна тратила на себя «лишь 50 тыс., отдавая все остальное на благотворительность».¹⁰⁸

По поводу «50 тыс.» мемуарист слегка преувеличил, но тенденция отмечена верно. Как следует из данных приходно-расходной книжки императрицы Марии Александровны в 1856 г. она «сэкономила» только на трех позициях: на «собственных издержках» (–1830 руб.), на пособиях (–2371 руб.) и на пожертвованиях (–26 961 руб.). Последняя цифра объясняется прекращением работы специального комитета императрицы в Симферополе, который оказывал помощь семьям погибших и раненных в ходе крымской войны.

Камер-юнгфера Яковлева вспоминала, что «императрица Мария Александровна имела огромное количество драгоценностей, которые редко надевала. Она давно отказалась от дорогих подарков, а принимала от государя *деньгами* (выделено авт.). Много золотых и драгоценных вещей превращала в деньги. Во время войны она отказалась даже шить себе новые платья и все эти сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных».¹⁰⁹

Следует подчеркнуть, что именно императрица Мария Александровна горячо поддерживала идею организации Российского общества Красного Креста (РОКК). Благодаря этому РОКК быстро превратился в самую крупную общественно-государственную структуру, аккумулировавшую на своих счетах огромные суммы, переводимые благотворителями со всей России. Именно императрица Мария Александровна вплоть до своей кончины в 1880 г. являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста.

После смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. обязанности высочайшей покровительницы РОКК приняла на себя супруга цесаревича (с 1881 г. императрица) Мария Федоровна, выполнявшая их вплоть до 1917 г. Благотворительность в царской семье скорее была уделом ее женской части, но и мужчины периодически вносили свою лепту. Как правило, из «собственных» сумм.

Периодически члены императорской семьи принимали участие в различных благотворительных акциях, чаще всего носивших «целевой характер». Это была давняя традиция, восходящая к временам Николая I. Например, в апреле 1838 г. в Александровском дворце Царского села состоялась известная лотерея, на которой разыгрывалась картина К. Брюллова «В. А. Жуковский». Вырученные от продажи картины деньги пошли на выкуп крепостного Тараса Шевченко. Сам портрет воспитателя Александра II В. А. Жуковского потом хранился в библиотеке императора в Зимнем дворце.

Т. Шевченко писал в своей автобиографии: «сговорившись предварительно с моим помещиком, Жуковский просил Брюллова написать с него портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и портрет у него был готов. Жуковский с помощью графа Вильегорского, устроил лотерею в 2500 рублей, и этой ценой была куплена моя свобода 22 апреля 1838 года».¹¹⁰ В камер-фурьерском журнале о событиях 14 апреля 1838 г. было записано: «Ввечеру Их Величество с Их Высочеством Государем Наследником, Великою Княгинею Еленой Павловною и Великою Княжною Мариєю Николаевною и собравшимися к 8-ми часам по приглашению Государыни Императрицы особами

¹⁰⁸ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. М., 1966. С. 198.

¹⁰⁹ Воспоминания бывшей камер-юнгферы Императрицы Марии Александровны // Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. М., 2002. С. 308.

¹¹⁰ Цит. по: Моренец Н. И. Шевченко в Петербурге. Л., 1960. С. 37.

обоего пола, бывшими сего числа за обеденным столом, изволили препроводить время в круглом Нового дворца зале разными играми, танцами и розыгрышем лотареи вещей».¹¹¹

Заметим, что сумма за портрет Жуковского, написанный великим К. П. Брюлловым, определялась ценой, запрошенной за Т. Г. Шевченко его владельцем. Поскольку сумма была довольно значительной, то члены царской семьи сложились для того чтобы выкупить картину. Например, великая княжна Мария Николаевна, старшая дочь Николая I, внесла 300 руб. В ее бухгалтерских книгах указывается: «Препровождены сего числа при отношении за № 360 к Ея превосходительству Ю. Ф. Барановой триста рублей ассигнациями для уплаты за билеты, взятые великою княжною Мариєю Николаевною, при розыгрывании в лотерее, в императорском семействе, написанного живописцем Брюлловым портрета В. А. Жуковского, – записать в расход по шнуровой книге о суммах Ея Высочества. Апреля 23 за 1838 год».¹¹²

Сам наследник Александр Николаевич также внес 300 руб.: «24 апреля. Заплачено за лотерейный билет портрет Жуковского живописца Брюллова 300 р.».¹¹³ Императрица Александра Федоровна внесла 400 руб.: «действ[ительной] ст[атской] советнице Ю. Ф. Барановой, за билеты на лотерею, в которой Ея Величеством выигран портрет В. А. Жуковского, четыреста рублей».¹¹⁴ Остальную сумму внес Николай I. В результате лотереи крепостной Т. Г. Шевченко фактически был выкуплен из крепостной неволи членами императорской семьи.

Другим ярким примером может служить благотворительный концерт «в пользу раненых», состоявшийся в Белом зале Зимнего дворца в феврале 1883 г. Тогда выступал «оркестр медных инструментов из любителей, который долгое время собирался у государя, когда он был великим князем». Александр III в оркестре уже не участвовал, но в нем продолжали играть его «соратники» по музыкальным увлечениям. Сбор «в пользу раненых» предполагалось передать Российскому обществу Красного Креста.¹¹⁵

Отметим, что буквально в первые же дни пребывания великой княгини Марии Федоровны (датской) в России (с осени 1866 г.) она сделала несколько ожидаемых жестов в сфере благотворительности. Так, ее первыми пожертвованиями Марии Федоровны стали деньги в пользу Царскосельского благотворительного общества (50 руб.) и деньги в пользу больницы «для страждущих от рака на содержание одной (именной. – *Прим. авт.*) кровати за год вперед с 28 октября 1866 по 28 октября 1867 г.» (120 руб.).

Впоследствии в приходно-расходных книгах императрицы Марии Федоровны появилась отдельная строка «на пожертвования». На эти цели ежегодно выделялась 21 000 руб. Значительная часть этих денег выделялась медицинским структурам: общинам сестер милосердия, преимущественно входивших в структуры Российского общества Красного Креста и различным лечебным заведениям.

Суммы пожертвований были очень разными: от 540 руб. в год на содержание одной кровати в больнице св. Ольги до 50 руб. в год, жертвуемых московскому Арнольдо-Третьяковскому училищу для глухонемых. Также императрица покровительствовала разным художественным обществам.

Ежегодно Мария Федоровна жертвовала деньги и различным медицинским структурам в родной Дании. Например, с 23 ноября 1885 г. по 1916 г. она переводила по 200 крон

¹¹¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1 (120/2322). Д. 142. Л. 53.

¹¹² РГИА. Ф. 541. Оп. 1. Д. 30. Л. 87.

¹¹³ РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 865. Л. 56.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

¹¹⁵ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. М., 1966. С. 206.

на счет поликлиники для бедных в Копенгагене. С 29 марта 1888 г. по 1916 г. переводились 100 крон Датскому обществу Красного Креста.

Поддерживал благотворительные устремления Марии Федоровны и ее супруг – император Александр III, у которого в его приходно-расходной книге также имелась отдельная строка – «пожертвования». Подчас эти жертвования были очень внушительными. Подчеркнем, что речь идет не о бюджетных средствах, а о личных деньгах императорской четы. Так, в 1882 г. 300 000 руб. из личных денег царя ушло на постройку барачного лазарета и школы фельдшерниц дамского лазаретного комитета Российского общества Красного Креста. Поскольку императрица Мария Федоровна с 1880 г. являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста, то, судя по всему, эти 300 000 руб. были потрачены наверняка по просьбе императрицы.

Вплоть до конца XIX в. российские императоры жертвовали на благотворительные цели подчас очень крупные суммы. Но даже на этом фоне жертвования императора Николая II и императрицы Александры Федоровны выглядят беспрецедентно.

Во-первых, в приходно-расходных книгах Николая II средства, расходуемые по статье «Пособия богоугодным и благотворительным, лечебным и разным общепользным учреждениям», постоянно росли. Поясним, что у Николая II в бухгалтерских книгах эта статья делилась на две составляющие: жертвования в пользу различных учебных заведений и жертвования в пользу благотворительных учреждений. В число «благотворительных учреждений» были включены и различные храмы. Суммы, пожертвованные царем учебным заведениям, были довольно значительны. Так, с 1896 г. по 1913 г. они пять раз превышали сумму в 10 000 руб. (1896 – 16 400 руб.; 1898 – 10 600 руб.; 1900 – 11 250 руб.; 1906 – 14 250 руб.; 1907 – 13 657 руб.). Подобные выплаты по большей части не носили регулярного характера и были связаны с официальными визитами царя в те или иные учебные заведения по случаю их юбилеев. Этим, собственно, и объясняется то, что в 1903 г. По данной статье потрачено всего 264 руб.

Что касается жертвований в пользу благотворительных заведений, то самым крупным «проектом» Николая II стало строительство в Дармштадте православного храма св. Магдалины. Основные средства на строительство храма были выделены в период с 1898 по 1901 гг. Суммы оказались весьма значительны для личного бюджета Николая II. Так, в 1898–1899 гг. «постройку православного храма в Дармштадте» потрачено 194 732 руб. Позже, когда начались работы по оформлению интерьеров храма, суммы колебались в пределах от 17 до 23 тысяч руб. Например, из этих средств в 1902 г. художнику В. М. Васнецову перечислили 10 000 руб. за икону Богоматери, переданную в Дармштадт. В том же 1902 г. знаменитому архитектору Л. Н. Бенуа дважды выплачивалось по 1000 руб. за наблюдение «за постройкой храма в Дармштадте... по статье жертвования».

Другое крупное жертвование Николая II по этой статье было связано с канонизацией серафима Саровского и последующими за ней торжествами. Летом 1903 г. император со своими ближайшими родственниками посетил Дивеевскую обитель в нижегородской губернии, где проходило чествование святого. Поэтому для Дивеевской обители Николай II выделил из «собственной суммы» крупные средства: в 1903 г. – 44 424 руб. и 1904 г. – 11 434 руб.

На протяжении своего правления Николай II несколько раз делал крупные жертвования на строительство разного рода храмов. В 1898 г. им пожертвовано на достройку православного храма в Буэнос-Айресе 5000 руб. В 1913 г. на постройку богадельни в память царского духовника протопресвитера Янышева пожертвована 1000 руб.

Начало правления Николая II омрачила Ходынская трагедия в мае 1896 г., произошедшая во время коронационных торжеств в Москве. В первые несколько дней после трагедии императору и императрице постоянно докладывали о количестве погибших. Николай II немедленно распорядился выделить крупную сумму из собственных средств на оказание

помощи семьям погибших и пострадавшим в этой трагедии. Не осталась в стороне и императрица Александра Федоровна. 27 мая 1896 г. «на усиление средств, поступивших от Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны для устройства убежища детей, родители которых пострадали во время народного праздника на Ходынском поле 18 сего мая» было «принято в кассу московской городской управы» 10 000 руб.¹¹⁶

Следует подчеркнуть, что царь и царица всячески старались сгладить впечатление от произошедшей трагедии. Императрица Александра Федоровна посещала больницы, где пострадавшим раздавались образки, коронационные кружки и платки. Но само количество пострадавших было беспрецедентно велико, оно составляло по официальным данным 1379 чел.¹¹⁷ Умерших хоронили преимущественно на ваганьковском кладбище. В газетах публиковались списки пострадавших, которым, в зависимости от степени тяжести травм, выплачивались казенные пособия. Полное пособие составляло 1000 руб. Неполные пособия составляли суммы по 750, 700, 500, 350 и 250 руб. Кроме этого назначались ежегодные пенсии: по 24, 40 и 60 руб., выплачивались специальные пособия, «выданные в возврат расходов на погребение» от 10 до 76 руб.

Император Николай II по сложившейся в царской семье традиции поддерживал деятельность Красного Креста. В июле 1896 г. в кассу комитета попечения о сестрах Красного Креста от имени Николая II перечислено 400 руб.¹¹⁸ Кроме этого, в 1896 г. Николай II, поддерживая идею открытия в Петербурге женского медицинского института, распорядился выделить из средств Кабинета Е.И.В. 65 000 руб. на приобретение участка земли (10 тыс. кв. сажень) под строительство общежития для иногородних студенток.¹¹⁹

Случались разовые пожертвования «с историей». Например, Николай II принял на себя традиционные пожертвования Александра III на устройство благотворительных елок и ежегодно выделял несколько сотен рублей давнему знакомому князю В. В. Мещерскому (1903 г. – 300 руб.; 1913 г. – 1000 руб.) «на елку для бедных детей».

Николай II, будучи прекрасным спортсменом, всячески поддерживал стремление к здоровому образу жизни и идеи, связанные с развитием спорта в России. В 1911 г. царь из собственных средств выделил «обществу физического воспитания Богатырь» 5000 руб. Были и пожертвования совершенно в духе русской интеллигенции второй половины XIX в. Например, в 1901 г. Николай II приказал перечислить в редакцию журнала «русский инвалид» 50 руб., как пособие «сестрам Холяро от неизвестного». А в январе 1901 г. за благотворительный спектакль «русского театрального общества» им уплачено 300 руб.¹²⁰

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война расходы Николая II по статье «Пособия богоугодным и благотворительным, лечебным и разным общепольным учреждениям», многократно возросли. Например, в военные 1916 и 1917 гг. На эти цели император потратил соответственно 427 763 и 431 583 руб.

Подобные траты значительно сократили личный капитал Николая II. Великий князь Александр Михайлович упоминал, что «еще в бытность наследником цесаревичем император Николай II получил от своей прабабушки наследство в 4 млн. руб. Государь решил

¹¹⁶ РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 8. Л. 167 // Денежные документы по расходу и приходу сумм его императорского величества за 1896 г.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 525. Оп. 1(197/2685). Д. 104. Л. 35 // О пострадавших на Ходынском поле во время народного праздника 18 мая 1896 г. и О пожертвовании на приют сирот пострадавших. 21 мая 1896 г.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 8. Л. 197 // Денежные документы по расходу и приходу сумм его императорского величества за 1896 г.

¹¹⁹ Зимин И. В., Журавлев А. А. СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова: Этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). СПб, 2012. С. 110.

¹²⁰ РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 2. Л. 1 // Бухгалтерская книга по суммам его императорского величества. 1904.

отложить эти деньги в сторону и употребить доходы от этого капитала специально на нужды благотворительности. Однако весь этот капитал был израсходован через три года». ¹²¹ В результате из 20 000 000 рублей, составлявших бюджет Министерства императорского двора, «на личные нужды государю оставалось ежегодно около 200 тыс. руб., после того как были выплачены ежегодные пенсии родственникам, содержание служащим, оплачены счета подрядчиков по многолетним ремонтам во дворцах, покрыт дефицит императорских театров и удовлетворены нужды благотворительности». ¹²² Однако эти громадные расходы были необходимы, поскольку «крайне скромный и простой в своей частной жизни, царь должен был в таких случаях подчиняться требованиям этикета. Правитель одной шестой части земного шара мог принимать своих гостей только в атмосфере расточительной пышности». ¹²³

Таким образом, пожертвования на различные благотворительные цели в структуре «собственной суммы» Николая II были достаточно значимы. Вместе с тем сама номенклатура пожертвований определялась как прочными традициями «на что надо жертвовать», так и личными решениями Николая II.

Что касается императрицы Александры Федоровны, то она в полной мере продолжила традицию благотворительной деятельности. В ее приходно-расходной книге ежегодный бюджет на личные пожертвования определялся суммой в 46 000 руб. Однако эта сумма, как правило, превышалась и дефицит бюджета императрицы Александры Федоровны покрывался за счет статьи на экстраординарные расходы. В последние годы царствования пожертвования доходили до 93 000 руб.

Отметим, что благотворительная деятельность императрицы Александры Федоровны определялась не только ее статусом императрицы, но и ее весьма непростыми жизненными обстоятельствами. Так, став матерью, Александра Федоровна очень близко к сердцу приняла проблемы, связанные с материнством и детством. Поэтому один из первых крупных благотворительных проектов Александры Федоровны был связан с финансированием «Школы нянь» в Царском селе, на что ежегодно тратилось 73 496 руб. 73 коп. ¹²⁴

Двухэтажное здание школы, построенное в Царском селе, было обращено фасадом и детскими комнатами на юг и разделялось на три части. В средней части располагались: классная, лаборатория, бельевая, квартира начальницы. Левое крыло принадлежало приюту: здесь помещались детские с относящимися к ним помещениями (теплая стеклянная веранда, ванная, буфетная, прачечная, комната сестры милосердия и аптека). В правом крыле находились помещения нянь, а также комната для кормилиц. На 3-м этаже-мансарде находился лазарет для детей и нянь. Столовая для нянь, кухня, гладильня, детская молочная, кладовая и помещения для прислуги располагались в особой одноэтажной пристройке. В подвале находились баня, прачечная и центральное отопление. При школе была устроена своя молочная ферма на 6 коров.

¹²¹ Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: воспоминания. Дневники. СПб, 1994. С. 299.

¹²² Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: воспоминания. Дневники. СПб, 1994. С. 300.

¹²³ Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: воспоминания. Дневники. СПб, 1994. С. 299.

¹²⁴ РГИА. Ф. 525. Оп. 3(3\2). Д. 190\591. Л. 1 об. // Заграничные капиталы. 1905.

Царское Село. Школа нянь. 1910-е гг.

Школа нянь была рассчитана на 50 воспитанниц (курс по 25 чел.), а состоящий при ней приют на 50 детей. В число воспитанниц принимались девицы в возрасте не моложе 16 лет, а в исключительных случаях – молодые женщины. Воспитанницы принимались на 2 года в течение которых их обучали теоретическому и практическому уходу за ребенком дошкольного возраста. Образовательная программа включала следующие предметы: анатомию с физиологией, гигиену, оказание первой помощи в несчастных случаях и детские заболевания. Воспитанницы находились на полном содержании и получали от школы одежду и учебные пособия. Годовая плата составляла 360 руб. в год, для лиц неимущих устанавливались бесплатные вакансии и стипендии, преимущественное право на стипендии и бесплатный прием предоставлялись детям воинских чинов, пострадавших на войне. Каждая из воспитанниц опекала на протяжении всего курса обучения одного из детей, содержащегося в приюте (50 воспитанниц – 50 детей). Директором школы был детский врач, ученик профессора К. А. Раухфуса Владимир Петрович Герасимович. Сам лейб-педиатр К. А. Раухфус был врачом-консультантом и председателем попечительского совета школы.

Царское Село. Школа нянь. Кухня. 1910-е гг.

28 мая 1905 г. Школа была торжественно открыта в присутствии членов императорской фамилии. В этот день Николай II записал в дневнике: «... в 2 1/2 поехали на освящение только что выстроенного здания Школы нянь. После молебна осмотрели все помещения сверху донизу. Очень уютно, практично и никакой роскоши. Заведует школой Раухфус, а строил наш архитектор Данини. Присутствовало довольно много дам. Вернулись после 4-х...».

Здание Школы нянь с некоторыми утратами дошло до наших дней. Его современный адрес г. Пушкин, Красносельское шоссе, 9. В нем расположена общеобразовательная школа.

Царское Село. Школа нянь. Современный вид

Второй крупный благотворительный проект императрицы Александры Федоровны был связан с поддержкой идей ее лечащего врача К. Х. Хорна по строительству в Петербурге первого в России ортопедического института. Дело в том, что Александра Федоровна с молодых лет страдала крестцово-поясничными болями. Лечащим врачом императрицы Александры Федоровны с 1896 г. стал массажист и ортопед доктор К. Х. Хорн. В 1896 г. Александра Федоровна выплатила ему 120 руб. за два гимнастических аппарата (так тогда называли тренажеры).

История реализации этого проекта была следующей. Во время лечебных процедур Александра Федоровна и ее врач обсуждали «ортопедические темы». Во время этих бесед К. Х. Хорн поведал императрице о статистике различных заболеваний, упомянув, что ортопедическими заболеваниями страдают и дети. Поскольку императрице всегда были близки детские проблемы, она согласилась с предложением своего лечащего врача открыть государственную ортопедическую лечебницу.

12 февраля 1901 г. К. Х. Хорн направляет на имя Александры Федоровны записку о необходимости строительства ортопедического института в Санкт-Петербурге. Финансирование проекта должно было идти из государственного казначейства, из бюджета Министерства внутренних дел. Автор записки предполагал, что городские власти, при лоббировании императрицы Александры Федоровны выделят бесплатный земельный участок под здание ортопедического института.

Канцелярия императрицы Александры Федоровны ходатайствовала перед телефонной компанией об установке на квартире доктора «в самом непродолжительном времени за счет статского советника Хорна телефонного аппарата».¹²⁵

Весной 1902 г. при всемерной поддержке императрицы Александры Федоровны городские власти начали обсуждение вопроса о выделении земли под ортопедический институт. В

¹²⁵ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 1 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

марте 1902 г. министр внутренних дел сообщил городскому голове о предположении императрицы Александры Федоровны устроить в С.-Петербурге специальное ортопедическое лечебное заведение, «в котором больные могли бы получать правильно организованную, соответственно последним требованиям науки, медицинскую помощь. ...выбор государыни императрицы остановился на принадлежащем городу участке, известном под названием «мытный двор»... министр предложил внести на обсуждение городской думы вопрос о предоставлении в распоряжении государыни императрицы Александры Федоровны для постройки ортопедического заведения упомянутого участка земли».

В апреле 1902 г. состоялось решение С.-Петербургской Городской думы «О прирезке к отведенному городом под постройку зданий ортопедического клинического института участку из Александровского парка полосы земли со стороны пешеходной дорожки и угла набережной кронверкского пролива».¹²⁶

Также был образован оргкомитет по сооружению лечебницы во главе с бароном И. Л. Корфом. 18 марта 1902 г. министр внутренних дел Д. С. Сипягин распорядился выделить из бюджета министерства до открытия нового института пособие в 6000 руб. в год.¹²⁷ 13 июля 1902 г. Николай II одобрил планы по возведению здания ортопедического института. Подчеркнем то, что император выделил на строительство института 2 000 руб. из собственных средств.

Официальная закладка здания ортопедической лечебницы состоялась 21 сентября 1902 г. Председатель организационного комитета П. Л. Корф послал приветственную телеграмму императрице Александре Федоровне, находившейся в это время в Севастополе. На закладной доске, замурованной в основании здания, было написано: «в благополучное царствование его императорского величества государя императора Николая Александровича, по мысли и повелению Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны заложено сие здание 21 сентября 1902 года». Отметим, что работы по возведению здания института начались 20 июля 1902 г. И на момент его официальной закладки заканчивалось возведение второго этажа здания. Уже 6 ноября 1902 г. начальник строительства придворный архитектор Р. Ф. Мельцер сообщил организационному комитету об окончании строительных работ.

Затраты только на возведение здания ортопедического института составили почти миллион рублей (958 000 руб.). Из этой суммы 200 000 руб. пришлось на пожертвования императрицы Александры Федоровны и 758 000 руб. были отпущены из государственного казначейства. Кроме этого предстояли крупные расходы по оснащению ортопедического института необходимой аппаратурой и на комплектование квалифицированными кадрами.

¹²⁶ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (2022690). Д. 117. Л. 404 Брошюры, газеты и рисунки в газетах, относящиеся к ортопедическому институту.

¹²⁷ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 43 об. О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

Ортопедический институт. 1907 г.

В процессе работы изменилось и название медицинского учреждения. Если поначалу в документах фигурировал термин «лечебница», то с марта 1903 г. упоминается «Ортопедический институт». Сделано это было по инициативе императрицы Александры Федоровны, которая ознакомилась с деятельностью подобных лечебных заведений в Европе. Оргкомитет обратился к российским посольствам некоторых стран Европы и Америки с просьбой сообщить об имеющихся там подобных заведениях. В течение зимы 1902–1903 гг. были получены ответы, на основе которых была подготовлена соответствующая справка. В Лондоне в то время существовало три ортопедических госпиталя.¹²⁸ В Северо-Американских Соединенных Штатах действовали 6 ортопедических лечебниц (в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Балтиморе). Судя по полученной информации, лучше всего было поставлено дело лечения ортопедических больных в Германии (клиники А. Гоффа в Берлине и Вюрцбурге) и в Италии (ортопедический институт в Болонье, основанный Франческо Риццоли и возглавляемый знаменитым хирургом Алессандро Кодивилла). Для того чтобы ознакомиться с устройством и организацией ортопедических учреждений, в 1902 году архитектор Р. Ф. Мельцер посетил Берлин, Вену и Дюссельдорф.

¹²⁸ Королевский ортопедический госпиталь на 50 кроватей (с 1838 г.); Ситейский госпиталь на 50 кроватей; национальный госпиталь на 60 кроватей.

Ортопедический институт. Современный вид

Здание института сохранилось до сих пор, его современный адрес Александровский парк, 5. Оно построено в стиле модерн, облицовано светлым матовым кирпичом и декорировано цветным глазурованным. В центральной части здания на втором этаже размещалась домовая церковь Христа Целителя, увенчанная маковкой, главка которой утрачена, а барабан сохранился. До наших дней дошла и мозаичная икона Иверской Божией матери, украшающая фасад. Ее автор – К. С. Петров-Водкин, талант которого открыл и воспитал создатель проекта здания института Р. Ф. Мельцер. Мозаика была изготовлена из майолики в Лондоне на фабрике Дультона и установлена осенью 1904 г.

В 1904 г. началась русско-японская война и, соответственно, выросло число раненых с ампутированными конечностями, которые нуждались в профессиональной помощи ортопедов. В этой ситуации К. Х. Хорн обращается к Александре Федоровне с просьбой ускорить завершение строительства института. Его записка была доложена императрице 8 июня 1905 г. В Петергофе, а 22 июня 1905 г. состоялось подписание комиссией акта о приемке здания института и началась работа по его оборудованию и оснащению специальной аппаратурой.

Однако доктору К. Х. Хорну так и не суждено было увидеть свой ортопедический институт, поскольку он умер 2 сентября 1905 г. 3 сентября 1905 г. Александра Федоровна направила телеграмму с соболезнованием вдове врача, в которой подчеркивала, что смерть К. Х. Хорна является «незаменимою потерей для близкого Ея сердцу Ортопедического института в коем покойному доктору Хорну не суждено было проявить свою квалификацию...».¹²⁹

После смерти К. Х. Хорна руководство оснащением ортопедического института приняла на себя вдова врача – Э. Р. Хорн. Именно ей Александра Федоровна поручила довести до конца оборудование института, со всеми административными правами и обязанностями, которые имел ее муж. Это было очень непросто, поскольку в процессе строительства и оборудования института возникали неизбежные трения даже с очень надежными подрядчиками. Так, Элеонора Хорн в письме к императрице жалуется на Мельцера за «мотание денег».

¹²⁹ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 10 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

В феврале 1906 г. был решен вопрос о ведомственной подчиненности ортопедического института, который отнесли к Министерству внутренних дел, курировавшему всю систему здравоохранения России.¹³⁰ 26 апреля 1906 г. Николай II утвердил «Положение» об ортопедическом институте.¹³¹ Врачебный штат был определен в 7 единиц.¹³²

Всем было очевидно, что здание института построено, оно насыщается оборудованием и необходимо поставить во главе нового института известного врача ортопеда. Институт строился для К. Х. Хорна. Когда стало понятно, что он тяжело болен, врач озабочился своим вероятным преемником. Э. Р. Хорн писала императрице: «...мой муж с горестью ведал, что среди русских врачей нет ни одного специалиста, который мог бы занять должность директора института».¹³³ Тем не менее, в качестве возможной кандидатуры она предлагала либо известного немецкого хирурга-ортопеда Гохта из галле, либо многолетнего ассистента ее мужа – Федора Карловича Вебера.

Императрица Александра Федоровна включилась в решение кадрового вопроса и поручила лейб-хирургу Г. И. Гиршу «осведомиться о профессоре Турнере». Но Элеонора Хорн, опираясь на мнение своего покойного мужа, писала императрице: «Проф. Турнер и д-р Гейкин – это два лица, которые, не называя их, я подразумевала в письме к графу Ростовцеву. Их обоих покойный считал неподходящими людьми для ведения нового института».¹³⁴

На специальном заседании 17 апреля 1906 г. Государственный совет пришел к заключению, что директором института может быть только доктор медицины, ученая степень которого получена непременно в России, а не за границей. Руководителя института фактически назначила императрица Александра Федоровна, которая устами своего лечащего врача Е. С. Боткина рекомендовала приват-доцента медицинской академии доктора Р. Р. Вредена, который неоднократно лечил членов императорской фамилии. 9 июля 1906 г. Р. Р. Вреден официально был назначен директором ортопедического института в Санкт-Петербурге.

Сохранились воспоминания врача Ю. И. Лодыженского, который работал в ортопедическом институте перед началом Первой мировой войны. По его словам: «ортопедический институт считался в Петербурге наиболее богато оборудованным лечебным учреждением после «оттовского» акушерского института, отличавшегося даже излишней роскошью. Наш институт возник по инициативе молодой государыни, при содействии ее массажиста и ортопеда Хорна. Он, как и Вреден, был англичанином и, видимо, в своем деле достаточно опытным и добросовестным работником. Его и назначили первым директором института, который числился почему-то по ведомству внутренних дел и имел хорошо обеспеченный бюджет. Штат его состоял из директора, старшего ассистента, 3-х младших, которые менялись каждые 3 года, врача, заведующего гимнастическим залом и массажем, и врача, заведующего ортопедической мастерской, 6 общинских сестер (Кресто-Воздвиженской общины Красного Креста – по времени своего возникновения она была первой в России) и нужного

¹³⁰ В конце 1912 г. ортопедический институт передали в ведение Министерства народного просвещения. В письме от 31 декабря 1912 г. начальник канцелярии императрицы граф Я. Н. Ростовцов пишет: «Ее Императорское Величество изволила признать передачу ортопедического института в ведение Министерства народного просвещения весьма желательною, но при том условии, чтобы институт сохранил свой характер ортопедического научно-врачебного учреждения и чтобы содержание его было увеличено до 23 000 рублей, т. е. соответствовало бы смете, первоначально определенной при представлении проекта об его учреждении, без чего он не может правильно функционировать».

¹³¹ ПСЗРИ. 3 изд. Т. 26. № 27861. Положение об ортопедическом институте в С.-Петербурге. 26 апреля 1906 г.

¹³² Директор, старший ассистент, три младших ассистента и два консультанта. Средний медперсонал определен также в 7 единиц. Руководящий хозяйственный состав включал механика, мастера, заведующего хозяйственной частью, экономку (она же кастелянша) и делопроизводителя (он же казначей и бухгалтер). Всем перечисленным лицам, кроме старшего ассистента и консультантов, предоставлялось жилье при институте.

¹³³ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 31 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

¹³⁴ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (202а). Д. 34(9). Л. 36 О сооружении ортопедического института в С.-Петербурге. Переписка с доктором К. Х. Хорн и его супругой.

числа административного персонала, санитаров и сиделок. Те, кто жили в институте, были отлично размещены. Каждая сестра имела свою комнату и пользовалась общей столовой, в начале здесь жили 3 младших ассистента, но потом их комнаты были отведены под палаты. В нижнем этаже размещались: канцелярия, склады, мастерская и замечательно оборудованная кухня. Во втором: амбулатория, лаборатория, рентгеновский кабинет, библиотека (красиво отделанная темным деревом и очень обширная), большой «холл», где посетители надевали обязательные халаты, ординаторская, три большие отдельные палаты (бывшие ассистентские квартиры) и квартира директора. Весь 3 этаж был занят палатами – большими общими и маленькими одиночными, меньшего размера. Затем шли перевязочные, комната врачей и операционные – главная очень большая, в которой, вероятно предполагалось устроить аудиторию, но это не осуществилось. На 4 этаже помещались сестры и другой низший персонал. Всюду царил образцовый порядок, все было выкрашено белой краской и уложено белыми торцами. Этажи были соединены широкими лестницами и лифтом.

Лестницы соединяли коридоры главного здания с боковым корпусом, в котором помещался гимнастический зал, а над ним очень хорошая, уютная церковь, куда стекались по воскресеньям ходячие больные, а лежащие слушали издали церковную службу через широко раскрытые двери. В обширном институтском здании имелось три подъезда: амбулаторный, он же хозяйственный; врачебный и для посетителей; директорский.

В довольно большом саду было несколько хозяйственных небольших построек, а также особое помещение для «опытных» собак и кроликов и экспериментальная операционная и лаборатория.

Старшим ассистентом состоял русский грек Виктор Викентьевич Дуранте. На нем, в сущности, и держался весь порядок в институте, и им же определялись хорошие отношения, царившие среди персонала... Все серьезные операции делал Вреден, а Дуранте лишь ассистировал. Работал там и Владимир Александрович Бетехтин... Под его непосредственным наблюдением изготовлялись аппараты для наследника, и Бетехтин сам их примеривал, сопровождая Вредена во дворец.

Ортопедический институт в Петербурге был в то время почти единственным и, во всяком случае, наилучшим оборудованным специальным лечебным учреждением, поэтому к нам стекались по всей России. В институте числилось 70 мест, но при желании число кроватей могло быть удвоено (это было во время войны). Большинство больных лежало бесплатно, также бесплатно производились все операции... всегда было много больных детей».

Еще одной проверенной методикой сбора довольно крупных сумм, направляемых на благотворительные цели, являлись традиционные благотворительные базары. Довольно часто благотворительные базары проводились для сбора денег под конкретные проекты. Например, в 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. императрица Александра Федоровна организовала в Ялте четыре больших базара в пользу туберкулезных больных, они принесли «массу денег».¹³⁵ Кроме этого, в Ялте императорская семья приняла участие в проведении праздника «Белого цветка» и только в апреле 1911 г. сумели собрать 1 500 000 рублей. Непосредственно в сборах средств принимали участие цесаревич и все великие княжны.

На собранные средства в 1912 г. Морское министерство приступило к строительству в Массандре, близ Ялты, санатория имени императрицы Александры Федоровны для лечения моряков, больных туберкулезом. 29 мая 1913 г. состоялась закладка первого строения – корпуса для лечения офицеров. На освящении 2 апреля 1914 г. присутствовали члены императорской семьи.

¹³⁵ Танеева А. А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. Авт. – сост. Ю. Ю. Рассулин. СПб, 2005. С. 43.

На все эти проекты требовались огромные деньги. Поэтому для того чтобы их получить, нелюдимая императрица Александра Федоровна соглашалась принимать людей, способных пожертвовать «серьезные деньги» на ее благотворительные проекты. Например, для того чтобы получить дополнительные средства для строительства упомянутого санатория Морского министерства в Массандре, императрица согласилась принять семейство предпринимателя Полякова, поскольку тот гарантировал крупный вклад на строительство санатория, столь необходимого российскому флоту.

После начала Первой мировой войны расходы императрицы Александры Федоровны на различные благотворительные проекты значительно возросли. На средства великих княжон содержались лазареты в Царском селе. Сама императрица Александра Федоровна курировала открытый в Зимнем дворце крупный лазарет «для нижних чинов» на 1000 мест. На содержание лазарета в Зимнем дворце шли очень значительные суммы, поступавшие со всей страны в распоряжение императрицы Александры Федоровны. Об объемах этих сумм говорит то, что только в 1914 г. На счета склада императрицы в Зимнем дворце поступило 2 509 131 руб. 91 коп. Из пожертвований упомянем о 800 000 руб., поднесенных Николаю II разными лицами в начале войны. Кроме этого, прямо на счет склада императрицы эмир Бухарский перевел 100 000 руб. из более чем двух с половиной миллионов рублей к декабрю 1914 г. израсходовали 1 810 814 руб. 06 коп.¹³⁶

Рост расходов отражен в бюджете императрицы. В ее приходно-расходной книге приведены следующие цифры:

	1914 г. (руб.)	%	1915 г. (руб.)	%	1916 г. (руб.)	%
Дебет	266506	100	227612	100	231959	100
Пожертвования	44256	16,6	23098	10,14	12047	5,19
Расходы по лазарету	1746	0,65	23098	10,14	3191	1,37

Также императором Николаем II было пожертвовано из личных средств 100.000 руб. В распоряжение Международного комитета Красного Креста в Женеве с целью оказания помощи русским военнопленным, находящимся в концентрационных лагерях воюющих с Россией держав.¹³⁷

Следует подчеркнуть, что эти конкретные примеры далеко не исчерпывают всего спектра благотворительных дел и пожертвований, осуществляемых Романовыми по зову души и сердца. Жертвуемые, подчас, скромные суммы не могут рассматриваться как «скупость» или «жадность» августейших особ. Важен был не размер суммы, а сам факт участия монархов и их родственников в богоугодном деле. С одной стороны, это служило укреплению патриархально-патерналистских представлений о самодержавной власти, а с другой, должно было вдохновлять на пожертвования подданных, полагавших, что они делают одно общее дело с первыми лицами страны. Таким образом, традиции благотворительности в семье Романовых

¹³⁶ Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915. С. 12.

¹³⁷ О пожертвованиях // Вестник Красного Креста 1915. № 5. С. 2143.

вых, восходившие ко временам московского царства, сохранялись в тех или иных формах вплоть до 1917 г.

Благотворительные ведомства и комитеты под покровительством Дома Романовых

Самым крупным проектом, находившимся под партонажем Дома Романовых, являлось ведомство учреждений императрицы Марии, получившим такое официальное именование по имени создательницы – супруги Павла I Марии Федоровны. Через шесть дней после кончины императрицы Екатерины II наследовавший ей Павел I своим указом 12 ноября 1796 г. отдал воспитательное общество благородных девиц под управление Марии Федоровны. Статус ее, как покровительницы Смольного института, окончательно был оформлен указом императора от 2 мая 1797 г. Именно эту дату принято было считать началом истории Ведомства учреждений императрицы Марии. В указе Николая II по случаю празднования столетия ведомства 2 мая 1897 г., говорится: «с этого достопамятного дня в России возникло, под непосредственным покровительством их величеств, новое учебно-благотворительное ведомство...»¹³⁸.

Объединив под своим управлением екатерининские благотворительные учреждения призрения и создав ряд новых, Мария Федоровна управляла ими лично, без посредства бюрократического аппарата. Кончина императрицы в 1828 г. Потребовала реорганизации управления этими учреждениями. Для того чтобы они продолжали «действовать как доселе на пользу государства и человечества», император Николай I указом от 26 октября 1828 г. принял их под свое «непосредственное и особое покровительство»¹³⁹. Упоминание государства в указе было неслучайным. Деятельности этих учреждений власть придавала важное значение. Двумя днями позже 28 октября 1828 г. вышел указ, которым многолетний помощник Марии Федоровны Г. И. Вилламов назначался статс-секретарем для докладов императору по делам учреждений покойной императрицы, которые преобразовывались в IV отделение собственной его императорского величества канцелярии. Одновременно, в память о покровительнице они получили название «Учреждения императрицы Марии». С октября 1854 г. В официальной документации появляется наименование «Ведомство учреждений императрицы Марии»¹⁴⁰. Продолжает использоваться и прежнее название.

Собственная его императорского величества канцелярия, в состав которой вошли учреждения императрицы Марии, подчинялась непосредственно монарху. Ее прообразом была личная канцелярия императоров и императриц, возникшая в XVIII столетии. В 1812 г. в условиях военного времени канцелярии были поручены такие вопросы, как переписка императора с командующими, размещение военнопленных, комплектование и квартирование войск и так далее¹⁴¹. Канцелярия также принимала прошения на высочайшее имя. С 1818 по 1823 г. канцелярией руководил А. А. Аракчеев, при котором значение этого учреждения возросло – рассматривались вопросы государственного управления, готовились доклады императору, «представления» министерств и «мнения» Государственного совета. Окончательно собственная его императорского величества канцелярия сформировалась как высший орган управления в царствование Николая I. Расширение ее компетенции отвечало желанию императора лично входить в важнейшие государственные дела. Кроме того, сложные социально-экономические и внутривластные задачи, стоявшие перед государством и

¹³⁸ Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование Государя Императора Николая второго. Кн. 2. С 10 ноября 1894 по 31 декабря 1897. СПб, 1908. Т. 5. С. 610.

¹³⁹ ПСЗ – II. Т. 3. № 2379.

¹⁴⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т. I. Высшие государственные учреждения. СПб, 1998. Т. 1. С. 166.

¹⁴¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 149.

императорской властью, развитие бюрократического аппарата в первой четверти XIX в. требовали создания органа, который позволял бы монарху держать под личным контролем главные отрасли управления страной.

В соответствии с этим в собственной канцелярии были созданы отделения. Первое и второе отделения организовали 31 января 1826 г. Первое наблюдало за службой чиновничества, второе занималось кодификацией законов. Третье отделение, выполнявшее функции политической полиции, было образовано 3 июля 1826 г. Упомянутое выше четвертое отделение было создано 28 октября 1828 г. Таким образом, благотворительность и призрение вошли в число важнейших приоритетов самодержавной власти.

Роль и место собственной его императорского величества канцелярии в системе управленческих органов российской империи рассматриваются историками по-разному. Существует точка зрения, согласно которой, ее можно лишь условно причислять к высшим государственным учреждениям, поскольку «она подчинялась только императору и действовала по его поручению и от его имени»¹⁴². Сторонники иной точки зрения характеризуют собственную канцелярию как высшее государственное учреждение¹⁴³. В Полном собрании законов и в своде законов отсутствует положение о собственной канцелярии. В 1818 г. было составлено «образование собственной его императорского величества канцелярии», определяющее ее компетенцию как учреждения «для производства дел, стекающихся к непосредственному самому государю императору усмотрению и разрешению»¹⁴⁴.

С учетом того, что император был главой государства, и функции монарха закреплялись законом, собственную его императорского величества канцелярию можно характеризовать как одно из высших государственных учреждений российской империи. Учреждения императрицы Марии Федоровны, преобразованные в IV отделение собственной канцелярии, формально стали государственными. При этом к управлению благотворительными обществами и заведениями на местах допускалась общественность.

¹⁴² Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX вв. СПб, 1999. С. 78.

¹⁴³ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 149.

¹⁴⁴ Высшие и центральные государственные учреждения дореволюционной России. 1801–1917 гг. Т. 1. С. 147.

Здание Опекунского совета в Санкт-Петербурге на Казанской ул., 7. 1913 г. Фото ателье К. Буллы

Внутренняя структура Ведомства учреждений императрицы Марии была довольно сложной и неоднократно менялась. Непосредственные управленческие функции осуществлял статс-секретарь, подчинявшийся императору и его супруге. Кроме того, управление осуществляли опекунские советы, созданные Екатериной II при воспитательных домах. В 1797 г. Санкт-Петербургский и Московский опекунские советы вместе с воспитательными домами перешли под управление Марии Федоровны. Постепенно эти советы начали управлять не только воспитательными домами, но и другими благотворительными учреждениями.

Здание Опекунского совета. Москва. Литография середины XIX в.

В 1828 г. они вошли в состав IV отделения собственной его императорского величества канцелярии и рассматривали практически все вопросы, связанные с деятельностью Ведомства императрицы Марии: утверждали положения, уставы и штаты отдельных заведений, обществ и структурных подразделений, инструкции должностным лицам, учебные планы и программы, счета и сметы. Опекунские советы состояли из председателей и неограниченного числа почетных опекунов. В 1873 г. был образован один опекунский совет, состоявший из Санкт-Петербургского и московского присутствий. В число почетных опекунов входили только представители аристократии и высшие государственные сановники, имевшие чины первых трех классов. Например, по «списку почетных опекунов опекунского совета учреждений императрицы Марии», составленному по состоянию на 15 ноября 1896 г., из 49 почетных опекунов 13 имели различные генеральские чины второго и третьего классов, 8 – придворные чины этих же классов и 27 почетных опекунов – чины тайного советника и действительного тайного советника, то есть третьего и второго классов соответственно¹⁴⁵. Товарищ (помощник. – *Прим. авт.*) главноуправляющего ведомством императрицы Марии П. М. фон-Кауфман имел чин действительного статского советника, то есть четвертого класса, но одновременно состоял «в должности гофмейстера», которая относилась к третьему классу. Некоторые почетные опекуны управляли отдельными заведениями. Например, председатель опекунского совета, главноуправляющий ведомством императрицы Марии, граф Н. А. Протасов-Бахметев управлял учебной частью Смольного института, Александровского института и являлся попечителем Александровского лицея. Порядок взаимоотношений почетных опекунов и руководителя Ведомства императрицы Марии не был четко установлен законодательством. Но «мнения» опекунских советов поступали на высочайшее утверждение через руководителя ведомства. По Положению о собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, принятому в 1873 г., ее глава занимал должность председателя опекунского совета.

¹⁴⁵ Список почетных опекунов опекунского совета учреждений императрицы Марии (составлен в порядке старшинства чинов по 15 ноября 1896 г.). СПб, 1896. С. 2–14.

Почетные опекуны исполняли свои обязанности на «общественных началах». В большинстве случаев они не принимали реального участия в управлении вверенными им заведениями. Служба в армии, государственных учреждениях и при дворе не оставляла им на это времени. В лучшем случае почетные опекуны ограничивались рассмотрением проектов различных законоположений. Реальные управленческие функции выполняли чиновники центрального аппарата, к которым фактически относились и статс-секретари по делам учреждений императрицы Марии (с 1860 г. – главноуправляющие ведомством императрицы Марии). Управленческие функции на местах осуществляли служащие благотворительных обществ и заведений. Во второй половине XIX столетия опекунский совет окончательно превратился в архаизм. Его существование было лишь данью традиции. Ликвидирован он был вскоре после свержения монархии в России.

Опекунский совет всегда считался государственным органом. Принятый в 1873 г. устав опекунского совета учреждений императрицы Марии гласил: «опекунский совет есть высшее государственное учреждение...»¹⁴⁶. Тем самым подчеркивался государственный характер самого Ведомства учреждений императрицы Марии.

Ведомство состояло из нескольких структурных подразделений. Заведения Санкт-Петербургского приказа общественного призрения, переданные в 1828 г. в подчинение Марии Федоровне, вошли в IV отделение собственной канцелярии как особый Попечительный совет заведений общественного призрения. Действовавший в 1829–1885 гг., он управлял рядом богаделенных и медицинских учреждений в Петербурге.

Расширение категорий призреваемых вело к созданию новых подразделений. В 1838 г. Создан комитет главного попечительства детских приютов. В 1869 г. его ликвидировали, и управление детскими приютами Ведомства императрицы Марии перешло к созданной вместо него канцелярии по управлению детскими приютами при главноуправляющем. К концу XIX столетия приютское ведомство значительно расширило свою деятельность. В 1896 г. комитет главного попечительства детских приютов был воссоздан.

В 1845 г. для управления женскими учебно-воспитательными учреждениями был образован главный совет женских учебных заведений. Созданный первоначально «в виде опыта» на срок в два года он просуществовал до 1873 г. Все это время его возглавлял принц П. Г. Ольденбургский. Долше действовал Учебный комитет, образованный в 1844 г. и занимавшийся всеми вопросами, связанными с постановкой учебно-воспитательного процесса в учреждениях призрения детей и юношества. К их числу относились разработка планов, программ и таблиц, рассмотрение и утверждение учебников и пособий и так прочее.

Учебный комитет фактически прекратил свою деятельность в конце 1917 г., когда заведения бывшего Ведомства императрицы Марии как единая организационная структура были ликвидированы. Само ведомство было изъято из общего порядка государственного управления. Поэтому за финансовой деятельностью его учреждений наблюдала собственная контрольная экспедиция. Первоначально она имела два отделения – Санкт-Петербургское и московское. В 1861 г. Московское отделение упразднено, а Санкт-Петербургское преобразовано в контрольную экспедицию при IV отделении собственной его императорского величества канцелярии. Ссудные и сохранные казны при Петербургском и московском воспитательных домах в 1860 г. передали в Министерство финансов. В 1888 г. контрольную экспедицию преобразовали в контроль Ведомства учреждений императрицы Марии. В июле 1917 г. временное правительство передало его в государственный контроль.

С образованием IV отделения не все учреждения Марии Федоровны вошли в его состав. По ее завещанию Павловский и Мариинский институты, а так же родильные госпитали в Петербурге и Москве были переданы под покровительство великой княгини Елены

¹⁴⁶ Устав опекунского совета учреждений императрицы Марии. СПб, 1905. С. 3.

Павловны. В соответствии с завещанием их также решено было «почитать государственными учреждениями»¹⁴⁷. Елена Павловна управляла ими до своей кончины в 1873 г. Затем они были преобразованы в отдельное ведомство учреждений великой княгини Елены Павловны и поступили в ведение ее дочери, великой княгини Екатерины Михайловны. В 1894 г., после ее кончины, эти заведения вошли в состав Ведомства императрицы Марии. Еще несколько заведений по завещанию Марии Федоровны перешли под покровительство супруги Николая I Александры Федоровны. Управлял ими статс-секретарь М. Н. Лонгинов. В 1854 г. он умер, и заведения Александры Федоровны вошли в состав IV отделения собственной канцелярии.

Помимо учреждений императрицы Марии, при Николае I государственный статус приобрело Санкт-Петербургское женское патриотическое общество – благотворительная организация, созданная в 1812 г. для помощи пострадавшим во время нашествия наполеона на Россию. Общество состояло под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны, а после ее кончины было передано Николаем под покровительство его супруги – Александры Федоровны. В 1833 г. Патриотическое общество получило новый устав, в соответствии с которым фактически приняло характер государственного учреждения. В параграфе втором первой части Устава «общие правила», говорится, что учрежденные Патриотическим обществом «...частные школы для бедных детей женского пола составляют... благотворительную цель...»¹⁴⁸. Однако в параграфе сорок четвертом части шестой Устава «о канцелярии» указано, что сотрудники канцелярии «считаются в действительной службе». Кроме того, Патриотическое общество в соответствии с параграфом сорок пятым той же части Устава имело печать с государственным гербом¹⁴⁹. В 1844 г. школы общества «вошли в общегосударственную сеть женских учебных заведений»¹⁵⁰. В 1854 г., оставшийся самостоятельным Патриотический институт и Патриотическое общество, как и другие учреждения под покровительством императрицы Александры Федоровны, были включены в состав Ведомства учреждений императрицы Марии.

Ведомство учреждений императрицы Марии находилось «под непосредственным их императорских величеств покровительством». Руководителями его считались император и его супруга, однако непосредственное управление осуществлялось высшими чиновниками. С 1828 по 1860 г. ведомство возглавляли статс-секретари по делам учреждений императрицы Марии – главноуправляющие IV отделением собственной его императорского величества канцелярии. С 1860 по 1917 г. ведомством императрицы Марии руководили главноуправляющие. В 1860–1880 гг. эти функции выполнял принц П. Г. Ольденбургский. В 1880 г. В связи с реорганизацией канцелярии ее IV отделение было преобразовано в самостоятельную собственную его императорского величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии. Во второй половине XIX столетия в их число были включены два новых благотворительных ведомства для оказания специализированной помощи слепым и глухонемым – Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых.

История возникновения Попечительства о слепых связана с организацией помощи инвалидам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эта помощь осуществлялась главным попечительством для призрения нуждающихся семейств воинов. Его руководитель, К. К. Грот, пришел к мысли о необходимости создания специализированной структуры для призрения как слепых инвалидов войны, так и вообще людей, лишенных зрения. В 1881 г.

¹⁴⁷ ПСЗ – I. Т. 3. № 2491.

¹⁴⁸ ПСЗ – II. Т. 8. Ч. I. № 6206.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Шумигорский Е. С. Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). СПб, 1912. С. 70.

создано Мариинское попечительство о слепых, названное в честь императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. Действовало оно на благотворительной основе и некоторое время находилось в ведении Министерства внутренних дел. Высочайшим указом 10 марта 1883 г. Оно было причислено к Ведомству учреждений императрицы Марии и получило окончательное наименование Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Статус новой благотворительной структуры устанавливался «основными началами для деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых» и определялся весьма своеобразно. В документе указывалось, что Попечительство, «будучи учреждением частным, пользуется покровительством Правительства и состоит со всеми устроенными им заведениями в ведомстве учреждений императрицы Марии»¹⁵¹. Упоминание о «частном» характере Попечительства не означало его принадлежности какому-либо лицу. Имелось в виду, что Попечительство – самостоятельное ведомство, не зависящее от государства и других благотворительных обществ. Возглавлял его председатель. Он руководил общим собранием и советом – центральными управленческими органами. Общее собрание, созывавшееся периодически, рассматривало все вопросы, связанные с деятельностью Попечительства. Текущей деятельностью руководил совет. Его председатель, он же председатель Попечительства о слепых, руководил работой общих собраний. Взаимоотношения председателя и главноуправляющего ведомством императрицы Марии законодательством не оговаривались. Главноуправляющий осуществлял «высший надзор» над всеми учреждениями императрицы Марии. Исходя из этого, председатель Попечительства о слепых должен был подчиняться главноуправляющему. В то же время председатель имел право докладывать о делах Попечительства лично императору и его супруге. Порядок представления этих дел на «высочайшее благоволение» тоже не оговаривался, но председатель Попечительства имел звание статс-секретаря, дававшее право личного доклада императору.

В 1898 г. в ведомстве императрицы Марии была создана специализированная благотворительная организация – Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых, состоявшее под ее покровительством. Фактически Мария Федоровна являлась покровительницей трех благотворительных ведомств – Ведомства учреждений императрицы Марии, Российского общества Красного Креста и вновь созданного, которое полностью именовалось как «состоящее под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых». Деятельность этого ведомства определялась специальным Положением. Характер Попечительства этим документом не определялся. Указывалось только, что оно «состоит в ведомстве учреждений императрицы Марии»¹⁵². Его центральными управленческими органами являлись комитет и совет. Комитет осуществлял «высший надзор» за всеми учреждениями призрения глухонемых и рассматривал наиболее важные вопросы, связанные с деятельностью Попечительства. Совет занимался текущими учебно-воспитательными, медицинскими и административно-хозяйственными делами. Непосредственное управление находилось в руках председателя комитета. Он являлся одновременно председателем совета. Порядок взаимоотношений председателя комитета Попечительства о глухонемых с главноуправляющим ведомством учреждений императрицы Марии не оговаривался. Попечительства о слепых и глухонемых просуществовали до 1917 г.

Финансирование всех структурных подразделений, обществ и учреждений Ведомства императрицы Марии имело «внебюджетный» характер. Оно осуществлялось за счет средств

¹⁵¹ Основные начала для деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и правила деятельности Киевского отделения Попечительства. Киев, 1904. С. 3.

¹⁵² Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительстве государыни императрицы Марии Федоровны и глухонемых. Саратов, 1909. С. 1.

опекунского совета, неприкосновенных капиталов учреждений призрения и благотворительных пожертвований. Неприкосновенные, или основные, капиталы вкладывались в ценные бумаги. Проценты с этих капиталов шли на обеспечение текущей деятельности учреждений. Во многих случаях основные капиталы формировались на основе крупных пожертвований членов императорской фамилии. Благотворительные средства поступали в виде sporadических и регулярных взносов. Последние уплачивались лицами, имевшими различные благотворительные звания и считавшимися служащими в ведомстве императрицы Марии. Поступление средств из казны, несмотря на особый статус учреждений императрицы Марии, было несчастным явлением. Как правило, казенные средства использовались для покрытия расходов на ремонтно-строительные работы. Средства, поступающие от имени членов императорской фамилии, считались частными пожертвованиями.

Особенностью порядка привлечения благотворителей ведомством учреждений императрицы Марии было то, что за пожертвования определенных сумм и другие услуги они получали права государственных служащих, чины и мундиры, могли рассчитывать на правительственные награды.

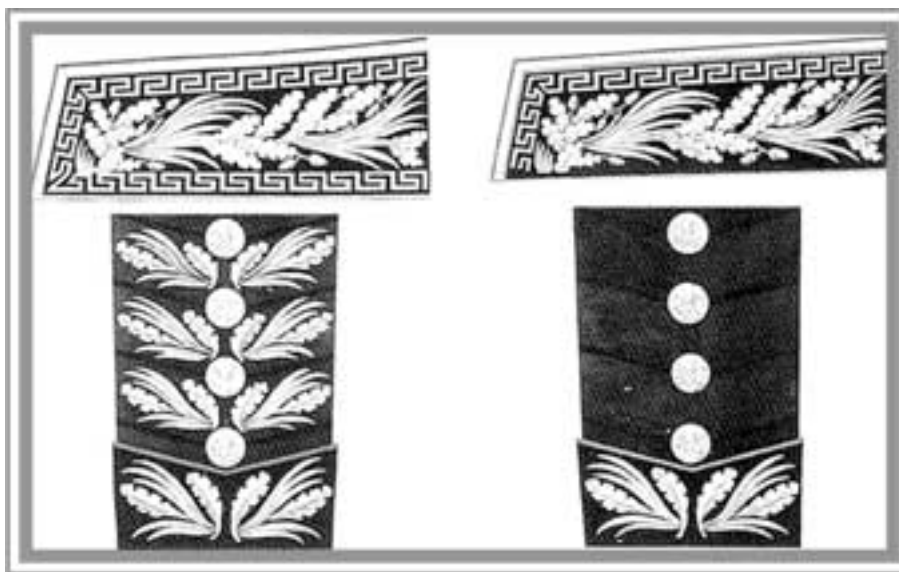
Практика награждения орденами, медалями и чинами за общественную, в том числе благотворительную, деятельность была распространена в России достаточно широко. Но только в ведомстве учреждений императрицы Марии и Императорском Человеколюбивом обществе она была упорядочена и представляла собой определенную систему. По данным на 1905 г., в ведомстве императрицы Марии чины и мундиры за благотворительные пожертвования и услуги предоставлялись от государства детскими приютами, Патриотическим обществом, Елисаветинским и Киевским благотворительными обществами и еще 21 отдельным заведением¹⁵³.

¹⁵³ Расписание классных должностей по Ведомству учреждений императрицы Марии. Ч. 3 // Общее расписание классных должностей в Империи: в 4 т. СПб, 1905. Т. 3. С. 2–105.

Рисунок мундиров почетных опекунов и других высших служащих Ведомства учреждений императрицы Марии. 1834 г. РГИА

Чины и мундиры имели не только благотворители, но и собственно чиновники. При этом жалование и содержание (зарплату в современном понимании) они получали не во всех случаях. Во многих учреждениях императрицы Марии управляющие, бухгалтеры, архитекторы, врачи и прочие служащие трудились только из-за престижа государственной службы, чина и ведомственного мундира. Свое существование они обеспечивали заработками в других местах. Функции чиновников и благотворителей, имевших чины, различались. Последние, финансируя подведомственные благотворительные заведения, участвовали в управлении или управляли ими, определяя стратегию развития. Чиновники центрального аппарата выполняли распоряжения главноуправляющего, помогали ему координировать деятельность сложного комплекса благотворительных обществ и учреждений призрения, готовили документацию и тому подобное. Чиновники, служившие в заведениях, выполняли административные, технические, финансово-хозяйственные функции, если этим не занимались благотворители. К чиновникам относился и учебно-воспитательный персонал Ведомства императрицы Марии. Речь, разумеется, идет о мужчинах. Женщины классных чинов и мундиров не имели.

Шитье на воротничках и рукавах мундиров высших служащих (слева) и служащих IV–VIII классов Ведомства учреждений императрицы Марии. 1834 г. РГИА

Ведомство учреждений императрицы Марии имело признаки, как государственного учреждения, так и общественной организации. Принадлежность к собственной его императорского величества канцелярии, право предоставлять чины, мундиры и награды, государственный статус служащих и благотворителей, строго централизованное управление, подчинение верховной власти монарха – все это признаки государственного учреждения. Порядок финансирования учреждений призрения, участие благотворителей и других представителей общественности в управлении благотворительными организациями на местах – дает основание считать ведомство также и общественной организацией. То есть это было специфическое, исключительное в своем роде государственное учреждение, действовавшее как благотворительная общественная организация.

Вторым по времени создания благотворительным ведомством под покровительством дома Романовых было Императорское Человеколюбивое общество. Началом его деятельности принято считать образование 16 мая 1802 г. Указом Александра I Благодетельного общества в Петербурге, работа которого рассматривалась как «государственное благодеяние»¹⁵⁴. Спустя два дня в Петербурге был создан медико-филантропический комитет для оказания врачебной помощи неимущим. На базе Благодетельного общества 11 ноября 1805 г. Учреждается Санкт-Петербургский Попечительный о бедных комитет, задачей которого было оказание денежной помощи нуждающимся. Для координации и расширения деятельности этих учреждений 16 июля 1816 г. Создается Императорское Человеколюбивое общество, принятое под непосредственное покровительство монарха. Спустя некоторое время в его состав вошел ряд других благотворительных обществ. Оно само начало создавать благотворительные учреждения призрения. К концу первой четверти XIX в. деятельность Императорского Человеколюбивого общества приняла общероссийский масштаб.

Управление Императорским Человеколюбивым обществом было сходным с управлением ведомством императрицы Марии. Высшим руководителем считался император. Как единый исполнительный руководящий орган с 1816 г. действовал Совет Человеколюбивого общества. Поначалу он состоял из одиннадцати членов, избравшихся собранием совета и утверждавшихся императором. Со временем их число увеличилось. В начале XX столетия

¹⁵⁴ ПСЗ – I. Т. 27. № 20266.

в совет входили более семидесяти действительных и почетных членов¹⁵⁵. Как и почетные опекуны, члены совета являлись высшими государственными чиновниками, генералами или придворными. Все они выполняли свои обязанности «на общественных началах». Возглавлял совет главный попечитель. Первым был князь С. М. Голицын, занимавший эту должность до 1824 г. После него и до конца существования Императорского Человеколюбивого общества пост главного попечителя занимали высшие представители православного духовенства – митрополиты Санкт-Петербургские. Дела Человеколюбивого общества представлял императору вначале главный попечитель, затем особый статс-секретарь, а с 1902 г. – помощник главного попечителя.

Член Совета Императорского Человеколюбивого общества князь А. Н. Голицын, министр народного просвещения в 1816–1824 гг. Гравюра XIX в.

Все вопросы, связанные с деятельностью Человеколюбивого общества, подлежали обсуждению в совете, но их подготовка и последующее выполнение обеспечивались чиновниками центрального аппарата. Члены совета, имевшие чины первых трех классов, были заняты на службе по основному месту работы и не имели времени глубоко вникать в дела

¹⁵⁵ Календарь Императорского Человеколюбивого общества. 1902. Год столетнего юбилея. СПб, 1902. С. 55–59.

Человеколюбивого общества. Главные попечители тоже не могли уделять ему много времени, так как были заняты церковным служением и деятельностью в ведомстве православного исповедания. Поэтому ключевая роль в управлении Человеколюбивым обществом фактически принадлежала помощнику главного попечителя. Как и ведомство императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество управлялось строго централизованно. В руководстве благотворительными обществами и учреждениями на местах участвовали представители общественности, главным образом, благотворители.

Член Совета Императорского Человеколюбивого общества митрополит Московский и Коломенский Филарет (В. М. Дроздов), в 1812–1819 гг. – архимандрит, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. Литография XIX в.

Дореволюционное российское законодательство не упоминает Императорское Человеколюбивое общество в числе государственных учреждений. Однако некоторые благотворители и чиновники имели права государственных служащих, чины и мундиры. В 1816 г. их получила небольшая часть служащих центрального аппарата и некоторых заведений. В 1858 г. статус чиновников получили те лица, которые выполняли одинаковые обязанности со служащими, уже имевшими чины. В начале XX столетия права государственных служащих имели практически все лица, работавшие в центральном аппарате и местных учреждениях на административно-хозяйственных и педагогических должностях. Чины и мундиры за бла-

гтоворительную деятельность в Человеколюбивом обществе предоставляли медико-филантропический комитет в Санкт-Петербурге, Попечительные о бедных комитеты в столицах и губерниях, женское благотворительное общество в калуге, одесское благотворительное общество и Струдовская община сердобольных сестер, а также еще 38 отдельных учреждений¹⁵⁶. Функции чиновников и благотворителей различались так же, как и в ведомстве императрицы Марии.

По способу финансирования Императорское Человеколюбивое общество являлось общественной организацией, привлекавшей благотворительные пожертвования. К ним относились и средства, поступавшие от лица монарха из кабинета его императорского величества. Пособия из казны выделялись учреждениям общества довольно редко. Они шли на покрытие непредвиденных расходов, на ремонтно-строительные нужды или на поддержание только что открытых учреждений.

Поскольку по формальным признакам Императорское Человеколюбивое общество не относилось к государственным учреждениям, его можно охарактеризовать как привилегированную общественную благотворительную организацию. Важнейшей привилегией являлось право предоставлять от государства чины, мундиры и прочие награды за благотворительную деятельность.

Это были мощные стимулы и значение их велико. Государственная служба и чины имели особый престиж. Все подданные российской короны были разделены на сословия. Принадлежность к ним давала определенные социальные привилегии, имевшие как личный, так и наследственный характер. Наибольший объем привилегий обеспечивал дворянский титул. Одним из способов его обретения было получение соответствующего классного чина. Получить такой чин не служившему лицу позволяло крупное благотворительное пожертвование какому-либо заведению, входившему в состав Ведомства императрицы Марии или Императорского Человеколюбивого общества.

Надо отметить, что государство постоянно ужесточало условия получения дворянского титула для выходцев из других сословий. Еще в начале XIX столетия личное, то есть не распространявшееся на членов семьи, дворянство давалось обладателям самого низшего гражданского чина – XIV класса. В гражданской службе потомственное дворянство давал чин VIII класса. Со временем доступ в дворянское сословие был затруднен. Царским манифестом 10 апреля 1832 г. образована новая сословная группа «городских обывателей» – почетные граждане. Потомственное почетное гражданство присваивалось детям лиц, имевших личное дворянство, духовных лиц со средним или высшим образованием, коммерц- и мануфактур-советникам, купцам первой и второй гильдии, имевшим чин или орден, ученым и художникам, имевшим степень. Личное почетное гражданство присваивалось детям духовных лиц без образования, выпускникам университетов и других высших учебных заведений. Законом от 11 июля 1845 г. обладатели гражданских чинов XIV–X классов были отнесены к почетным гражданам. Право на личное дворянство давал с этого времени чин IX класса. Потомственное дворянство предоставлялось обладателям чина V класса. Законом от 9 декабря 1856 г. потомственное дворянство предоставлялось обладателям чина IV класса в гражданской службе при условии, что этот чин присваивался не при выходе в отставку.

Как правило, благотворительными обществами и заведениями, входившими в два вышеназванные ведомства, предоставлялись чины XIV–X и VIII–VI классов. Самым высоким был чин V класса – статский советник. Следовательно, после 1856 г. благотворители могли рассчитывать на почетное гражданство, либо, в лучшем случае, на личное дворянство.

¹⁵⁶ Расписание классных должностей по ведомству Императорского Человеколюбивого общества. Ч. 4 // Общее расписание классных должностей в империи. Т. 3. С. 1–94.

Стремление повысить сословный и социальный статус было существенным стимулом к пожертвованиям. Почетное гражданство давало ряд преимуществ, особенно до 1860–1880-х гг. Лица, получившие его, освобождались от телесных наказаний, рекрутской повинности и подушной подати. Чин мог иметь значение и для потомственного дворянина. Дворяне не всегда желали посвящать себя военной или гражданской службе, дававшей чин. Однако он был необходим для службы по дворянским выборам или требовался просто для престижа, чтобы указывать его рядом с фамилией.

Названные ведомства вовсе не стремились к широкой раздаче чинов. Они предоставлялись, когда не хватало средств на обеспечение текущей деятельности благотворительных заведений, и не было иной возможности пополнить их капиталы.

Табель о рангах и чины являлись одной из опор государственного строя российской империи. Чин по представлениям власти следовало выслужить. Получение его вне гражданской, военной или придворной службы рассматривалось как исключение. Самодержавие, заинтересованное в поступлении благотворительных средств в подведомственные учреждения призрения, вместе с тем, стояло на страже интересов чиновничьего корпуса и дворянского сословия.

В ряде случаев стремлению благотворителей получить чин препятствовало законодательство. Получение чина даже за благотворительные пожертвования или безвозмездную службу в учреждениях призрения обуславливалось происхождением и образованием. Согласно Уставу о службе по определению от правительства, содержащемуся в своде законов, изданном в 1857 г., вступать в гражданскую службу могли дворяне потомственные и личные, дети личных дворян, коммерц- и мануфактур-советников, купцов первой и второй гильдий, «дети военных офицеров и вообще чиновников, получивших на службе личное по чинам почетное гражданство, исключая рожденных в то время, когда отцы их находились в нижних воинских званиях»¹⁵⁷. Кроме того, правом на вступление в гражданскую службу обладали дети священников русской православной и армяно-григорианской церкви и пасторов протестантской церкви. Могли приниматься на государственную службу дети канцелярских служителей и мастеровых, работавших в учреждениях кабинета и департамента уделов, малолетние певчие, уволенные из Придворной капеллы в связи с потерей голоса и дети однодворцев Бессарабской губернии¹⁵⁸. Прочим лицам доступ к гражданской службе был закрыт. Параграф четвертый Устава о службе по определению от правительства гласил: «...запрещается принимать в гражданскую службу кого-либо из прочих состояний и званий, хотя по постановлениям прежнего времени некоторые лица и к тому допускались»¹⁵⁹.

Существовало еще одно препятствие для получения чинов за благотворительность. По законодательству получение чина выше XIV класса обуславливалось выслугой предыдущих чинов. В исключительных случаях чин высокого класса, минуя табель о рангах, предоставлялся по решению императора. Ограничения на получение чина, обусловленные происхождением и требованием выслуги предыдущих чинов, препятствовали привлечению благотворителей, поэтому высочайше утвержденным положением опекунского совета от 20 ноября 1893 г. Законодательство было откорректировано. По всем учреждениям императрицы Марии разрешалось определять в чины до VI класса включительно благотворителей, «не имеющих соответствующих чинов, а равно не имеющих чинов вообще», если они по своему происхождению и образованию могли поступать на государственную службу. Это

¹⁵⁷ Св. зак. / изд. 1857. Т. 3. Ст. 3–5.

¹⁵⁸ Там же. Ст. 3.

¹⁵⁹ Там же. Ст. 4.

правило распространялось также на лиц, занимавших «вышеупомянутые должности со дня вступления в оные»¹⁶⁰.

В тех случаях, когда происхождение и образование не позволяли обладать чином даже с учетом упомянутого выше исключения, своеобразной формой поощрения благотворителей был ведомственный мундир. Лица, не имевшие чинов, могли занимать классные должности по ведомству императрицы Марии «зауряд», то есть без права на чин, но с правом ношения соответствующего мундира. Ведомство имело свой особый мундир. Он представлял собой обычную чиновничью «тройку» – сюртук с бархатным воротником, жилет и брюки черного цвета. Главноуправляющий и его товарищ имели так называемые плечевые продольные знаки, то есть гражданские погоны из «золотого» жгута на черном бархате с бирюзовой «выпушкой», то есть кантом. Прочие чины Ведомства императрицы Марии имели поперечные наплечные погоны также из черного бархата с бирюзовым кантом. На них крепилась «золотая тканая рогожка» с серебряными звездочками. Количество и рисунок звездочек зависели от чина. Главноуправляющий, его товарищ и чиновники собственной канцелярии имели бирюзовый кант на обшлагах сюртуков. Утвержденное 8 августа 1896 г. «Положение о форменной одежде для чинов Ведомства учреждений императрицы Марии» подтверждало право лиц, не имевших классных чинов, носить «в соответствующих случаях» парадный мундир. При исполнении служебных обязанностей дозволялось носить «по желанию» обыкновенную форму, но без наплечных знаков и шпаги¹⁶¹.

Законоположения Императорского Человеколюбивого общества не предусматривали присвоения классных чинов без выслуги предыдущих. Однако благотворители, не имевшие права на чин, могли, как и в ведомстве императрицы Марии, занимать классные должности «зауряд». Лицам, состоявшим в должностях и званиях, по которым было «не присвоено прав государственной службы», разрешалось носить «форменную одежду»¹⁶². Они имели право носить праздничный, парадный и обыкновенный мундиры.

Императорское Человеколюбивое общество тоже имело свой ведомственный мундир. Согласно «описанию и правилам ношения форменной одежды» от 24 августа 1904 г., чиновники и благотворители, имевшие чины, а также лица, имевшие право только на мундир, носили сюртук, брюки и жилет темно-зеленого сукна. Сюртук имел отложной воротник из фиолетового бархата. Помощник главного попечителя носил продольные плечевые погоны в виде серебряного галуна с золочеными звездочками, нашитого на фиолетовую суконную основу. Прочие чины носили на воротниках петлицы из фиолетового бархата. Определенному чину соответствовало определенное количество просветов и звездочек на петлицах. Чиновники и благотворители Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества также имели мундирные фраки, шинели, плащи, фуражки и шляпы. Для многих ведомственный чиновничий мундир был желанной наградой. Он возвышал обладателя в собственных глазах, мог вызвать уважение окружающих. Мундир свидетельствовал о принадлежности обладателя, пусть и косвенной, к касте государственных служащих, стоящих над простым народом.

Средством поощрения благотворителей также служили ордена и медали, которыми названные ведомства награждали от государства. В ведомстве императрицы Марии порядок награждения чиновников и благотворителей был различным. Благотворители представлялись к наградам отдельно. Представления рассматривал опекунский совет, после чего

¹⁶⁰ Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. I V. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 3. 1891–1894. СПб, 1898. Т. 4. Кн. 3. С. 543.

¹⁶¹ Положение о форменной одежде для чинов Ведомства учреждений императрицы Марии (высочайше утвержденное 8 августа 1896 года). СПб, 1896. С. 3–4.

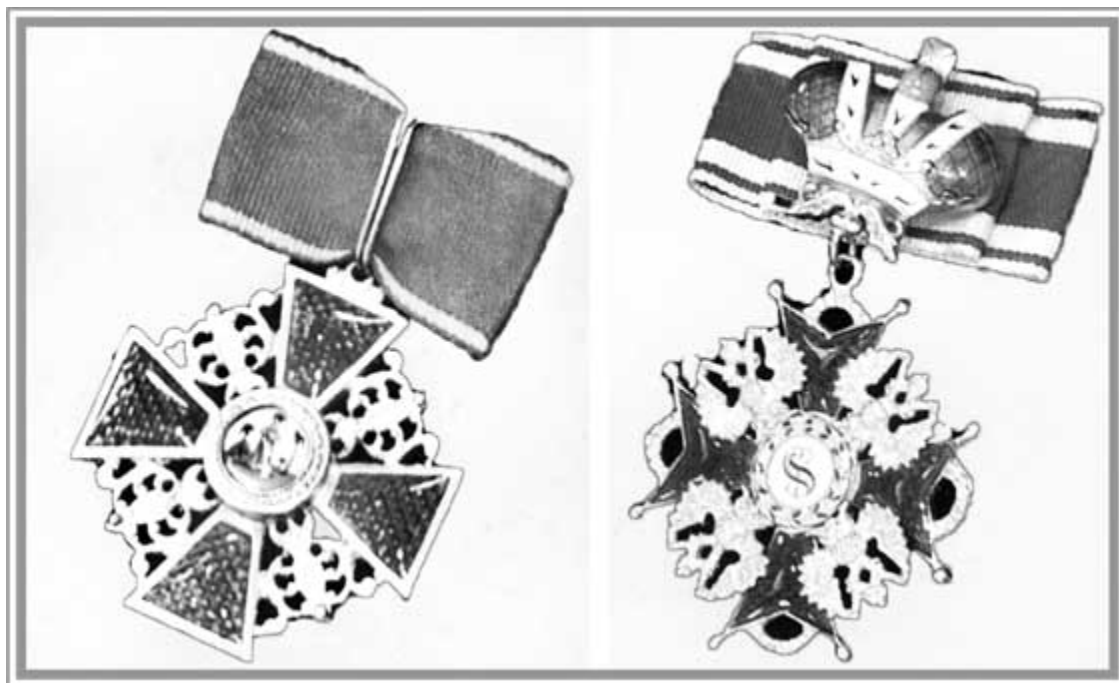
¹⁶² Описание и правила ношения форменной одежды для лиц, состоящих в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества. СПб, 1905. С. 3.

они поступали на утверждение императором. В Императорском Человеколюбивом обществе отдельных правил для награждения чиновников и благотворителей не существовало.

Наиболее престижной наградой считался орден. Благотворители получали ордена в соответствии с классом чинов. Не имевшие чинов могли получать ордена в порядке постепенности, в соответствии с орденской иерархией, но не выше ордена св. Владимира III степени. Если при этом благотворители не были дворянами или почетными гражданами, то награждению первым, самым низшим орденом св. Станислава III степени должно было предшествовать награждение медалью на андреевской ленте (ленте ордена св. Андрея Первозванного).

Низшее место в орденской иерархии российской империи занимал орден св. Станислава III степени – наиболее распространенная награда за благотворительность. Она представляла интерес, главным образом, для лиц, не имевших чинов, классных должностей или почетного гражданства, поскольку сразу давала потомственное почетное гражданство. Имевший орден св. Станислава III степени мог рассчитывать на награждение следующим в иерархии орденом св. Анны III степени (орден св. Анны IV степени представлял собой орденский знак на холодном оружии. Это было, так называемое, «аннинское» оружие, которым награждались военнослужащие).

Лица, имевшие чин коллежского или статского советника, то есть VI и V класса соответственно, допускались к награждению этим орденом без получения более низкой награды. Законодательством предусматривалось награждение орденом св. Анны III степени за благотворительность того, «кто учредит на свой счет больницу, богадельню или училище не менее как на двадцать человек, и исправным содержанием того или другого заведения в продолжение, по крайней мере, семи лет упрочит содержание оно»¹⁶³. Благотворители, получившие орден св. Анны III степени, приобретали личное дворянство.

Орден Св. Анны II степени. Музей РРИА Орден Св. Станислава II степени. Музей РГИА

¹⁶³ Св. зак. / Изд. 1892. Т. 1, Ч. 1. Ст. 19.

Следующим, более высоким в наградной иерархии, являлся орден св. Владимира IV степени. Статутом этого ордена предусматривалось награждение и за благотворительность, если благотворитель вновь учреждал или постоянно содержал какое-нибудь общественно-полезное заведение. Гражданское лицо с получением ордена св. Владимира IV степени приобретало потомственное дворянство. С 1900 г. получение потомственного дворянства обуславливалось награждением орденом св. Владимира уже III степени.

Благотворительная деятельность в ведомстве учреждений императрицы Марии и Императорском Человеколюбивом обществе могла отмечаться и более высокими в орденской иерархии наградами – орденами св. Станислава III степени и св. Анны II степени, св. Станислава I степени и св. Владимира III степени. Допускалось награждение и еще более высокими орденами, но для этого надо было иметь чин не ниже действительного статского советника.

Менее престижными наградами были медали. Благотворители, как правило, награждались медалями за «общепользную деятельность» – золотыми и серебряными с изображением головы царствующего императора в профиль. Иерархия медалей определялась металлом, из которого они изготовлялись, и лентой ордена, на которой носились. Медаль на ленте определенного ордена в наградной иерархии.

Близким по своему значению к ордену был Мариинский знак отличия беспорочной службы, введенный манифестом от 14 декабря 1828 г. Николаем I «об учреждении для лиц женского пола знака отличия беспорочной службы» (по примеру введенного в 1827 г. знака отличия беспорочной службы для офицеров и чиновников). Им награждался женский учебно-воспитательный персонал Ведомства учреждений императрицы Марии. Датой учреждения знака было объявлено 14 октября 1828 г. В память дня рождения императрицы Марии Федоровны. В ее честь знак получил наименование Мариинского. Им награждались «... все исправлявшие свою должность с неперемною соотвественною важности оной точностию, в званиях классных дам, учительниц, смотрительниц и главных надзирательниц, настоятельница, инспектрис, директрис и начальниц в одном или нескольких из заведений, состоящих под непосредственным покровительством Любезной родительницы нашей»¹⁶⁴.

Мариинский знак имел две степени. Первой награждались лица, прослужившие в указанных должностях 25 лет и более, второй – более 15, но меньше 25 лет. Мариинский знак носился на ленте ордена св. Владимира. Это была престижная награда. Представления к ней утверждались лично Императором, а сами знаки и соответствующие грамоты поступали из капитула российских орденов.

Наряду с орденами и медалями, заслуги благотворителей и служащих Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества отмечались различными нагрудными знаками и жетонами, вручавшимися непосредственно этими ведомствами. В 1894 г. был утвержден знак двух степеней для служащих детских приютов Ведомства императрицы Марии. Золоченый знак носился председателями, председательницами, вице-председателями, вице-председательницами и членами региональных попечительств, действительными членами комитета главного попечительства детских приютов, Санкт-Петербургского и московского советов, членами постоянных комиссий при советах, чиновниками органов управления. Серебряный знак носили смотрители и смотрительницы, их помощники, служащие и учителя приютов. Знак вручался за плату, устанавливавшуюся главноуправляющим ведомством императрицы Марии. В 1899 г. ведомство установило знак и жетон для награждения лиц, жертвовавших заведениям Санкт-Петербургского совета детских приютов. Для получения знака необходимо было пожертвовать не менее 125 руб. на создание либо расширение сиротских отделений при приютах. Жетоном отмечалось пожертвование не менее 35 руб. «...

¹⁶⁴ ПСЗ – II. Т. 3. № 2511.

вообще в пользу заведений Санкт-Петербургского совета детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии»¹⁶⁵. В 1908 г. аналогичные знак и жетон были установлены «... для лиц, оказавших услуги московскому совету детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии»¹⁶⁶.

Нагрудный знак выдавался пожертвовавшим не менее 200 руб. на увеличение бесплатных вакансий в приютах, а также действительным и почетным членам совета и почетным старшинам приютов, оказавшим «выдающиеся» услуги совету. Жетон вручался лицам, пожертвовавшим любому заведению совета не менее 50 руб., а также упомянутым членам совета и старшинам «вообще за заслуги» перед ним.

Свои нагрудные знаки имели Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых. В 1895 г. установило нагрудный знак – золотой и серебряный – Попечительство о слепых. Правом ношения знаков пользовались члены Попечительства и прочие лица, оказавшие ему «выдающиеся услуги», должностные лица, непрерывно прослужившие в учреждениях Попечительства 25 лет, а также прослужившие меньше 25 лет, но имевшие особые заслуги. В зависимости от уровня заслуг и служебного положения указанных лиц знак носился пожизненно либо во время исполнения ими служебных обязанностей. Пожизненно носился золотой знак, в период исполнения служебных обязанностей – серебряный.

Знак двух степеней и жетон Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых были установлены в 1899 г. знак «высшего достоинства» вручался лицам, пожертвовавшим Попечительству не менее 300 руб. Лица, пожертвовавшие не менее 150 руб. или привлекшие в Попечительство не менее 30 человек, каждый из которых жертвовал не менее 5 рублей, получал право носить знак «низшего достоинства». Жетон вручался лицу, внесшему 75 руб. или привлечшему в Попечительство 15 человек с взносом по 5 руб. Знаки и жетоны предоставлялись бесплатно.

¹⁶⁵ Скродзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. СПб, 1913. С. 42.

¹⁶⁶ Там же. С. 45.

Рисунок знака для мужчин, принимавших участие в деятельности Императорского Человеколюбивого общества трудами и пожертвованиями. Утвержден 17 мая 1897 г. РГИА

Императорское Человеколюбивое общество в 1897 г. установило нагрудный знак для лиц мужского пола – благотворителей и служащих в учреждениях призрения, равно как и для всех, занимавших в них классные должности. Знак имел три степени или «рода». Золотой вручался попечителям и руководителям заведений, председателям комитетов и лицам, служебное положение которых соответствовало чину V класса. Серебряный знак носили все прочие лица, состоявшие на службе в Человеколюбивом обществе, кроме членов-благотворителей и членов-соревнователей. Две последние категории лиц носили бронзовый знак. Для обладания знаком нужно было уплатить денежный взнос, размер которого устанавливался помощником попечителя Человеколюбивого общества. В некоторых случаях этот чиновник имел право освобождать от взноса за знак. Изданные в 1900 г. «Правила о членах-благотворителях и членах-соревнователях Императорского Человеколюбивого общества» позволяли требовать от членов-благотворителей и членов-соревнователей при вручении знака удостоверение «...местной полиции об их благонадежности, неподсудности и непринадлежности к вредным сектам»¹⁶⁷. Член-благотворитель и член-соревнова-

¹⁶⁷ Скордзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. С. 51.

тель, жертвовавший не менее 200 руб., получал указанное звание пожизненно и, соответственно, пожизненное право его ношения.

Императорским Человеколюбивым обществом был установлен специальный знак и для дам, принимавших участие в его деятельности. Желавшие иметь этот знак должны были уплатить взнос в 100 руб., но в некоторых случаях помощник главного попечителя имел право освобождать от взноса. Нагрудные знаки были менее престижными, чем ордена, медали и чины наград за благотворительность. Обладание ими не давало служебных, сословных и социальных преимуществ. Но они свидетельствовали об участии их обладателей в добрых делах, повышали престиж благотворительной деятельности.

В конце XIX – начале XX вв. повышение образованности российского общества, рост престижа предпринимательской, научной, технической, литературной, журналистской деятельности привели к тому, что значение чина и мундира как показателей жизненного успеха уменьшилось. Это, в частности, нашло отражение в том, что законоположениями новых благотворительных ведомств и комитетов дома Романовых предоставление чинов и мундиров не предусматривалось. Это относится к Попечительству о домах трудолюбия и работных домах, морскому благотворительному обществу, Татьянинскому и Ольгинскому комитетам.

Рисунок знака для мужчин, принимавших участие в деятельности Императорского Человеколюбивого общества трудами и пожертвованиями. Утвержден 17 мая 1897 г. РГИА

Созданное в 1895 г. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах состояло под покровительством супруги Николая II Александры Федоровны. В 1906 г. оно было реорганизовано и стало называться Попечительством о трудовой помощи. Полностью оно именовалось как «состоящее под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительство о трудовой помощи». Центральным органом управления им являлся комитет, возглавляемый императрицей, состоял из вице-председателя и действительных членов. Все они утверждались августейшей председательницей сроком на три года. Непосредственное руководство Попечительством находилось в руках вице-председателя комитета. Делопроизводство вела канцелярия, состоявшая из управляющего делами, инспектора и письмоводителей. С 1906 г. в составе комитета работали несколько постоянных комиссий – ревизионная, уставная и

финансовая. Они формировались из числа действительных членов комитета. Председатели комиссий утверждались императрицей. Комитет имел право создавать по мере надобности и другие постоянные либо временные комиссии. Докладывать о делах Попечительства императрице было обязанностью вице-председателя комитета. И он, и действительные члены комитета назначались из числа высокопоставленных чиновников и придворных. Законоположениями Попечительства о трудовой помощи не оговаривалось, в каком чине, должности и звании должны были состоять члены комитета. Как правило, это были лица, обладавшие военными, гражданскими и придворными чинами не ниже IV класса. В этом отношении комитет был похож на опекунский совет Ведомства императрицы Марии и совет Императорского Человеколюбивого общества. Но существовали и отличия. По сведениям на 1915 г., в число действительных членов Попечительства о трудовой помощи входила женщина – статс-дама, гофмейстерина Е. А. Нарышкина. В состав опекунского совета и совета Человеколюбивого общества женщины не входили.

В Комитет входили известные в России правоведа, специалисты в области призрения. В частности – известный юрист, государственный и общественный деятель А. Ф. Кони, видные теоретики и организаторы благотворительности и призрения М. Н. Галкин-Враский и Е. Д. Максимов. Помимо действительных, в состав Попечительства входили почетные члены и пожизненные члены-благотворители. Те и другие также являлись высокопоставленными чиновниками и придворными. Члены комитета и члены Попечительства исполняли свои обязанности безвозмездно, не получая материального вознаграждения, чинов и ведомственных мундиров. Так же и служащие местных подразделений и заведений. Чиновниками, получавшими жалование, содержание и «квартирные» деньги, являлись только управляющий делами, инспектора и делопроизводители.

Порядок принятия решений в ведомстве трудовой помощи напоминает порядок, существовавший в учреждениях императрицы Марии и Человеколюбивом обществе. Документы и законоположения общего характера готовились в комитете. Все решения, принимавшиеся им, подлежали утверждению покровительницей – императрицей. Общественность в лице благотворителей, жертвовавших деньги, материальные ценности либо бескорыстный труд, принимала участие в управлении местными благотворительными обществами и заведениями. Однако непосредственно влиять на принятие решений руководством она не могла.

Средства Ведомства трудовой помощи составлялись из процентов с неприкосновенного капитала в полмиллиона рублей, пожалованного из бюджета при основании Попечительства, доходов с недвижимого и движимого имущества, сборов от различных благотворительных пожертвований. Последние поступали как в форме регулярных взносов, так и спорадически.

В отличие от учреждений императрицы Марии и Человеколюбивого общества, ведомство трудовой помощи не предоставляло права государственной службы, чины и мундиры за благотворительные пожертвования и безвозмездную службу в учреждениях призрения. Не было и особых правил о награждении благотворителей орденами, хотя практика награждения за безвозмездную службу в учреждениях призрения существовала. Служащие Попечительства и благотворители могли награждаться ведомственными знаками и значками, которые вручались по усмотрению Александры Федоровны «...за выдающиеся труды деятелям Попечительства и за пожертвования, при дипломе за Собственноручною Ее Императорского Величества подписью»¹⁶⁸. Знаки были эмалированные, позолоченные, серебряные и бронзовые, и вручались они в зависимости от конкретных заслуг получавшего их лица. Знаки и значки были именными.

¹⁶⁸ Скордзский Н. Я. Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. С. 78.

Попечительство о домах трудолюбия и работных домах как до, так и после реорганизации и переименования в Попечительство о трудовой помощи являлось типичной общественной благотворительной организацией. Отсутствие в законодательстве указаний на государственный характер Попечительства, привлечение общественности к управлению структурными подразделениями и заведениями на местах, финансирование учреждений призрения за счет благотворительности, отсутствие прав государственной службы, чинов и мундиров у благотворителей – все это дает основание характеризовать ведомство трудовой помощи именно так. Единственным отличием его от обычных благотворительных организаций было высочайшее покровительство, которое в данном случае имело конкретное материальное выражение. Любая благотворительная организация могла только мечтать о пятистах тысячах рублей основного капитала.

Во втором десятилетии XX в. был создан ряд новых благотворительных структур под покровительством императорской фамилии. В 1913 г. для призрения сельских детей был организован романовский комитет, находившийся под покровительством императора. В том же году возникло Попечительство по охране материнства и младенчества, состоявшее под покровительством императрицы Александры Федоровны.

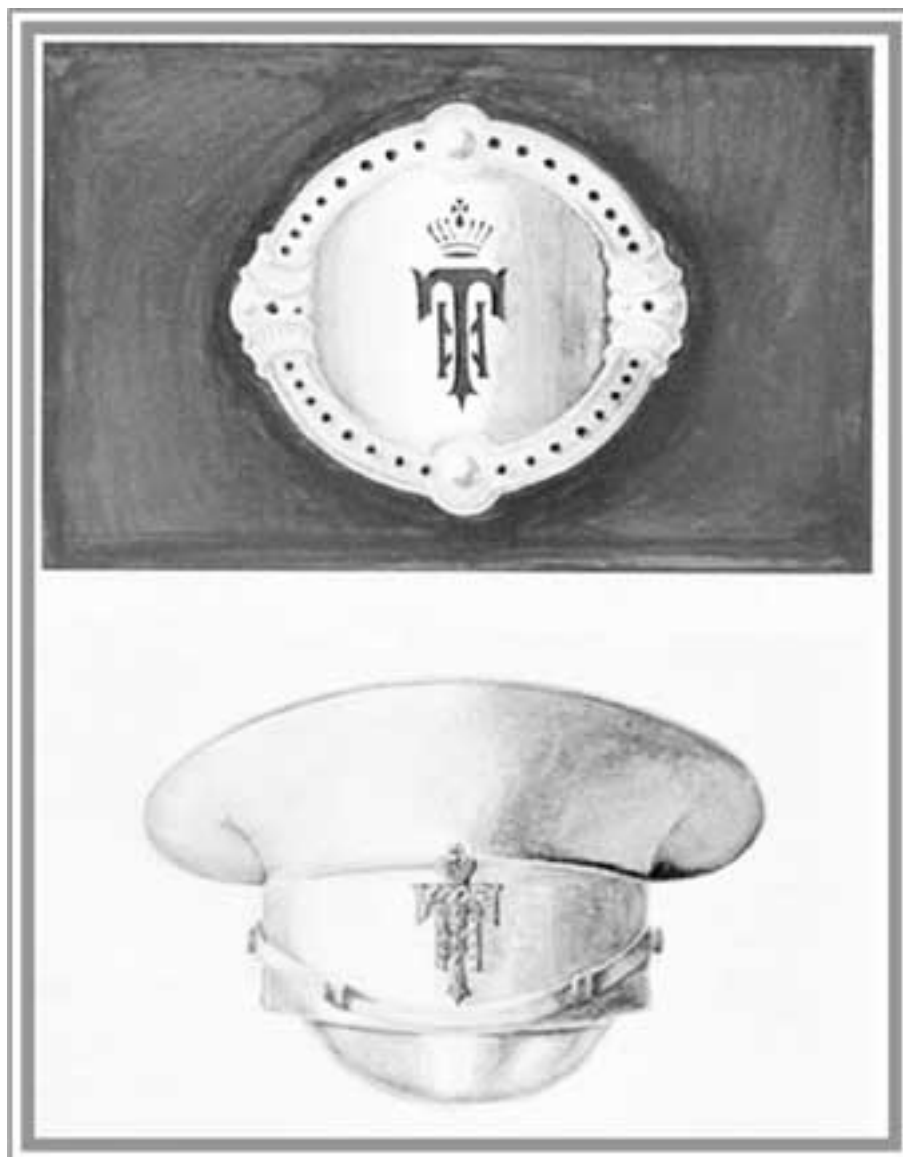
Вступление России в Первую мировую войну привело к созданию нескольких благотворительных комитетов, предназначенных для оказания помощи различным категориям пострадавших на ней. Крупнейшей из этих структур был названный в честь дочери Николая II «Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий», учрежденный 14 сентября 1914 г. сокращенно комитет назывался Татьянинским. Организационно он состоял из собственно комитета, располагавшегося в Петербурге, и подчинявшихся ему губернских и областных отделов. Им, в свою очередь, подчинялись уездные отделения. Финансировался Татьянинский комитет также, как и другие благотворительные организации дома Романовых. Согласно положению, средства комитета формировались за счет благотворительных пожертвований постоянных и временных сборов, доходов от недвижимости, аренды, благотворительных лотерей, а также «ассигнований из казны». Но в отличие от благотворительных ведомств дома Романовых, созданных в XIX столетии, Татьянинский комитет финансировался преимущественно из казны. К началу 1916 г. из 22 759 105 руб. и 1 коп., составлявших приход комитета, 15 400 000 руб. были получены из государственного казначейства. Пожертвования императора и его супруги составляли 4 250 000 рублей. Сумма в 3617 руб. 31 коп. поступила по процентам с текущего счета комитета в Волжско-Камском банке. От благотворительной лотереи 1914 г. комитет получил 3 000 000 руб. Пожертвования учреждений и частных лиц составили 3930 руб. 70 коп.¹⁶⁹

Татьянинский комитет, являясь общественной организацией, решал, как и другие крупные благотворительные ведомства императорской фамилии, государственные задачи в области призрения. При этом он финансировался почти на три четверти из государственных средств. Этот факт можно рассматривать как шаг к государственному призрению.

Работа в Татьянинском комитете не давала никаких сословных или служебных привилегий и преимуществ. Активное сотрудничество отмечалось только дипломами и жетонами, которые вручались от имени великой княжны «...за оказание комитету выдающихся заслуг жертвами или устройством сборов, подписок, выставок, концертов, спектаклей, лекций и так далее»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Очерк деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания по 1 января 1916 г. Пг., 1915. С. 25.

¹⁷⁰ Правила о дипломах и жетонах Комитета ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. –

Удостоенные высочайшего утверждения рисунки нарукавной повязки и знака на фуражку для лиц, служащих в Комитете великой княжны Татьяны Николаевны. РГИА

Награждение дипломами и жетонами было введено в 1915 г. Дипломы первого разряда, вручавшиеся общественным организациям и учреждениям, печатались на «веленовой» бумаге «золотым» шрифтом, второго разряда – на обыкновенной бумаге черным шрифтом. Частным лицам вручались жетоны: первого разряда – серебряные и второго – бронзовые. Они представляли собой подобие нагрудного значка «...из синего эмалевого щита, на коем помещены накладные инициалы ее высочества»¹⁷¹. Своих ведомственных мундиров Татьянинский комитет не имел. Его служащие носили эмблемы на фуражках и нарукавные повязки. Эмблема представляла собой значок «...из золотого вензелевого изображения имени августейшей Почетной Председательницы комитета великой княжны Татьяны Нико-

январь 1916 г.: в 2 т. Т. 2. Пг., 1916. С. 235.

¹⁷¹ Там же.

лаевны»¹⁷². Нарукавная повязка состояла из ленты светло-синего сукна, к которой крепилась медная бляха со сквозным изображением инициалов Татьяны Николаевны.

Петроградские благотворительные структуры под покровительством дома Романовых – морское благотворительное общество и Ольгинский комитет – по правовому положению и способам финансирования являлись общественными организациями. Деятельность морского благотворительного общества обеспечивалась только за счет пожертвований, включая незначительные поступления от членов императорской фамилии. Управлялось морское благотворительное общество общим собранием и избираемым из его состава советом. Заслуги перед обществом отмечались серебряными и золотыми жетонами. Серебряные вручались тем, кто вносил единовременно 10 руб., «а равно служащим в обществе и другим лицам, оказавшим ему содействие иными способами»¹⁷³. Золотой жетон вручался почетным членам общества, членам совета, служившим в этом звании непрерывно не менее трех лет, и «тем из жертвователей, имеющих серебряные жетоны, которые привлекли 10 других жертвователей с рублевым взносом каждый»¹⁷⁴.

Великие княжны Мария, Анастасия, Татьяна и Ольга Николаевны. 1910-е гг.

Созданный 11 августа 1914 г. «Особый Петроградский комитет ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну», сокращенно называвшийся Ольгинским, или Петроградским Ольгинским, также привлекал благотворительные пожертвования. Кроме того, Ольгинский комитет получал денежные средства, если не из казны, то от государственного органа – верхов-

¹⁷² Там же. С. 237.

¹⁷³ *Скродзский Н. Я.* Сборник сведений о знаках благотворительных обществ. С. 82.

¹⁷⁴ Там же.

ного совета по призрению лиц, призванных на войну. Организационное устройство Ольгинского комитета было подобно Татьянинскому. Собственно комитет составлял 21 человек, работавших под почетным председательством великой княжны. Собирался он в полном составе редко, поэтому его деятельностью фактически руководил Постоянный исполнительный отдел. Местными отделениями комитета были 12 уездных и городских комиссий.

Наиболее заметной отличительной чертой крупных благотворительных ведомств и комитетов под покровительством дома Романовых является их, если так можно выразиться, двойственный характер. Они сочетали в себе элементы государственных структур и общественных организаций. Такое положение определяло как положительные, так и отрицательные стороны осуществлявшегося ими призрения. На первый взгляд, это отражало внутреннее противоречие в организационной структуре и образе действия указанных ведомств. Но если рассматривать российскую благотворительность под покровительством Романовых и призрение на ее основе в контексте исторических условий, в которых они существовали, то никакого противоречия, противопоставления государственных и общественных элементов в деятельности названных ведомств и комитетов не было. Император являлся правителем государства и главой всех своих подданных, из которых, собственно, и состояло российское общество. В число подданных входили и члены семьи монарха, покровительствовавшие благотворительности от его имени как главы государства и патриархального отца семейства. Отсюда объединение, но не смешение государственных и общественных элементов в благотворительных ведомствах и комитетах под покровительством императорской фамилии. Такой порядок, несмотря на недостатки, был понятен современникам и одобрялся общественностью, что выражалось в благотворительных пожертвованиях и безвозмездной службе в учреждениях призрения.

В начале XX столетия длительные преобразования в благотворительных ведомствах дома Романовых в основном завершились. Правовая база и организационная структура Ведомства учреждений императрицы Марии, включая Попечительства о слепых и о глухонемых, Императорского Человеколюбивого общества и Попечительства о трудовой помощи приняли окончательный вид и в последующие годы существенно не менялись, равно как и принципы оказания социальной помощи. Эти принципы были положены в основу деятельности и новых благотворительных комитетов дома Романовых, созданных с началом мировой войны, – Татьянинского и Ольгинского. Однако на рубеже XIX–XX вв. и в первое десятилетие XX столетия изменились исторические условия деятельности ведомств и комитетов под покровительством императорской фамилии.

Период ускоренной модернизации страны, начавшийся в 1890-е гг., сопровождался обострением социальных противоречий. Это заставляло власть уделять больше внимания вопросам призрения. В первую очередь требовала пересмотра правовая база социальной помощи, поскольку без разработки отвечающего требованиям времени законодательства было сложно осуществлять общегосударственные мероприятия в этой сфере. Прежний Устав об общественном призрении, по существу не менявшийся на протяжении XIX в., устарел. В нем, как уже нами отмечалось, не указывалось конкретно, какие категории населения и при каких обстоятельствах подлежали обязательному призрению, не устанавливались единые общегосударственные формы призрения и источники его финансирования, никак не определялась роль самого государства.

Без предварительной проработки дать ответы на эти сложнейшие вопросы было нельзя, поэтому в конце 1892 г. при Министерстве внутренних дел была создана межведомственная комиссия для разработки нового законодательства о призрении. Возглавил ее создатель и многолетний руководитель Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых Константин Карлович Грот. Комиссия рассмотрела несколько проектов, свидетельствующих о том, какими виделись пути реформирования законодательства о призрении

представителям правительственных и общественных структур, организаторам и теоретикам благотворительности и призрения. Ряд проектов был разработан уже после закрытия комиссии, в начале XX в.

Характеристика обсуждавшихся в комиссии и созданных позже законопроектов облегчается тем, что их краткий анализ дан в докладе Н. К. Ди-Сеньи «К вопросу о пересмотре действующего законодательства об общественном призрении», сделанном на Первом съезде русских деятелей по общественному и частному призрению, состоявшемся в 1910 г. в Петербурге. В числе этих проектов были как разработанные в правительственных структурах, так и представленные «со стороны» общественными деятелями и организаторами призрения.

К правительственным можно отнести проекты, так называемой, Подкомиссии, разработанный под руководством К. К. Грота «Проект общих оснований положения об общественном призрении», а также представленное руководителем хозяйственного департамента МВД И. И. Кабатом «Положение об общих основаниях общественного призрения». В 1897 г. они все были представлены в комиссию под руководством К. К. Грота, уже после ее закрытия Хозяйственным департаментом МВД был разработан «Проект об изменениях и дополнениях Устава общественного призрения». Свои проекты представили известный теоретик и организатор призрения и благотворительности Е. Д. Максимов, работавший в Попечительстве о трудовой помощи, и профессор Санкт-Петербургского университета, историк В. И. Герье.

Разработанное В. И. Герье «Положение о попечительствах общественного призрения» с приложением «свода общих оснований для проекта об общественном призрении» было представлено в комиссию К. К. Грота. Е. Д. Максимов подготовил «Устав попечения о трудящихся» в 1906 г. По предложению главного управления по делам местного хозяйства МВД.

Общим для всех проектов было то, что в них, в отличие от действовавшего Устава об общественном призрении, указывались категории нуждающихся в помощи. Обязательному призрению подлежали «...душевнобольные, одинокие дети, беспомощные старики, калеки и т. д., словом, все те нуждающиеся, не оказание помощи которым может служить ближайшей причиной потери ими жизни или здоровья или может повести к нарушению общественной безопасности»¹⁷⁵. Принцип обязательности призрения этих категорий граждан был сформулирован во всех проектах, кроме проекта Герье.

Сложнее было определить кто, собственно, должен нести главную ответственность за призрение. «общая схема оказания обязательной помощи нуждающимся во всех рассматриваемых проектах одинакова, – отмечает Ди-Сеньи, – обязанности и расходы по призрению, прежде всего, возлагаются на ближайших родственников... При отсутствии у нуждающихся родственников обязанности по призрению переходят или на сословные общества, к которым эти нуждающиеся принадлежат (проекты Герье, Грота, Кабата и бывшего Хозяйственного департамента), или на земские и городские установления (проекты Подкомиссии и Максимова)»¹⁷⁶.

Общее руководство призрением авторы проектов предлагали поручить МВД. Кроме того, в земских губерниях обязанности по призрению предполагалось возложить на губернские и уездные земства, а в городах – на городские общественные управления. Но роль государства, которое только и могло гарантировать обязательное призрение, была выражена в проектах нечетко. «Что касается обязанности государства, как такового, принимать непосредственное участие в деле общественного призрения, – отмечается в обзоре законопроектов, – то проект подкомиссии говорит об этом в самых общих чертах, а проект бывшего хозяйственного департамента даже совершенно умалчивает. Проекты Герье и Кабата уста-

¹⁷⁵ Ди-Сеньи Н. К. К вопросу о пересмотре действовавшего законодательства об общественном призрении (обзор законопроектов об организации призрения бедных) // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 126–127.

¹⁷⁶ Там же. С. 127.

навливают, что помощь из государственных источников имеет место лишь в случаях массовых чрезвычайных бедствий...»¹⁷⁷. В проекте Максимова к обязанностям государства отнесена помощь тем категориям нуждающихся, которые не могли рассчитывать на какую-либо иную поддержку, а именно: бродягам, увечным воинам, семьям погибших на войне и пропавших без вести. Предусматривались также государственные субсидии земствам на содержание учреждений призрения.

Государству в указанных проектах отводилась достаточно скромная роль. Это можно объяснить тем, что их авторы опасались негативной реакции со стороны власти, не желавшей возлагать на государство ответственность за призрение. Поэтому и финансирование призрения рассматривалось в большинстве проектов как обязанность общества. В проектах Кабата и Хозяйственного департамента МВД вопросы финансирования фактически не рассматривались. Прочие проекты называли в качестве источников финансовых средств «...ассигнования земств и городов, пожертвования, доходы с капиталов недвижимых имуществ, принадлежащих попечительствам, штрафные суммы и другие случайные и чисто хозяйственные доходы...»¹⁷⁸. Частичное финансирование призрения государством предусматривалось проектами подкомиссии и Грота. В первом признавалось необходимым «...образование особого фонда государственного призрения путем равномерного сбора со всего населения империи; по проекту Грота на нужды призрения должен поступать известный процент с доходов некоторых частных и общественных учреждений и предприятий»¹⁷⁹. Проект Максимова предлагал дать земствам и городскому общественному управлению право устанавливать сборы с различных увеселительных мероприятий. Но все эти источники рассматривались как экстраординарные.

Авторы проектов рассчитывали, главным образом, на традиционные источники обеспечения призрения, среди которых были и благотворительные пожертвования. На практике они часто являлись единственным источником. Чтобы получать доходы с недвижимости и капиталов, учреждение призрения должно было прежде приобрести либо получить недвижимость и составить капитал. Многие учреждения не имели такой возможности и существовали за счет текущих пожертвований. У земств и городских общественных управлений были свои расходы, а штрафные, хозяйственные и прочие источники поступления средств были действительно «случайными». На рубеже XIX–XX вв. благотворительность по-прежнему представлялась важнейшим источником обеспечения призрения.

В 1895 г. комиссией была разработана и разослана по городам и земствам анкета, которая включала вопросы о количестве нуждающихся, о направлениях и формах осуществлявшегося в городах и губерниях призрения, об источниках его обеспечения, правах и обязанностях организаций и их взаимоотношениях с благотворительностью. Е. Д. Максимов по этому поводу отметил: «нельзя не приветствовать самого факта обращения правительственной комиссии к общественным учреждениям с запросом по делу, в котором они являются наиболее компетентными и осведомленными»¹⁸⁰. Полученные в виде ответов на вопросы анкеты данные комиссией были обработаны, обобщены и опубликованы в 1896 г. в «Своде ответов земских и городских управлений на основные вопросы общественного призрения по запросу комиссии 30 марта 1895 г.»¹⁸¹. Кроме того, комиссией были обработаны и изданы собранные через Хозяйственный департамент МВД сведения об общественном призрении и

¹⁷⁷ Там же. С. 128.

¹⁷⁸ *Ди-Сеньи Н. К.* К вопросу о пересмотре действовавшего законодательства об общественном призрении (Обзор законопроектов об организации призрения бедных) // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 130.

¹⁷⁹ Там же. С. 130–131.

¹⁸⁰ Одел рукописей российской национальной библиотеки (Далее – ОР РНБ). Ф. 1029. Е. Д. Максимов. Д. 24. С. 81.

¹⁸¹ См.: *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской Империи, XIX – начало XX века. М., 2005. С. 173–174.

благотворительных учреждениях в 44 губерниях России, а также обзор деятельности земств по общественному призрению в течение 30 лет¹⁸².

Представленные в комиссию Грота проекты вызвали серьезные разногласия среди ее членов, которые не смогли выработать общий проект. Дело увязло в бюрократической рутине. К. К. Грот, видя и понимая это, в 1895 г. начал просить об отставке по состоянию здоровья с поста руководителя комиссии. Это было вполне уважительной причиной – ему исполнилось 80 лет. В 1896 г. Грот тяжело заболел и оставил работу. В марте 1897 г. он получил отставку, а в октябре скончался. С его отставкой комиссия фактически прекратила свою деятельность и вскоре была ликвидирована, а ее материалы переданы в Министерство внутренних дел, где практически никак не были использованы.

Чтобы дополнить и откорректировать хотя бы существовавший Устав об общественном призрении, Хозяйственный департамент МВД разработал проект изменений и дополнений в этот документ, но он даже не был принят к рассмотрению в государственном совете. «тем не менее, – отмечает современный исследователь, – работа комиссии не прошла бесследно – с конца 1890-х годов МВД в своих циркулярах и в практической деятельности стало учитывать „интеллектуальный капитал“, накопленный комиссией Грота»¹⁸³.

Основной причиной неудачи попытки разработать общегосударственное законодательство о призрении являлось отсутствие у власти ясного понимания того, каким оно должно быть, из каких источников финансироваться, какие категории населения охватывать и кому подчиняться. Административный аппарат самодержавия оказался не в состоянии самостоятельно разрешить эти вопросы. Не был способен осмыслить их и государь.

Представления последнего российского монарха о социальной политике не выходили, как отмечалось, за рамки традиционных патриархально-патерналистских воззрений на народ. Этому вполне отвечала деятельность благотворительных ведомств дома Романовых. В результате ни один из проектов реорганизации призрения, разработанных с конца XIX столетия до 1906 г., когда уже шла революция, не был востребован. Более того, ни один из законопроектов даже не обсуждался в государственном совете (имеется в виду дореформенный Госсовет, не имевший прав верхней палаты российского парламента).

К этому времени благотворительные ведомства дома Романовых накопили огромный опыт работы по оказанию социальной помощи практически всем категориям нуждающихся, кроме душевнобольных. Но ни одно из них ни до, ни после революции 1905–1907 гг. не представило своих соображений о реорганизации общественного призрения в стране. Работавшие в этих ведомствах специалисты, несомненно, понимали, что нужны серьезные реформы. Но инициатива «снизу» не поощрялась, а привилегированное положение ведомств вполне устраивало их руководителей и августейших покровителей. В императорской семье в начале XX столетия не нашлось человека, подобного принцу П. Г. Ольденбургскому, способного инициировать благотворительные ведомства и общегосударственные преобразования в области призрения.

Во втором десятилетии XX в. обсуждение российской общественностью проблем благотворительности и призрения вышло на новый уровень. В марте 1910 г. в Петербурге прошел Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. Инициатива его созыва принадлежала всероссийскому союзу учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, созданному 15 февраля 1909 г. Второй общероссийский форум по общественному призрению был созван в мае 1914 г. Министерством внутренних дел.

¹⁸² См.: Там же. С. 174.

¹⁸³ Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской Империи, XIX – начало XX века. С. 177.

Надо отметить, что такая форма обсуждения вопросов социальной политики не была новой. С 1877 г. проходили съезды уполномоченных петербургских благотворительных обществ. В 1886 г. в Москве работал съезд представителей учреждений детской помощи. Благотворительные ведомства дома Романовых съездов не проводили. Этому мешали их статус и порядок управления. Исключением было Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, которое провело два съезда – в 1901 и в 1909 гг. Эти съезды рассматривали широкий круг вопросов, связанных с призрением слепых, но имели ведомственный характер. Собрать общероссийский форум долгое время было невозможно. Власть допускала обсуждение социальных вопросов в печати, но отрицательно относилась к их рассмотрению на собраниях, особенно всероссийского масштаба.

В 1902 г. о проведении съезда ходатайствовал благотворительный совет, созданный Московским городским общественным управлением для координации такой деятельности в городе. Но против этого резко выступили Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и министр внутренних дел В. К. Плеве, опасавшиеся обсуждения политически нежелательных вопросов. Безрезультатными оказались и ходатайства московского губернского земства о созыве съезда по общественному призрению.

После первой русской революции общественная атмосфера в стране стала иной. В феврале 1909 г. в Петербурге возникла общественная организация – всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, стремившийся объединить как отдельных лиц, так и существовавшие в России структуры. Цель союза была сформулирована известным теоретиком и организатором благотворительности С. К. Гогелем. В речи, посвященной открытию съезда, он, в частности, отметил, что союз «...имеет в виду посвятить свои труды даже не столько русским, нуждающимся вообще, сколько самой русской благотворительности, она то и является его главным и единственным клиентом, так как союз направит свою деятельность на упорядочение и объединение благотворительной деятельности по всей России. Такова цель нового общества»¹⁸⁴. Характер деятельности союза определялся так: «роль посредника, советчика и ходатая наиболее отвечает задачам общества, которое является частным обществом, не имеет ни власти, ни намерения вмешиваться в дела отдельных обществ и учреждений, или тем менее с ними конкурировать»¹⁸⁵.

Для того, чтобы выполнить указанную роль, союз собрал Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению, состоявшийся 8–13 марта 1910 г. в Петербурге. На нем был выработан устав, более четко определивший цель союза как распространение в российском обществе «правильных взглядов на благотворительность» и «способы ее осуществления», объединение стремлений «к преобразованиям в области общественного и частного призрения, в видах правильной постановки благотворительности в России»¹⁸⁶. Под «правильной постановкой» благотворительности подразумевалось придание ей организованного характера. Устав поставил весьма скромные задачи и цели перед столь представительным собранием (список участников съезда насчитывает четыреста человек). Они явно не соответствовали и масштабу социальных проблем в России. Организаторы съезда учитывали предыдущий неудачный опыт разработки проектов реформирования призрения и решили не тратить время на разработку очередного проекта. Кроме того, надо было иметь в виду разнообразное устройство российских благотворительных ведомств и амбиции их руководителей.

¹⁸⁴ Гогель С. К. Всероссийский съезд учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 1.

¹⁸⁵ Там же. С. 1–2.

¹⁸⁶ Устав Всероссийского съезда учреждений, обществ и деятелей по и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 10.

На это прямо указывал С. К. Гогель, не рекомендовавший создавать «центральный правительственный орган» для управления благотворительностью и призрением хотя бы «по одному тому, что этого не допустят никакие наши ведомства»¹⁸⁷. Несовершенство российского законодательства о призрении Гогель характеризовал как «невиданный ни в одном культурном государстве пробел»¹⁸⁸. Но, задаваясь вопросом, кто в этом виноват, докладчик ответил сам: «Пока никто»¹⁸⁹. Говоря «пока», Гогель полагал, что съезд поможет сдвинуть дело с мертвой точки, но сказать «кто» виноват, не мог, поскольку тогда съезд вообще не состоялся бы. В этих условиях съезду оставалось только обсудить и вынести на суд общественности наиболее важные вопросы благотворительности и призрения, наметить пути объединения этой деятельности в масштабах страны. Все докладчики сходились в том, что законодательство о призрении было несовершенно и высказывались за его скорейшее изменение. «Устав, – говорится в общей резолюции первой секции, – должен создать стройную целесообразную систему общественного призрения в России, согласованную с основными началами предстоящего преобразования органов местного самоуправления»¹⁹⁰.

У съезда не вызывало сомнений то, что призрение должно осуществляться совместными усилиями общества и государства. Но каким должно быть непосредственное участие последнего, кто обязан, в конечном счете, отвечать за призрение в России – съезд не определил. Делегаты опасались, что государственная бюрократия может загубить любое живое дело. Отдавать руководство призрением общественности они тоже не предлагали – слишком сложная и масштабная это была задача. В резолюции съезда содержался призыв к органам власти и прессе шире освещать проблемы благотворительности и призрения, а также краткая программа предполагавшегося второго съезда под эгидой союза, включавшая вопросы регистрации неимущего населения, организации трудовой помощи, попечения о беспризорных детях и замены благотворительности страхованием, где это было возможным. Но планировавшийся второй съезд так и не состоялся.

Для благотворительных ведомств дома Романовых съезд заметным событием не стал. Августейшие покровители благотворительности внимания на него не обратили. Самыми высокопоставленными лицами были директор канцелярии по управлению детскими приютами Ведомства императрицы Марии О. К. Адеркас и товарищ (заместитель) Председателя совета Императорского Человеколюбивого общества Г. Ф. Ракеев. В докладах и прениях они приняли незначительное участие, выступив за объединение благотворителей и учреждений призрения. «отдельные, слабые попытки благотворительных обществ в деле устройства собственных учебно-ремесленных заведений и мастерских кустарного характера, – говорилось в докладе Ракеева „о постановке профессионального образования в благотворительно-воспитательных заведениях“, – должны замениться учреждением на общие средства при соединенных усилиях заинтересованных обществ, новых ремесленных торговых школ, поставленных так, чтобы дать возможность воспитанникам по выходе из школ легко находить работу...»¹⁹¹. Однако ничего конкретного, что вело бы к взаимодействию «при соединенных усилиях» в области призрения, ни Человеколюбивое общество, ни другие благотворительные ведомства дома Романовых не предложили.

¹⁸⁷ Гогель С. К. Всероссийский съезд учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 2.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Резолюции Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 206.

¹⁹¹ Ракеев Г. Ф. О постановке профессионального образования в благотворительно-воспитательных заведениях // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. С. 258.

Выступление историографа и чиновника Человеколюбивого общества В. Д. Троицкого «Краткий исторический очерк и современное состояние благотворительной деятельности Императорского Человеколюбивого общества» не содержало анализа проблем благотворительности и призрения и носило чисто информационный характер. Столь невыразительное участие организаций дома Романовых в работе съезда было обусловлено не тем, что им нечего было сообщить. Ведомство императрицы Марии имело огромный опыт призрения различных категорий детей и юношества. Оно могло представить немало полезных работ в области женского образования и воспитания, постановки работы воспитательных домов и детских приютов. Многие могли сообщить участникам форума сотрудники императорских Попечительств о слепых и глухонемых, об организации трудовой помощи, а также Человеколюбивого общества. Однако ничего существенного съезд от них не услышал. Возможно, они чувствовали себя неуверенно перед столь широкой аудиторией.

Но, думается, что главная причина была в том, что объединение не на словах, а на деле создавало угрозу исключительному статусу благотворительных ведомств императорской фамилии. Несмотря на перемены в общественной жизни страны и на то, что эти структуры делали то же дело, что все остальные российские учреждения призрения, их августейшие покровители и руководители не были готовы к тому, чтобы этот статус изменить. Примером может служить история с попыткой подчинить финансы Ведомства императрицы Марии государственному контролю.

В июле 1913 г. контролер П. А. Харитонов, ссылаясь на пожелания Третьей и Четвертой думы подчинить ревизии госконтроля изъятые из сферы его пристального внимания учреждения, направил в Ведомство императрицы Марии письмо. В нем, в частности, говорилось: «в виду важности затронутого вопроса, продолжающихся настояний государственной думы и того обстоятельства, что средства ведомства в значительной части образуются путем непосредственного отпуска из государственного казначейства и от сборов, предоставленных ведомству государством, я находил бы благовременным поставить означенный вопрос на обсуждение»¹⁹².

Ответ был неспешным (его направили в госконтроль лишь в феврале 1914 г.) и давал понять, что вопрос, поднятый госконтролем, неуместен. Возглавлявший ведомство бывший министр внутренних дел, статс-секретарь А. Г. Булыгин сообщил: «...вопрос о подчинении ведомства государственному контролю в ревизионном отношении поднимался уже неоднократно в течение истекшего столетия, тем не менее, в виду исторически сложившегося строя ведомства, осуществление означенного мероприятия... не признавалось возможным, и финансовые обороты его не подлежали никакой другой ревизии, кроме отчетности, представляемой на непосредственное рассмотрение Их Императорских Величеств»¹⁹³. Указав, что и в настоящее время статус организации не изменился, Булыгин заключил: «я со своей стороны не усматриваю никакой необходимости в подчинении ведомства ревизии государственного контроля»¹⁹⁴.

Подобная реакция последовала и со стороны Императорского Человеколюбивого общества, когда в 1902 г. департамент гражданской отчетности госконтроля предложил ему «подвергнуть разработке... вопрос о подчинении отчетности в денежных суммах общества ревизии государственного контроля и предложение по сему предмету внести на утверждение установленным порядком»¹⁹⁵.

¹⁹² РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 1703. Л. 1.

¹⁹³ Там же. Л. 3.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 2. Д. 856. Л. 1.

Рассмотрение этого вопроса затянулось на шесть лет. В 1902–1905 гг. госконтроль неоднократно интересовался состоянием дела и получал стандартные отписки в том смысле, что «вопрос решается».

В 1908 г. заключение контрольной комиссии Человеколюбивого общества было, наконец, подготовлено и направлено в госконтроль. Из него следовало, что подчинение средств общества ревизии госконтроля невозможно. В исторической справке, составленной по этому поводу, подтверждалось, что любое изменение в статусе Человеколюбивого общества если «...не доведет его деятельность до полного уничтожения, то, наверное, значительно его ослабит»¹⁹⁶.

11–16 мая 1914 гг. в Петербурге проходил съезд по общественному призрению, созванный Министерством внутренних дел. Сам этот факт говорит о том, что в правительственных кругах осознали – разработать программу решения социальных задач без привлечения общественности невозможно. Участники этого форума попытались сделать то, что не удалось Первому съезду – объединить благотворителей, ведомства и учреждения призрения и разработать законодательные основы общегосударственной социальной политики. На неудовлетворительное положение дел в этой области указывал, как и четыре года назад, председатель оргкомитета съезда С. К. Гогель в речи «о задачах съезда»: «У нас нет организованной общественной благотворительности, у нас нет даже приблизительных определенных категорий неимущих, которые подлежат обязательному призрению со стороны государства»¹⁹⁷. Задачу съезда Гогель сформулировал так: «Чтобы помочь больному, надо, прежде всего, поставить диагноз, и этот диагноз призван поставить наш съезд, именно благодаря единению, собравший в свою среду столько видных представителей всех отраслей благотворительности; только она (среда. – *Прим. авт.*) может беспристрастным путем обмена мнений выяснить, в чем нужда, и этим облегчить задачу и законодателю, и правительственной власти»¹⁹⁸.

«Поставить диагноз» оказалось сложно. Съезд обнаружил существенные разногласия во взглядах на то, при каких обстоятельствах призрение должно быть обязательным, кто должен им руководить и непосредственно его осуществлять. Они усугублялись и тем, что государство в лице МВД, собравшего съезд, не сформулировало конкретных требований, которым должны отвечать предложения по законодательной основе призрения, источникам его финансирования и порядку управления. В результате съезд поставленной цели не достиг. Выяснилось, что не все ведомства действительно желают объединения. Характерны были приветствия съезду от благотворительных организаций дома Романовых. О. К. Адеркас, выступая от Ведомства императрицы Марии, подчеркнул, что оно, «являясь одним из наиболее обширных благотворительных ведомств России, глубоко сочувствует высшим человеколюбивым целям съезда...»¹⁹⁹. Представитель Человеколюбивого общества В. Д. Троицкий выступил в том же духе: «Что наше общество сочувственно к просвещенным задачам и предстоящим трудам съезда, это доказывается не только командированием представителя от Центрального управления общества, но и присутствием здесь представителей учреждений как Санкт-Петербурга, так и иногородних»²⁰⁰. Но «сочувствие» заканчивалось там, где затрагивались прерогативы императорских благотворительных структур. При обсуждении вопроса об обязательном призрении детей органами земского и городского управления съезд, в частности, отметил, что «необходим пересмотр положений о воспитательных домах, в целях

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 2. Д. 856. Л. 17–17 об..

¹⁹⁷ Гогель С. К. О задачах съезда // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. Доклады и журналы заседаний. Пг., 1914. С. 30.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Приветствия // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. 1. С. 37.

²⁰⁰ Там же.

включения означенных домов в общую сеть учреждений, ведающих обязательным призрением детей и согласования их деятельности с деятельностью органов самоуправления в этой области»²⁰¹. Такое предложение вызвало резкие возражения у директора Санкт-Петербургского воспитательного дома П. Н. Исаева, заявившего, что «императорские воспитательные дома занимают особое положение, находясь под высочайшим Покровительством их величеств и подведомственны опекунским советам, ввиду чего включение в их общую сеть заведений общественного призрения, подведомственного городским и сельским самоуправлениям недопустимо»²⁰². Более того, недовольство представителей Ведомства императрицы Марии вызвало даже то, что в тексте резолюции по итогам обсуждения вопроса слова «воспитательные дома» были написаны с маленькой буквы. По их настоянию буквы были заменены на заглавные. Как и в прежние времена, руководство Ведомства императрицы Марии ревниво оберегало его привилегированный статус.

Два общероссийских съезда по вопросам призрения и благотворительности показали возросший интерес общества к социальной проблематике. Теоретики и практики в области призрения, благотворители, представители городов и земств, церкви, правительственных учреждений обсудили практически все актуальные вопросы социальной политики. Несомненной заслугой съездов явилось то, что они утвердили представления о благотворительности как о факторе, который помогает организации призрения, но не заменяет его. Оба съезда безоговорочно признавали, что призрение должно иметь организованный и систематический характер. Однако практических последствий съезды не имели. Без четкой законодательной основы и последовательной правительственной политики, направленной на объединение усилий благотворителей и учреждений призрения в масштабах империи, их самостоятельное объединение было невозможным. Основные принципы оказания социальной помощи нуждающимся, по существу, не менялись до революции 1917 г., хотя роль государства в ее осуществлении постепенно возрастала.

Благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых пережили свержение своих покровителей в феврале 1917 г. необходимость модернизации призрения в России была очевидной, но временное правительство сознавало, что резкие перемены в этой сфере могли привести к дезорганизации системы социальной помощи. Этим объясняется осторожность, с которой новая власть осуществляла изменения в благотворительных структурах свергнутой династии. Из названий ведомств и комитетов исчезли имена членов бывшей императорской фамилии. Кроме этого, произошли незначительные перемены в их организационной структуре и порядке управления.

Превращение императорской фамилии в «граждан Романовых» мало отразилось на деятельности учреждений, входивших в состав Ведомства императрицы Марии. Решением временного правительства 4 марта 1917 г. оно было формально упразднено, но фактически сохранилось как единая организационная структура, именовавшаяся «Управлением Маринских благотворительных и учебных учреждений». Комиссаром по делам этих учреждений, вошедших в Министерство народного просвещения, был назначен Е. П. Ковалевский. Чтобы внести ясность в судьбу местных органов управления обществами и учреждениями и не допустить их дезорганизации, 7 марта 1917 г. им было направлено «распоряжение комиссаров временного правительства по учебным заведениям и учреждениям бывшего Ведомства императрицы Марии». В документе содержалось обращение «к советам и лицам, заведующим отдельными учреждениями ведомства, с покорнейшей просьбой продолжить или

²⁰¹ Общее собрание 16 мая 1914 г. // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. I. С. 723–724.

²⁰² Там же. С. 724.

возобновить там, где она была прервана, свою деятельность и принять все меры к восстановлению правильной жизни и занятий в учебных заведениях²⁰³.

В местных учреждениях бывшего ведомства призыв новой власти был встречен с полным одобрением. Не исключено, что среди сотрудников бывшего ведомства были люди с реакционно-монархическими взглядами. Однако для подавляющего большинства служащих падение монархии трагедией не стало. Постоянное общение с обездоленными людьми, столкновение с реальными проблемами призрения, воспитания и образования не могло способствовать укреплению монархических взглядов. Кроме того, необходимым условием существования учреждений призрения было конструктивное взаимодействие с новой властью. Свидетельство отношения преподавателей и служащих Ведомства императрицы Марии к Февральской революции – сорок две приветственные телеграммы с мест в центральное управление ведомства, поступившие, главным образом, от учебно-воспитательных заведений. Почти все приветствия носят не эмоциональный, а деловой характер. Руководители и педагогические коллективы докладывали, что учебно-воспитательный процесс из-за революционных событий не прерывался. Новой власти задавались практические вопросы, над которыми ее представители ранее, будучи в оппозиции, вряд ли задумывались. Например, совет Киевского института, приветствуя «новое правительство России», спрашивал, «куда направлять отчетность и переписку... и откуда просить денег на содержание института»²⁰⁴. Педагогический коллектив саратовского Мариинского института, приветствуя «переход управления бывшими Мариинскими учебно-воспитательными заведениями в надежные руки избранников народа», напоминал, что «необходима незамедлительная и коренная реформа отживших форм воспитания»²⁰⁵. Из общего ряда выделяется приветствие Смольного института, учебно-воспитательный персонал которого выразил стремление служить «обновленной родине с твердой верой, что новый строй жизни обеспечит свободной России полную победу в мировой войне»²⁰⁶. Бывшее Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых не ограничилось приветствием, а направило комиссару по делам бывшего Ведомства императрицы Марии Е. П. Ковалевскому записку, составленную по итогам общего собрания педагогического персонала петербургских учреждений Попечительства. Автор записки, делегат от петербургского Училища глухонемых П. В. Кудрявцев, предлагал власти и коллегам «сообща, через посредство своих делегатов, выработать единый правильный план обучения глухонемых детей в связи с новым строем и тем посылить прийти на помощь новому правительству...»²⁰⁷. В качестве первого шага на этом пути предлагалось ввести обязательное государственное обучение глухонемых детей. При этом отмечалось, что «абсолютное большинство глухонемых детей – дети воинов, сироты и полусироты, забота о коих всецело должна лежать на государстве»²⁰⁸. В записке указано и на необходимость организации призрения воинов, ставших глухонемыми в результате контузии или ранения.

Весной 1917 г. новая власть приступила к поиску путей решения задач социальной политики. В апреле Е. П. Ковалевский обратился к министру народного просвещения А. А. Мануйлову с запиской, в которой указывал, что передача учреждений призрения из бывших благотворительных ведомств и комитетов дома Романовых в другие структуры может отрицательно повлиять на дело социальной помощи. Для обсуждения вопроса о том, что делать с этими учреждениями и как реорганизовать призрение, 17 апреля 1917 г.

²⁰³ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 3.

²⁰⁴ Там же. Л. 50.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 57.

²⁰⁶ Там же. Л. 25.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2343. Л. 1.

²⁰⁸ Там же. Л. 2.

Ковалевский собрал совещание, в котором приняли участие товарищ министра народного просвещения Д. Д. Grimm, члены государственной думы В. В. Милютин, В. П. Баскаков, Э. П. Бенигсен, председатель городского управления Москвы Д. Я. Дорф, а также известные специалисты в области призрения С. К. Гогель и В. Ф. Дерюжинский. Совещание единогласно высказалось за создание единой общегосударственной структуры управления призрением и «...признало необходимым неотложное принятие мер для образования хотя бы временного органа единения всех разрозненных учреждений общественного призрения»²⁰⁹. Решено было приступить к скорейшей разработке нового законодательства об общественном призрении и положения о постоянном государственном органе управления призрением. У совещания не вызывало сомнений участие в организации социальной помощи земств и городских общественных управлений. Предполагалось, что новый орган примет меры «к передаче дел местных учреждений упраздненных комитетов (под покровительством Романовых. – *Прим. авт.*) в ведение органов городского и местного самоуправления»²¹⁰. В состав этого органа планировалось включить представителей земств, городов, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, министерств (военного, внутренних дел, просвещения, юстиции и финансов), а также представителей союза больничных касс и союза увечных воинов. Предусматривалось приглашение специалистов в области призрения, «... и в случае необходимости, представителей крупнейших организаций частной благотворительности»²¹¹.

Таким образом, совещание сформулировало основные принципы организации государственного призрения, о которых говорилось еще с конца XIX столетия – широкое участие общественности в его делах и управлении, привлечение организованной благотворительности, сосредоточение его в одном ведомстве, выработка нового устава. Первым шагом в этом направлении стало создание в мае 1917 г. Министерства государственного призрения, которое возглавил видный деятель партии кадетов князь Д. И. Шаховской. Тогда же в состав нового министерства были включены учреждения Ведомства императрицы Марии и Человечколюбивого общества²¹².

Но созданные преподавателями и служащими учреждения призрения комитеты встречали в штыки любые инициативы, если предварительно они не получали согласия общественности. Например, после того как в Министерстве государственного призрения решено было создать специальный отдел для управления учебно-воспитательными заведениями, совет союза родительских комитетов Петроградских женских институтов направил Ковалевскому письмо, в котором выразил недовольство тем, что это решение не было предварительно с ним согласовано. Совет напомнил, что «вопросы о реформе учебных заведений и управлении ими с наибольшей полнотой могут быть разрешены только на предстоящем всероссийском съезде представителей учебных заведений ведомства Министерства государственного призрения», а до тех пор следует соблюдать порядок, при котором «все проекты перед поступлением во временное правительство представлялись бы совету союза родительских комитетов»²¹³. Ковалевскому также поступило письмо родительского комитета Петроградского Мариинского института. Комитет выступил против перепрофилирования женских институтов и за сохранение их закрытого характера, аргументируя это тем, что дети воинов и беженцев нуждаются в интернатском призрении, а, кроме того, «все возрастающая доро-

²⁰⁹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 17 об.

²¹⁰ Там же. Л. 18.

²¹¹ Там же. Л. 18 об.

²¹² Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1917. Отд. 1. № 119, ст. 645.

²¹³ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2351. Л. 222 об.

говизна жизни принуждает многих родителей к усиленному заработку в ущерб заботам о воспитании детей»²¹⁴.

Немало проблем было и с управлением медицинскими учреждениями бывшего Ведомства императрицы Марии. Вскоре после падения монархии к Ковалевскому обратились военно-медицинская академия, Психоневрологический институт и Петроградский женский медицинский институт с просьбами передать им ряд учреждений из состава ведомства. Напротив, персонал петроградских лечебных заведений, входивших в ведомство, высказался против их передачи или расформирования. Врачи Мариинской женской больницы, больницы Петра Ольденбургского и родовспомогательного заведения выступили за объединение медицинских учреждений бывшего ведомства в единый комплекс на базе клинического института Елены Павловны «в целях руководства и выработки ... мероприятий для восстановления правильного течения больничной жизни и возможного улучшения больничного дела в научном, административном и хозяйственном отношениях»²¹⁵.

Мариинская больница для бедных на Литейной улице. С.-Петербург. Литография 1820-е гг.

В этих условиях сложно было сохранить контроль за деятельностью многочисленных разнотипных учреждений бывшего Ведомства императрицы Марии, не говоря уже о каких-либо системных преобразованиях. Причиной такого положения дел были не амбиции сотрудников и не стремление сохранить привилегированный статус. Служащие, преподаватели и родители полагали, что при наступившей демократии все, даже текущие вопросы управления, должны решаться после всестороннего обсуждения общественностью. Граждане России, до февраля 1917 г. никогда не жившие в условиях реальных демократических свобод, считали, что они, эти свободы, должны быть безусловными, и стремились воспользоваться ими в полном объеме. Кроме того, новое руководство учреждениями бывшего ведомства само рекомендовало создавать в них советы из выборных лиц, которые с энтузиазмом взялись за управление. Подобные трудности были вполне преодолимы. Но для этого требовалось незамедлительно начать разработку основ общегосударственной социальной политики. Такая сложная работа требовала времени, и для ее выполнения нужна была спо-

²¹⁴ Там же. Л. 94.

²¹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2348. Л. 24.

койная политическая обстановка в стране, конструктивное сотрудничество политических сил, пришедших во власть. А эти условия отсутствовали.

Воспитанники приюта принца П. Г. Ольденбургского и сестры милосердия у памятника П. Г. Ольденбургскому перед главным фасадом Мариинской больницы в день 100-летия выдающегося благотворителя. С.-Петербург. 1912 г. Фото ателье К. Буллы

Не дожидаясь инициативы со стороны власти, вновь активизировалась общественность в лице сотрудников бывшего Ведомства императрицы Марии. Летом 1917 г. они создали организационный комитет для подготовки всероссийского съезда представителей учебных заведений ведомства. Заявку на участие в форуме подали 80 учебно-воспитательных заведений²¹⁶. По сохранившимся архивным документам не представляется возможным точно установить круг вопросов, предполагавшихся к обсуждению на съезде. Но с большой долей вероятности можно допустить, что учителя, воспитатели и врачи стремились обсудить и донести до власти наболевшие вопросы о необходимости скорейшей разработки нового устава общественного призрения, о планах и программах работы в новых условиях, о недостатке средств на их содержание и развитие учреждений и прочее. Съезд планировалось провести в Петрограде во второй половине октября 1917 г. Оргкомитет обратился к министру государственного призрения с просьбой о выделении кредита на размещение делегатов, делопроизводство и другие расходы. По подсчетам требовались не менее 25 000 руб. Министерство поддержало инициативу, но выделило всего 1200 руб. на канцелярские расходы. Съезд не состоялся. Этому помешали бурные политические события в Петрограде, в результате которых власть перешла к большевикам.

Прочие благотворительные ведомства и комитеты бывшей императорской фамилии после февраля 1917 г. также продолжили свою деятельность как единые организационные комплексы. Их сотрудники не выдвигали предложений по реорганизации призрения и обра-

²¹⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2374. Л. 3.

зования в масштабах страны, ограничиваясь текущей работой. Человеколюбивое общество перестало быть императорским, но его учреждения продолжали существовать как прежде. Совет общества, в который входили высокопоставленные чиновники и придворные, был упразднен. Функции управления перешли к канцелярии бывшего совета, возглавлявшейся выборной комиссией из служащих.

Продолжало действовать Попечительство о трудовой помощи, из названия которого исчезло упоминание об августейшей покровительнице. Из членов Попечительства был исключен Николай II. Институт действительных и почетных членов Попечительства прекратил свое существование как руководящий орган, поскольку высокопоставленные царские чиновники и придворные лишились своих постов. Центральное управление ведомства трудовой помощи, местные благотворительные общества и учреждения призрения перешли под контроль выборных комитетов и комиссий из служащих. Попечительство продолжало выпускать журнал «трудовая помощь», в котором широко обсуждались проблемы модернизации призрения.

Комитет по организации временной помощи пострадавшим от военных бедствий, лишившийся наименования Татьянинского, как и прежде, действовал, хотя управление его делами и учреждениями в центре и на местах также перешло к выборным лицам.

Существование благотворительных ведомств и комитетов бывшей императорской фамилии в период от свержения монархии до утверждения Советской власти свидетельствует о той заметной роли, которую они играли в общероссийском призрении. Организованная благотворительность с широким участием общественности доказала свою жизнеспособность и востребованность в новых политических условиях. Потенциал и опыт этих организаций были достаточными, чтобы сыграть важную роль в намечавшемся реформировании призрения. Однако этому помешали бурные политические события, в результате которых в октябре 1917 г. временное правительство было свергнуто большевиками. Чтобы оказывать социальную помощь нуждающимся, Советская власть вынуждена была использовать ту систему призрения, которая осталась ей в наследство от самодержавия и временного правительства. Поэтому она первое время не стремились к разрушению организационных структур и учреждений призрения, существовавших при старом режиме.

Учреждения бывшего Ведомства императрицы Марии в первые месяцы Советской власти управлялись прежней администрацией. Центральное управление в условиях разгоравшейся гражданской войны перестало существовать. Там, где новая власть утвердилась, большевики приступили к передаче учреждений призрения в ведение местных советов и наркоматов. В Петрограде и Петроградской губернии в детские приюты и подобные им заведения районные советы назначили «комиссаров по попечительству». В ноябре – декабре 1917 г. новые власти приступили к обследованию Петроградских приютов и признали их состояние «катастрофическим»²¹⁷. Другим оно не могло быть в условиях развала экономики, начинавшейся гражданской войны и разрушения старой системы призрения. Но даже в таких условиях прежнее руководство Петроградских детских приютов пыталось их сохранить. Только к середине февраля 1918 г. «большинство детских приютов было изъято из ведения старых попечительств и передано районным отделам социального обеспечения»²¹⁸. В конце 1917 г. началась передача органам Советской власти петроградских медицинских учреждений бывшего Ведомства императрицы Марии. Несколько месяцев они существовали фактически самостоятельно, управляясь выборными комитетами из врачей и служащих. За это время ни одна из больниц не была закрыта и не лишилась своих капиталов.

²¹⁷ *Фрайман А. Л.* Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы Советской власти. Л., 1969. С. 362.

²¹⁸ Там же.

Передача этих учреждений в ведение Наркомздрава Союза коммун северной области завершилась летом 1918 г. При этом составлялся акт, подписывавшийся представителями комиссариата и комитета, управлявшего больницей. Например, 13 мая 1918 г. такой документ подписали служащие комиссариата и члены административно-хозяйственного комитета глазной лечебницы в Петрограде²¹⁹. В мае – июле того же года в ведение комиссариата перешли больницы святой Ольги, Петра Ольденбургского, всех скорбящих и Мариинская. Из названий этих и других медицинских учреждений исчезли упоминания о христианских святых и членов императорской фамилии. Больница Петра Ольденбургского, например, была переименована в больницу имени Раухфуса, Мариинская получила название Больницы в память жертв революции²²⁰.

Если судьба приютских и медицинских учреждений была решена, то у женских институтов в их прежнем виде перспектив не было. Дворяне, офицеры, чиновники, священнослужители, чьи дочери здесь обучались, были для новой власти классовыми врагами. Еще до свержения временного правительства, в августе 1917 г., большевиками был занят Смольный институт. После каникул заниматься было негде. Оставшийся персонал и часть воспитанниц были переведены в Ксенинский институт. Следует отдать должное педагогам и служащим старейшего женского института России. В меру своих сил и возможностей они позаботились о смолянках-сиротах. В декабре 1917 г. их организованно перевели из Петрограда в Харьковский институт, который функционировал до декабря 1919 г. При отступлении денкинцев он был эвакуирован в Новороссийск. Видимо, руководство института рассчитывало организованно отправить воспитанниц за границу. «говорили, что он отправится на остров Мальту», – отмечает в своих мемуарах воспитанница Харьковского института Т. Г. Морозова²²¹. По косвенным данным, до декабря 1919 г. действовал Киевский институт. Пережив революционные события конца 1917 – начала 1918 г., Центральную Раду, германскую оккупацию, Скоропадского, Директорию, кратковременное правление большевиков, он прекратил существование с окончательным занятием Киева Красной армией. «На улицах много народу, стоят, собравшись в кучку, воспитанницы института с узелками в руках... я спрашиваю их, что они здесь делают. „Нас распустили домой“, – говорят они», – вспоминает мемуаристка под псевдонимом «Л. Л-ва» в «Очерке жизни в Киеве в 1919–20 гг.», опубликованном в «Архиве русской революции»²²².

Некоторое время при советской власти продолжало действовать Человеколюбивое общество, управлявшееся канцелярией упраздненного совета. Сохранившиеся документы этого периода не дают полного представления о том, как работала канцелярия и в каком положении оказались благотворительные общества и учреждения призрения общества, разбросанные по территории России. По имеющимся данным можно сделать вывод, что служащие канцелярии всячески старались сохранить порядок в документах и финансах. Понимая, что в новых условиях прежнее существование Человеколюбивого общества не возможно, комитет служащих канцелярии принял решение передать органам Советской власти учреждения призрения, финансовые средства и делопроизводство. В июне 1918 г. Комитет разослал в подведомственные учреждения циркуляр, требовавший подготовиться к ревизии со стороны комиссариата социального обеспечения. В документах фонда Императорского Человеколюбивого общества в РГИА нет сведений о том, в каком состоянии в то время было положение дел в учреждениях общества. Вряд ли эта ревизия вообще могла быть проведена, когда в

²¹⁹ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб). Ф. 2815. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

²²⁰ Там же.

²²¹ Морозова Т. Г. В институте благородных девиц // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 475.

²²² Л. Л-ва. Очерки жизни в Киеве в 1919–20 гг. // Архив русской революции: в 22-х т. М., 1991. Т. 4. С. 219.

России уже шла гражданская война. В лучшем случае можно было обследовать петроградские учреждения, но и о них сведений нет.

Осенью 1918 г. началась ликвидация Человеколюбивого общества как самостоятельной структуры. На общем собрании служащих канцелярии 25 сентября была создана специальная комиссия для подготовки делопроизводства к передаче в наркомат соцобеспечения. В начале октября эта комиссия получила распоряжение наркома соцобеспечения, которым в целях «объединения всего дела социального обеспечения в руках государства» постановлялось: «1. Упразднить временное управление Человеколюбивого общества в лице комитета служащих...; 2. Дела, капиталы, имущества и учреждения передать в комиссариат социального обеспечения; 3. Для передачи назначить двухнедельный срок»²²³. Для приема дел наркоматом была создана еще одна комиссия, в которую вместе с представителями Советской власти вошли служащие бывшего Человеколюбивого общества. Ликвидационная комиссия 15 октября 1918 г. постановила «упразднить все входящие в состав ликвидируемого общества попечительные о бедных комитеты на всем пространстве российской республики», оформить «переход всех учебно-воспитательных заведений общества в ведение народного комиссариата по просвещению и всех учреждений, имеющих характер медицинской помощи, в народный комиссариат здравоохранения», а также «разослать всем учреждениям Человеколюбивого общества на бланках общества извещения о таковой ликвидации сего общества»²²⁴. Сроком завершения ликвидации было определено 1 декабря 1918 г. Эту дату можно принять за окончание существования одного из крупнейших благотворительных ведомств дома Романовых, которое пережило своих покровителей почти на два года. Последний документ в делах общества датирован 18 ноября 1918 г. Ликвидация Человеколюбивого общества – пример сотрудничества благотворительного ведомства бывшей императорской фамилии и Советской власти. Каковы бы ни были политические взгляды сотрудников общества, они, несомненно, понимали, что с исчезновением благотворителей, как таковых, учреждения призрения без прямой государственной поддержки не просуществуют. И комитет служащих канцелярии принял единственно правильное в тех условиях решение – передать их новой власти. Разумеется, сделать это на всей территории России было невозможно, поскольку разгоралась гражданская война.

После Октября 1917 г. продолжило свою деятельность и Попечительство о трудовой помощи. Комитет его сохранял контроль над финансовыми средствами ведомства и управлял теми учреждениями, связь с которыми сохранялась. С началом гражданской войны Попечительство, как единая организационная структура, распалось. Фактически в ведении комитета остались учреждения, располагавшиеся в Петрограде и Петроградской губернии. К тому времени комитет Попечительства согласовывал свои действия с комиссариатом соцобеспечения. Например, в июне 1918 г. служащие Петроградского детского приюта трудолюбия ходатайствовали перед ним об увеличении жалования. Комитет в ответ сообщил, что обсуждение этого вопроса он «... постановил отложить до получения от комиссариата социального обеспечения сведений о новых окладах содержания для служащих по комиссариату»²²⁵. При Советской власти некоторое время продолжал выходить периодический печатный орган Попечительства – журнал «трудовая помощь». Это издание не было политизированным и сохраняло лояльность по отношению к Советской власти. Последний номер вышел в августе 1918 г. В нем были опубликованы обычные материалы: журналы заседаний комитета Попечительства, сведения о работе учреждений трудовой помощи, информация о передаче учреждений земского и городского союзов органам Советской власти, программа

²²³ РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1184. Л. 3.

²²⁴ Там же. Л. 30.

²²⁵ Трудовая помощь. 1918. № 7. С. 92.

обучения ремеслам в трудовых приютах, разработанная К. Ю. Цирулем, который занимался этим вопросом еще в царское время. В конце номера содержались сведения о подписке на оставшиеся месяцы 1918 г. Очевидно, закрытие журнала стало для редакции и комитета Попечительства полной неожиданностью. К концу 1918 г. прекратило существование и само ведомство трудовой помощи.

При большевиках некоторое время существовал Татьянинский комитет, точнее – его местные отделы и отделения. Октябрь 1917 г. изменил в положении беженцев только то, что они сами получили возможность участвовать в разрешении своих проблем. В Петрограде 21 ноября состоялся второй всероссийский съезд беженцев, избравший Центральное правление всероссийского союза, которое стало преемником отдела по устройству беженцев МВД. Правление обратилось к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов с предложениями назначить комиссара по делам беженцев или создать соответствующую комиссию при совете, установить контроль над «существующими старыми беженскими учреждениями, как национальными, так и общими», реорганизовать их «на демократических началах путем привлечения к ним широких масс беженцев», создать в уездах и городах советы беженцев и передать этим советам право распоряжаться суммами, «ассигнуемыми на нужды беженцев»²²⁶. К «старым беженским учреждениям» относились и структуры бывшего Татьянинского комитета, Петроградский губернский отдел которого продолжал функционировать. Одновременно съезд направил Петроградскому отделу резолюцию. В ней предлагалось «поднять вопрос на мирной конференции народов о планомерном возвращении беженцев в родные места», которое должно было «начаться одновременно с общей демобилизацией»²²⁷. В резолюции подчеркивалось, что все заботы об устройстве и перемещении беженцев должно взять на себя государство. Против этого никто не возражал, но очевидно, что резолюция принималась под воздействием революционного энтузиазма. Предполагалось, видимо, что «мирная конференция народов» состоится после победы революций в воюющих странах. Но война продолжалась. Примеру России, с октября 1917 г. фактически прекратившей ее в одностороннем порядке, не собирались следовать ни противники, ни бывшие союзники по Антанте. Более реалистической была резолюция финансовой комиссии съезда. В ней, в частности, говорилось, что «средства на обеспечение нужд беженцев должны быть черпаемы из государственных источников, для чего должна быть предусмотрена в смете государственных расходов особая статья по устройству беженцев», а размер расходов следует устанавливать, руководствуясь «фактическими статистическими данными о количестве и нужде беженцев»²²⁸.

Петроградский отдел принял к сведению резолюции съезда, но в архивных документах отдела нет свидетельств того, чтобы эти резолюции воплощались в жизнь. Хватало текущей работы. Петроградский отдел бывшего Татьянинского комитета продолжал оказывать помощь беженцам, находившимся на территории губернии. В январе – феврале 1918 г. отдел выплачивал беженцам пособия. За ним продолжали числиться общежития и другие объекты созданной ранее инфраструктуры для призрения беженцев. Пособия в начале 1918 г. выдавались не обесценившимися деньгами, а продовольственными пайками. Вскоре и такая помощь стала невозможна. Петроградскому губернскому совету из наркомата внутренних дел 27 марта 1918 г. пришло распоряжение прекратить выдачу пайков всеми организациями по призрению беженцев «вследствие затруднительного положения народной казны и возникающих на почве выдачи пайков беженцам трений между последними и местными

²²⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГИА СПб). Ф. 261. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

²²⁷ ЦГИА СПб Ф. 261. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.

²²⁸ Там же.

жителями, а также невозможности прожить на выдаваемый паек в виду мизерности его»²²⁹. Наркомат требовал оказывать помощь только нетрудоспособным беженцам. Мартом 1918 г. датируются последние документы Петроградского отдела бывшего Татьянинского комитета. В условиях развала государства и разраставшейся вооруженной борьбы внутри страны прежняя система помощи беженцам не могла сохраниться. К беженцам мировой войны добавились беженцы войны гражданской. В тот период прекратили свое существование учреждения и другого бывшего «именного» благотворительного комитета – Ольгинского.

Передав учреждения призрения бывших благотворительных ведомств и комитетов императорской фамилии в ведение государственных структур, отвечавших за социальную помощь, новая власть не забыла и об их архивах, располагавшихся в Петрограде. В ноябре 1918 г. началась ликвидация этих архивов как самостоятельных и сосредоточение хранившихся в них документов в общий архив ликвидированных благотворительных комитетов при комиссариате внутренних дел союза коммун северной области²³⁰. Передача дел бывших архивов завершилась в 1919 г. Позднее их материалы поступили на хранение в соответствующие архивные учреждения Советской власти.

Так окончательно была поставлена точка в более чем вековой истории благотворительных ведомств и комитетов под покровительством дома Романовых. Вопрос о степени эффективности социальной помощи, которую они осуществляли, и их роли в общероссийском призрении, является сложным.

²²⁹ Там же. Л. 1.

²³⁰ См.: ЦГА СПб Ф. 142. Оп. 1. Д. 21. Л. 13–13 об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.